

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ПО ИСТОРИИ ОЙРАТОВ XVII—XVIII ВЕКОВ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Калмыцкий институт гуманитарных исследований
Российской Академии наук

**ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
ПО ИСТОРИИ ОЙРАТОВ
XVII–XVIII ВЕКОВ**

Элиста
2016

УДК 84(470.47)

ББК 63.3 (2)46

П 34

*Печатается по решению Ученого совета
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Калмыцкого института гуманитарных исследований
Российской академии наук*

Ответственный редактор

кандидат исторических наук *В. Т. Тепкеев*

Рецензенты:

доктор философских наук *Б. А. Бичеев*

кандидат филологических наук *А. В. Бадмаев*

Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII
П 34 веков: сборник / Сост., перев. со старописьм. монг., транслит. и
коммент. Санчирова В. П. — Элиста: КИГИ РАН, 2016. — 270 с.

В сборник включены в переводе на русский язык шесть ойратских историко-литературных памятников, большинство из которых были обнаружены и изданы в конце XX века учеными-монголоведами из Китая и Монголии. Впервые в российском монголоведении раскрыто содержание ойратских исторических сочинений, помещены комментарии к описываемым событиям и биографиям исторических деятелей, проанализированы взгляды авторов этих сочинений на прошлое ойратов, игравших видную роль в центральноазиатском и соседних регионах в XVII–XVIII вв. Содержащиеся в них факты и выводы представляют интерес и ценность для изучения летописной традиции у ойратов и калмыков, развития у них исторических знаний.

Сборник рассчитан на историков и всех, кто интересуется историей калмыцкого народа.

ISBN 978-5-903833-94-8

© ФГБУН Калмыцкий институт
гуманитарных исследований
Российской академии наук, 2016

© Санчиров В. П., 2016

Содержание

Предисловие	5
I. История Хо-Өрлөкэ	
I.1. Введение	13
I.2. Транслитерация	24
I.3. Русский перевод	29
I.4. Комментарии	36
II. История дурбэн-ойратов	
II.1. Введение	49
II.2. Русский перевод	57
III. Родословная торгутских ханов и князей («Происхождение торгутов»)	
III.1. Введение	85
III.2. Русский перевод	95
IV. Родословная монголов («История происхождения монголов»)	
IV.1. Введение	127
IV.2. Транслитерация	142
IV.3. Русский перевод	151
IV.4. Комментарии	163
V. История о том, как управляли государством владыки Чингиса и поддерживали ханское правление	
V.1. Введение	181
V.2. Транслитерация	183
V.3. Русский перевод	193
V.4. Комментарии	206
VI. История (происхождение) элётских князей. Книга жизнеописаний ханов и нойонов с древности до настоящего времени	
VI.1. Введение	241
VI.2. Русский перевод	247
Источники и литература	262

ПРЕДИСЛОВИЕ

XVII и XVIII вв. чрезвычайно богаты знаменательными событиями в истории ойратов (западных монголов). Именно в этот период мы наблюдаем взлет военной и политической активности крупных ойратских этнополитических объединений джунгаров, хошутов, торгутов и дэрбэтов, который предопределил возникновение, расцвет и гибель на территории Евразии трех государственных образований кочевников: Джунгарского ханства (1635–1758) в Джунгарии и Западной Монголии, Калмыцкого ханства (60-е гг. XVII – 1771 г.) в Нижнем Поволжье и Хошутского ханства (конец 30-х XVII в. – 1724 г.) в Кукуноре. Консолидация ойратских кочевых объединений в 30-х гг. XVII века привела к появлению на западе Монголии сильного Джунгарского ханства. Его взаимоотношения с Цинским Китаем, Россией и Калмыцким ханством оказывали значительное воздействие на политический климат в регионе Центральной Азии, на внешнюю и внутреннюю политику Цинской империи и России в XVII — первой половине XVIII в.

Наши знания об исторических событиях той эпохи не могут быть полными и всеобъемлющими без использования собственно ойратских источников. Задача исследователя, занимающегося изучением исторического прошлого ойратов в целом и калмыков в частности, существенно осложняется тем обстоятельством, что в специфических условиях кочевого образа жизни ойратов и калмыков и перенесенных ими потрясений их собственные документальные материалы не сохранились. Тем большее значение приобретают специальные источниковедческие разработки ойратских источников, дошедших до нашего времени, которые позволяют взглянуть на события ойратской и калмыцкой истории как бы «изнутри». Среди них особое место занимают историко-литературные произведения ойратов, обнаруженные в XX в. в Монголии и Китае. Написанные на ойратском языке на зая-пандитской письменности «тодо бичиг» («ясное письмо»),

они имеют познавательную и научную ценность. Их авторами являются в большинстве своем представители знатной верхушки ойратского общества и ламаистского духовенства. Им удалось в известной степени передать умонастроение народных масс. В сочинениях этих авторов, имена которых часто остаются неизвестными, нашли отражение историческое мышление народа, более архаическое и упрощенное, его оценки отдельных событий и лиц. Здесь мы имеем дело с трансформацией реальных исторических фактов XVII–XVIII вв. и более раннего периода в устной народной традиции и их фиксацией в письменном виде.

В настоящий сборник вошли переводы шести ойратских сочинений, опубликованные на старописьменном монгольском языке в двух сборниках, изданных в 1985 и 1992 гг. в Китае: «Ойратские исторические источники» (*Oyirad teüken surbulji bičig*)¹ и «Ойратские исторические памятники» (*Oyirad teüke-yin durasqal-ud*)². Они были подготовлены к изданию китайскими историками, монголами по национальности, которые занимаются изучением ойратских источников. Ойратские сочинения в сборнике идут в следующей последовательности:

1. «История Хо-Öрлөка»;
  2. «История дурбэн-ойратов»;
  3. «Родословная торгутских ханов и князей» («Происхождение торгутов»);
  4. «Родословная монголов» («История происхождения монголов»);
  5. «История о том, как управляли государством владыки Чингиса и поддерживали ханское правление»;
  6. «История (происхождение) элётских князей. Книга жизнеописаний ханов и нойонов с древности до настоящего времени».
- Автор «Истории Хо-Öрлөка» был, по-видимому, хошутом

¹ Oyirad teüken surbulji bičig. Kökeqota: Öbör Mongğol-un soyol-un keblel-ün qoriya, 1985.

² Oyirad teüke-yin durasqal-ud. Ürümči: Šinjiyang-un arad-un keblel-ün qoriya, 1992.

и довольно подробно написал об истории хошутов. Временем написания данного источника можно считать вторую половину XVIII в. Несмотря на небольшой объем, он по своему содержанию является очень ценным источником. В нем сообщается несколько особо важных сведений, относящихся к истории Ойратского союза, в том числе о его составе в разные периоды, времени его образования, особенностях проводившейся им политики, деятельности известных личностей ойратской истории. В других источниках подобные сведения отсутствуют. Приводятся также сведения о том, кто именно из ойратских правителей участвовал в завоевании ойратскими войсками Кукунора в 1637 г., о переселении туда части ойратов во главе с Гүши-ханом, об обстоятельствах, при которых торгутский Хо-Өрлök покинул родные места в Джунгарии, и многие другие ценные сведения.

Автор «Истории Дурбэн-ойратов» также не известен. Однако анализ содержания этого источника и тот факт, что в нем много места отводится рассказу о дэрбэтских князьях и их взаимоотношениях с правителями Джунгарского ханства накануне его крушения, позволяют согласиться с мнением составителей сборника «Ойратские исторические памятники» о том, что автором «Истории дурбэн-ойратов» является какой-то дэрбэтский лама, живший в это время¹. Судя по содержанию «Истории», сам автор, видимо, находился за пределами Джунгарского ханства, когда оно было в 1755–1758 гг. разгромлено войсками Цинской империи. Свое сочинение он написал уже после окончания последней ойрато-цинской войны в 60–70-е гг. XVIII в.

Сочинение «Родословная торгутских ханов и князей» впервые стало известно из сообщения в книге датского путешественника Хеннинга Хаслунд-Кристенсена «Люди и боги в Монголии. Заяган», вышедшей на шведском языке в 1934 г.² Он называет

¹ Оуирад теүкен сурбулжі биçиг. С. 288.

² К сожалению, автору не удалось познакомиться с этим изданием, но в 1935 г. оно было опубликовано на английском языке (см.: *Haslund-Chriestensen, H. Men and Gods in Mongolia. Zayagan. London, 1935. – N. Y. (Dutton), 1935).*

его «Toregut rarelgo», что является искажением ойратских слов *Torgudyn garulga* («Происхождение торгутов»). По его словам, оно представляло собой семейную родословную торгутского ханского рода и хранилось в торгутском монастыре в горах Тяньшаня в Синьцзяне.

Оригинал рукописи не сохранился, но с нее, как выяснилось, было сделано несколько списков. Один из них был опубликован в сборнике «Ойратские исторические источники» на монгольском языке¹, но имя автора там не указывалось. В найденном позднее еще одном списке на «ясном письме», опубликованном в 1991 г. Ц. Чойдандаром, приводится имя автора «Гэлэг Цогдан, известный под именем Эджэй»². Издатель допускает, что автор написал свое сочинение в период между 1853 и 1889 г.

Следующее сочинение называется «Родословная монголов», но данное название не соответствует его содержанию. Оно полностью посвящено ойратам, главным образом, событиям, связанным с историей Джунгарского ханства (1635–1758). Известно, что после гибели этого последнего независимого государства на территории Монголии восточномонгольские и западномонгольские авторы написали несколько исторических сочинений, где постарались, так или иначе, объяснить, чем была вызвана его столь трагическая участь.

Автором данного сочинения является некто Дээди, писарь из какого-то хошутского хошуна или сомона в Синьцзяне, а написано оно было уже после возвращения волжских торгутов на Алтай, т. е. после 1771 г.

Несмотря на свой малый объем (всего 27 листов), это сочинение содержит любопытные и ценные факты, не нашедшие отражения в других источниках. По своему содержанию оно может быть разделено на 10 небольших разделов.

¹ Oyirad teüken surbulji bičig. С. 365–389.

² Šine qayučin Torγud-un qayad noyad-un uγ ündüsüten-ü ileddel šastir. Čoyidandar qaryuγulun baγulγaju tayilburilaba. Begejing: Ündüsüten-ü keblel-ün qoriya, 1991. С. 188.

Если судить о содержании данного сочинения, то его можно охарактеризовать как историко-хронологическое, причем видно, что симпатии автора находятся на стороне хошутских князей. Мы имеем дело со светским сочинением, но имеющим в то же время религиозно-клерикальную окрашенность, мифологичность, свойственную произведениям монгольской буддийской историографии. Его сообщения приобретают особую ценность там, где в них под буддийскими мотивами и стереотипами поведения действующих лиц присутствует отражение вполне реальных исторических событий. В них автор обнаруживает себя как историограф, и авторское начало особенно проявляется, когда он рассказывает о трех исторических личностях — Энсэ-хутугте, жене джунгарского правителя Батура-хунтайджи Юм-Аге и его сыне Галдане Бошогту-хане.

Сочинение «История о том, как управляли государством владыки Чингиса и поддерживали ханское правление» имеет и второе название «Родословная владыки Чингиса, родословная дурбэн-ойратов, родословная хошуттов». Рукопись сочинения на «ясном письме» была найдена в Синьцзяне в 80-х гг. XX в. и тогда же опубликована в журнале «Хан-Тэнгри» в № 2 за 1983 г. на ойратском языке. Автор сочинения не назван, но монгольские исследователи с большой уверенностью указывают на его хошутское происхождение, принимая во внимание тот факт, что он подробно говорит о хошутских князьях, а свое сочинение называет «историей хошуттов». Время написания этого сочинения относится к 1850-м гг. уже после того, как под ударами войск Цинской империи пало Джунгарское ханство. Примечательно, что его неназванный автор говорит о том, что чоросские князья Джунгарии низкого происхождения и их родоначальником является урянхайский Чжурчидай, а не небесная дева. В нем также приводится множество ценных и малоизвестных фактов о взаимной вражде и соперничестве между князьями, со знанием дела говорится о происхождении главных князей чоросов, торгутов, хойтов, дэрбэтов и хошуттов, объясняется значение этнонима «хойт».

Написанная на монгольском языке «История (происхождение) элётских князей» представляет собой одну из княжеских родословных ойратов, а именно элётов или джунгаров, некогда самом крупном субэтническом подразделении в Джунгарском ханстве (1635–1758). Однако в нем перечислены только те потомки элётских князей, которые уцелели, оставшись в Халхе во времена джунгарского правителя Галдана Бошогту-хана после его поражения в ойрато-халхаской войне. Когда было уничтожено независимое ойратское государство — Джунгарское ханство, а его основное население почти полностью истреблено, то уцелевшие джунгары официально стали именоваться *элэтами*, а их прежнее название было упразднено цинскими властями.

Сводный текст этого сочинения по четырем рукописным спискам издал в 2010 г. в томе 14 серии «*Bibliotheca Oiratica*» в Улан-Баторе со своими комментариями монгольский историк Ц. Цэрэндорж¹, изучавший это сочинение в течение многих лет. Автором сочинения был, по-видимому, знатный элёт из элётского Южного хошуна Халхи, написавший свое сочинение в период между 1842–1886 гг. События изложены им только до 1761 г. В содержании выделяются семь частей, из которых шесть являются компиляцией, а только одна часть имеет самостоятельное значение. В ней речь идет о родословной элётских (джунгарских) князей из рода *Чорос*. Она по сравнению с другими версиями более подробна и содержит некоторые данные, отсутствующие в других источниках. В ней явно проглядывает желание автора возвеличить происхождение собственных князей и уравнивать их в знатности с князьями-чинггидами Халха-Монголии.

Три из описанных выше сочинений («История Хо-Өрлөка», «Родословная монголов», «История (происхождение) элётских князей») снабжены транслитерацией монгольского текста. Эти тексты содержат множество «темных» мест и не всегда понятных

---

¹ Өөлдийн ноёдын уг эх [түүх]. Монгол бичгээс хөрвүүлж, тайлбар, галиг, үгийн хэлхээ хийсэн Ц. Цэрэндорж. – Улаанбаатар: Тод номын гэрэл төв, 2010.

историко-культурных реалий. Поэтому к ним, а также к именам известных исторических деятелей дан исторический комментарий. Остальные три сочинения были опубликованы отдельными изданиями на языке оригинала (ойратском и монгольском), что избавляет нас от необходимости помещать их тексты в данном сборнике. Специфический характер этих сочинений отражен во вступительных статьях к каждому из них достаточно полно, поэтому в комментариях к ним нет необходимости. Монгольские тексты публикуются с применением общепринятой транслитерации на основе латинской графики, а при передаче монгольских имен и названий в переводах и комментариях использована транскрипция на основе русского алфавита.

В отечественном монголоведении помещенные в этом сборнике ойратские сочинения еще не переводились на русский язык и до сих пор не введены в научный оборот. Составитель сборника надеется, что их публикация подготовит почву и создаст благоприятные условия для расширения источниковой базы и более углубленного изучения истории ойратов.

І. ИСТОРИЯ ХО-ӨРЛӨКА

І.1. Введение

Этот редкий историко-литературный памятник по истории ойратов, написанный на ойратском языке, обнаружил в 1982 г. у простого жителя Баянгола (район в Синьцзяне, КНР) по имени Аюши преподаватель истории Монголии в Синьцзянском педагогическом университете (г. Урумчи) Шилэгийн Норбо. Список Аюши на зая-пандитской письменности «тодо бичиг» («ясное письмо») — это копия, прошедшая через руки нескольких владельцев, переписывавших ее друг у друга. Сам оригинал еще не обнаружен, и имя автора сочинения пока не установлено. Хотя само сочинение и невелико по объему, но по своему содержанию оно рассматривается исследователями как ценный исторический источник. В нем содержатся интересные сведения по истории ойратов XVII — первой половины XVIII в., которые не встречаются в других ойратских исторических сочинениях.

Шилэгийн Норбо первым опубликовал «Историю Хо-Өрлөка» в третьем номере издающегося на «ясном письме» журнала «Хан Тэнгри» (ойратское название гор Тянь-Шаня) за 1983 г., разбив текст сочинения по смыслу на отдельные абзацы, расставив знаки препинания и снабдив его своими комментариями. Эта его публикация вызвала большой интерес как у историков-монголоведов КНР, так и в самой Монголии.

Известный ученый из КНР, монгол по национальности, Алтан-Оргил написал о значении этого сочинения в своей ознакомительной статье на монгольском языке, посвященной недавно обнаруженным у ойратов историко-литературным произведениям. Она была опубликована в № 4 «Научного журнала Университета Внутренней Монголии» (спецвыпуск по истории ойратов, подготовленный Издательством общественных наук)¹.

---

¹ *Altanorgil. Todo üsüg degere jokiyaydayсан Mongyol teüke-yin surbulji biçig-üd-un tanılçayulyа // Öbör Mongyol-un başı-yin yeke suryayuli. Erdem šinjilegen-ü sedgöl. Nemelte sedgöl, 1987. С. 137–176.*

На ее основе им была написана статья «Дурбэн-ойратский союз по данным «Истории Хо-Өрлөка», которая была опубликована на китайском языке в «Журнале по общественным наукам Внутренней Монголии» (*Öbör Mongyol-un neyigem-ün šinjilekü uqayan-u sedgül*). В 1992 г. ученые из Внутренней Монголии (КНР) Бадай, Алтан-Оргил и Эрдэнэ опубликовали текст «Истории Хо-Өрлөка» в Синьцзянском народном издательстве на старомонгольской письменности в сборнике «Ойратские исторические памятники» (*Oyirad teüke-yin durasqal-ud*). *Šinjijang-un arad-un keblel-ün qoriya*), вышедшем в серии «Лучшие образцы ойратской культуры» (*Oyirad soyol-un degeji*)¹.

В 2001 г. монгольский ученый Надмидийн Сухбаатар издал в Улан-Баторе во втором томе «Материалов по истории ойрат-монголов» на кириллице текст «Истории Хо-Өрлөка» со своими пояснениями². В кратком предисловии он высказал предположение, что автором данного сочинения был хошут, «довольно подробно написавший об истории хошутов», и указал, что временем его написания является вторая половина XVIII в.

В 1993 г. республиканская газета «Хальмг үнн», выходящая на калмыцком языке, начала печатать на своих страницах уроки зая-пандитской письменности «тодо бичиг» («ясное письмо»). В этой рубрике в семи номерах газеты (№№ 84, 88, 93, 98, 104, 108, 112) в мае и июне 1993 г. переселившийся в Калмыкию ученый из Синьцзяна (КНР) Намджавин Содмон поместил полный текст «Истории Хо-Өрлөка» в переложении со старописьменного монгольского на «тодо бичиг» и на современную калмыцкую письменность (кириллицу) с небольшими пояснениями. К сожалению, эта публикация ценного источника по истории ойратов осталась незамеченной местными исследователями, лишь только

¹ Qo Örlög-ün teüke // Oyirad teüke-yin durasqal-ud. Ürümçei: Šinjijang-un arad-un keblel-ün qoriya, 1992. С. 38–46.

² Ойрад Монголын түүхэнд холбогдох сурвалж бичгүүд. II / Эмхтгэж, тод болон худам монгол бичгээс кирил бичигт буулган, тайлбар хийсэн На. Сухбаатар. Улаанбатар: Монгол улсын их сургууль, 2001. С. 157–166.

автором этих строк сведения из «Истории Хо-Öрлөка» были использованы при написании соответствующих глав первого тома «Истории Калмыкии с древнейших времен до наших дней»¹.

Введение в научный оборот новых данных, содержащихся в «Истории Хо-Öрлөка», предоставляет возможность провести более углубленное исследование малоизученных вопросов истории ойратов и пересмотреть некоторые устоявшиеся взгляды. Хотя данное сочинение называется «История Хо-Öрлөка», сам торгутский тайша не является в нем главным героем. Он упоминается только в двух эпизодах. Наиболее подробно о нем говорится в начале «Истории», где рассказывается, почему Хо-Öрлөк откочевал от остальной массы ойратов и поселился в местности *Орын ганц модон* (букв. «Одинокое дерево на реке Орь»), находившейся в Южном Приуралье, в бассейне реки Орь. Заслуживает внимания сообщение об обращении его подданных людей к занятию земледелием, что обыкновенно случалось у кочевников в случае чрезвычайных обстоятельств: массового падежа скота в суровые зимы, эпизоотий и бескормицы из-за летних засух, а также утраты пастбищных территорий и потерь скота в результате военных неудач и поражений от своих воинственных соседей.

К сожалению, в нашем источнике ничего не сказано о том, что явилось причиной бедственного положения ойратов и когда это произошло. Такие бедствия, как описанные выше, происходили у них довольно часто. Например, из русских источников известно, что большой урон скотоводческому хозяйству ойратов нанесла суровая зима 1612/1613 г., когда их скот из-за обильного выпадения снега лишился подножного корма и весь вымер. С. К. Богоявленский писал, что «калмыки от того «охудали», как сообщали побывавшие в калмыцких улусах татары, и должны были искать добычи для своего пропитания»². Однако он не указывает, как именно калмыки смогли выйти из создавшегося

¹ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х томах. Элиста, 2009. Т. 1.

² Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // Исторические записки. № 5. М., 1939. С. 56.

трудного положения. В аналогичном случае, если исходить из данных «Истории Хо-Өрлөка», дела в улусе торгутского тайши приняли благоприятный оборот, когда его подданные люди временно занялись земледелием и тем самым спаслись от голодной смерти. Хо-Өрлөку удалось собрать под своей властью 40 тыс. кибиток, к которым присоединились многие выходцы из других улусов. Это дает некоторое, хотя и приблизительное представление о количестве прикочевавших к русским границам подвластных тайши Хо-Өрлөка.

Сведения, приведенные в «Истории Хо-Өрлөка», подтверждают предположение о существовании так называемого Ойратского союза и конкретизируют данные о времени его образования, его этническом составе и эволюции входивших в него этнических подразделений. Вплоть до недавнего времени этот вопрос так и оставался чрезвычайно запутанным. «Вопрос о составе ойратского союза и времени его образования всегда был неясен и запутан»¹, — отмечал подробно занимавшийся средневековой историей ойратов И. Я. Златкин. О существующем большом разбросе мнений говорят такие крайние точки зрения, как «гиперкритическая» Б.Я. Владимирцова и «удревнительная» Г. О. Авляева.

Этим авторам не были известны аутентичные ойратские источники, которые могли бы пролить свет на данную проблему. Б. Я. Владимирцов ошибался, отрицая само существование Ойратского союза. Он писал: «... так называемый «Ойратский союз», о котором много говорят европейские ориенталисты, на самом деле никогда не существовал. Во всяком случае монгольские и ойратские источники ни разу о нем не упоминают. По-видимому, представление об Ойратском союзе появилось под влиянием не совсем правильного понимания слово *oyirad* как «близкие», значит, и «союзники». Из того факта, что существовало *Dörben Oyirad* «Четыре Ойратов», никак нельзя сделать вывод о том, что был союз ойратский»².

¹ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. М., 1964. С. 35.

² Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. М., 1934. С. 156, 157. Прим. 8.

В противоположность точке зрения Б. Я. Владимирцова калмыцкий исследователь Г. О. Авляев образование Ойратского союза в бассейне верхнего Енисея и Прибайкалье относил к середине IX в., когда произошло, говоря его словами, «крупнейшее политическое событие того времени, как разгром Уйгурского каганата в 840 г. енисейскими киргизами и освобождение протомонголов... от уйгурского господства»¹. Согласно выдвинутой им гипотезе, именно тогда «было положено начало монголоязычному древне-ойратскому племенному союзу, включавшему в домонгольский период четыре основных племени — *олет* (элёт. – В. С.), *батут*, *хойт* и *кэргуд* (т. е. киргизов с Енисея. – В. С.), не считая мелкие племена и роды с тотемистическими и иными названиями»².

В источниках других народов на монгольском, китайском, тибетском и других языках отсутствуют какие бы то ни было упоминания об Ойратском союзе. В появившихся в родственно-преемственной среде ойратских и калмыцких историко-литературных произведениях о нем встречаются лишь отдельные упоминания, содержащие разрозненные и противоречащие друг другу сведения о составе союза средневековых дурбэн-ойратов. Лишь только найденная в 80-х гг. XX в. «История Хо-Öрлөка» представляет собой ценный источник, проливающий свет на эту проблему. Приведенные в нем данные позволили исследователям в Монголии и Китае установить хронологические рамки существования этого важного компонента в структуре ойратского общества XIV–XVIII вв., изменения в его составе и время появления в нем новых племенных образований.

Согласно данным нашего источника, в истории Ойратского союза выделяются три этапа. О Первом Ойратском союзе сказано: «... В прошлом четыре племени, отделившись (по-видимому, здесь речь идет об отделении ойратов от восточных монголов после падения династии Юань. – В. С.), составили [отдельное] племя под названием «Четыре ойрата» (*dörben oyirad*). Первый

¹ Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа (середина IX – первая четверть XVIII вв.). М.–Элиста, 1994. С. 130.

² Там же. С. 131.

«ойрат» – это элэты (*өөлөд*); второй «ойрат» — это хойты и баатуы, объединившиеся вместе; третий «ойрат» — это баргу[ты] и бурааты, объединившиеся вместе; четвертый «ойрат» — это четыре анги, объединившиеся вместе. Когда эти «четыре ойрата» сформировались, то они стали называться Первыми четырьмя ойратами (*Түрүүн дөрбөн ойрад*)».

Хотя время появления Первого союза дурбэн-ойратов в нашем сочинении не указано, но исследования современных историков в Китае и Монголии позволяют отнести это время к послеоюаньскому периоду. Известно, что в XII и XIII вв. *ойратами* называлось одно большое племя среди «лесных народов» Восьмиречья, завоеванных в 1207–1208 гг. монголами Чингис-хана. В эпоху монгольского господства старая оболочка племенных делений, характерная для ойратского кочевого общества того времени, подверглась коренным изменениям. Никаких условий для образования политического союза дурбэн-ойратов в дочингисовскую эпоху не было. Такой союз не мог образоваться и под власть Чингис-хана и его преемников.

Знатная верхушка прежних ойратов занимала высокое положение в Монгольской империи и в государствах, образовавшихся после ее распада, будучи связанной с чингисидами родственными узами, службой при дворе великого хана и участием в управлении государством. Она растворилась в юаньский период среди монгольской знати, тогда как простые ойраты смогли сохранить свою этническую идентичность и значительно увеличить свою численность. Начиная с последней трети XIV в. и в последующие десятилетия, т.е. после падения династии Юань в Китае в 1368 г., ойратские правители, воспользовавшись ослаблением власти монгольских ханов и их кровопролитной войной с Минской империей, распространили свою власть на соседние территории, где жили другие «лесные народы»: хойты, баргуты, бурааты (не путать с современными бурятами) и др., а также на отдельные группы восточных монголов и китайцев, бежавших в Монголию вместе с юаньским императором. Все они, помня о привилегиро-

ванном положении, которое занимали ойраты и их знать в Монгольской империи и в государствах чингисидов, присвоили себе этноним «ойрат». Налицо эволюция данного этнонима, в прошлом обозначавшего реально существовавшее племя. В XIII–XIV вв. происходит смешение древних ойратов с другими «лесными народами», а затем с восточными монголами. Перемещение старых племен, стирание традиционных границ между ними, раздробление их и вхождение в новые этнические образования — этот процесс сложения новых кочевых объединений шел все время, и он подготовил трансформацию прежнего населения на территории Монголии, в том числе и в западной ее части.

После образования Первого союза дурбэн-ойратов входившие в него родоплеменные подразделения из числа «лесных народов» все еще сохраняли свои собственные первоначальные названия. Хотя они и отличались друг от друга по своему происхождению и этническому составу, но присвоили себе этноним *ойрат* и стали выступать в сношениях с внешним миром под общим названием *дөрбөн хари улус*, что, как объяснил в свое время Ю. Лыткин, означало «чуждые, отчуждившиеся, отошедшие, вероятно, потому, что они отделились, отчуждились от своих земляков-монголов»¹. Эту большую группу западномонгольских племен объединили под своей властью в XV в. правители из знатного ойратского рода *Чорос* Махмуд (умер в конце 1415 г. или в начале 1416 г.), его сын Тогон (умер в 1437 г.) и внук Эсэн (1407–1455).

В «Истории Хо-Öрлөка» мы имеем дело с новообразованными кочевыми группами, сформировавшимися из осколков старых племенных подразделений. Самое большое племя, находившееся в непосредственном подчинении упомянутых выше чоросских правителей, называется «элёт» (*өөлөд*). В действительности же оно, как можно предположить, лишь недавно стало собственно ойратским племенем, так как в «Тайной истории монголов» и

¹ Сказание о дербен-ойратах, составленное нойоном Батур-Убуши Тюменем // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969. С. 20.

«Сборнике летописей» Рашид ад-Дина нет никаких упоминаний о нем. В отличие от элétов племенные объединения, входившие во второе подразделение (хойты и баату́ты) и в третье подразделение (баргуты и бурааты) дурбэн-ойратов, существовали до монгольского завоевания и по происхождению были связаны с родоплеменными группами древних ойратов Восьми́речья (XII — начало XIII в.).

Что же касается четвертого подразделения, то автор «Истории Хо-Öрлöка» сообщает, что это были «четыре анги (группы, этнические общности. – В. С.), объединившиеся вместе», но не указывает конкретно, какие именно племена входили в их состав. Ответ на этот вопрос можно найти в написанной в 1819 г. в Калмыкии хошутским нойоном Батур-Убаши Тюменем «Истории дурбэн-ойратов». В примечании к своему сочинению он объяснил, кто такие дурбэн-ойраты. Его сведения об этническом составе первых трех подразделений Дурбэн-ойратского союза совпадают с показаниями «Истории Хо-Öрлöка», а о четвертом подразделении он пишет, что в него входили «дербеты (*dörböd*), джунгары (*zöün yar*), хошуты (*хоšoud*) и тумэты (*tümed*)»¹. И далее следует фраза, неверно переведенная Ю. Лыткиным: *Toryud dörbön oyiradiyin tüšig möni tulada // teriün aldar šiçqi oyiradiyigi ügeden ülü oruulji* («Торгуты по причине того, что были «опорой» (*tüšig*, т. е. зависимым, подчиненным племенем. – В. С.) дурбэн-ойратов, не подчинили себе ранее прославившихся ойратов». — Перевод автора этих строк)².

Приведенные сведения об этническом составе четвертого подразделения не совсем соответствуют данным других ойратских источников о реальных обстоятельствах появления указанных родоплеменных объединений в составе дурбэн-ойратов послеюаньского периода. В них ничего не говорится о тумэтах

¹ См. калм. текст на «тодо бичиг»: Позднеев А. М. Калмыцкая хрестоматия. Изд-е 2-е, испр. и доп. СПб., 1907. С. 25.

² Перевод Ю. Лыткина: «Торгоуты, хотя и желали быть опорой (быть во главе) дербен-ойратов, но никак не могли их подчинить себе» (см.: Сказание о дербен-ойратах... С. 19).

(туматах), считавшихся в домонгольский период ответвлением баргутов¹. Что касается джунгаров и дэрбэтов, то о них известно, что они как самостоятельные этнические подразделения появились гораздо позже, только в XVII в. В первой половине XV в., т. е. в период так называемой «гегемонии ойратов» в Монголии, добровольно покорились власти ойратского тайши Тогона только лишь торгуты и группа восточномонгольского происхождения — хошуты².

Под властью Тогона находилось и самое большое племенное объединение среди дурбэн-ойратов, называвшееся элэтами (*өөлөд*). «Ойрат», утративший свое прежнее значение, был замещен этнонимом *элэм*. Батур-Убаши Тюмень сообщает, что «с того времени, когда калмыки, носящие красную нить на шапке (*ulan zalatu xalimaq*) получили прозвание «ойраты-элэты» (*oyirad öyilöd*), до нынешнего года «земли-зайца» (имеется в виду 1819 г. – В. С.) прошло 382 года»³, т. е. указанное событие произошло в 1437 г. Известно, что тогда или в следующем 1438 г. ойратский правитель Тогон-тайши из знатного рода *Чорос* (*Цорос*) наголову разбил восточномонгольского верховного хана Адая и стал во главе Первого союза дурбэн-ойратов. Это не противоречит историческим фактам.

Однако в современном монголоведении нет единой точки зрения на время появления этого этнонима и его этимологию⁴. Сложность толкования значения этого термина заключается в

---

¹ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.–Л., 1952. С. 121, 122.

² Санчиоров В. П. Начало вхождения калмыков в состав Русского государства // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Т. 1. Элиста, 2009. С. 248.

³ Позднеев А. М. Калмыцкая хрестоматия... С. 24. Перевод автора. Перевод Ю. Лыткина неточен: «С того времени (с 1437 г. по Р.Х.), когда Ойраты-Елэты получили прозвание «улан залату» (имеющие красную кисть на шапке) до нынешнего года *шорой тула* (1819 г. по Р.Х.) прошло 382 года» (см.: Сказание о дербен-ойратах... С. 17, 18).

⁴ Altanorgil. Указ. соч. С. 146.

его многозначности, так как в разные периоды истории он имел разное значение и прилагался к разным этническим подразделениям¹. Со временем он превратился в собирательное название всех ойратов (западных монголов). Этнонимы *ойрат* и *элёт* (особенно в XVIII в. в цинских источниках) стали выступать как синонимы и могли взаимно заменять друг друга².

Еще в одном ойратском историческом сочинении на «ясном письме», найденном в 80-х гг. прошлого века у хошутов Китая, конкретно сообщается о времени появления этнического подразделения *элёт* в составе ойратов. Имя его автора не указано, а сам этот ценный источник, написанный в 1850-х гг., имеет два названия (привожу их по-монгольски) — *Boyda Ćinggis-un tōrū-yi bariyad qayan örgöge tedkügsen tuyūji* («История о том, как управляли государством августейшего Чингиса и поддерживали ханское правление») и *Boyda Ćinggis-un uy, dōrben oyirad-un uy, qoşud-un uy-un teūke biĉig* («Родословные августейшего Чингиса, дурбэн-ойратов и хошутов»)³. В нем подробно объясняется происхождение хошуты и других этнических компонентов у ойратов. Там сказано, что трех князей, правнуков ойратского Эсэна-тайши, сыновей его внука Хамаг-тайши, звали *элэтами*⁴. Современный историк монгольского происхождения из КНР Алтаноргил считает, что в основе этнонима *өлөт/өөлөд* лежит монгольское слово *өөлий* (крупный; мощный), и поэтому

¹ О термине *элёт* см. подробнее: Санчи́ров В. П. Об этимологии главных ойратских этнонимов // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие: Материалы Международной научной конференции (20–23 сентября 2011 г.). Ч. 2. Элиста, 2011. С. 114.

² Санчи́ров В. П. «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М., 1990. С. 47, 48.

³ Oyirad teūke-yin durasqal-ud. Šinjīyang-un arad-un keblel-ün qoriya, 1992. С. 6–21; Ойрад Монголын түүхэнд холбогдох сурвалж бичгүүд – III. Улаанбаатар, 2002. С. 57–68.

⁴ Oyirad teūke-yin durasqal-ud... С. 9; Ойрад Монголын түүхэнд... С. 59.

это название имеет значение «главное большое племя дурбэн-ойратов»¹.

Формирование и возвышение Первого союза дурбэн-ойратов приходится на так называемый период «гегемонии ойратов» в Монголии, связанный с деятельностью ойратских правителей из аристократического рода *Чорос* — Тогона-тайши и его сына Эсэн-хана. Затем вспыхнувшие среди ойратов междоусобия и гибель Ээна привели к кризису и распаду как объединенного монголо-ойратского государства, так и Ойратского союза. При этом свою отрицательную роль сыграли этнополитическая неустойчивость и постоянно появлявшиеся в кочевом обществе центробежные тенденции. Первый ойратский союз, которым правили ойраты-чоросы, при сыне Ээна, Онггоце, вступил в полосу упадка, что привело к ослаблению власти и авторитета старой аристократии.

Распад прежних родоплеменных подразделений у ойратов сопровождался перегруппировкой входивших в него кочевых объединений и миграцией некоторых из них за пределы ойратских кочевий. Эти события в легендарной форме крайне сжато изложены в «Истории Хо-Өрлөкэ», автор которой сообщает: «После того как Четыре Ойрата (дурбэн-ойраты) распределились между собой, только одни хошуты составили одно подразделение ойратов (*nige Oyirad*), элэты — другое, торгуты — третье, а дэрбэты — четвертое, то они стали называться *Средними Четырьмя Ойратами*»². Хотя время образования Среднего союза дурбэн-ойратов конкретно не указывается, но вне всякого сомнения это событие произошло во второй половине XV в. Лишь монгольский ученый На. Сухбаатар указывает, что оно произошло в 1502 г.³

---

¹ *Altanorgil*. Указ. соч. С. 146.

² *Oyirad teüke-yin durasqal-ud...* С. 41; Ойрад Монголын түүхэнд... С. 161.

³ Ойрад Монголын түүхэнд... С. 162.

I.2 Транслитерация

Qo Örlög-ün teüke

Erte urida angqan Qo Örlög nige tümen tabun mingyan erüke Qobuy Sayiri, Emegel-eče negükü-yi Baɣatur qung tayiji-du medegülkü-dü-ben: «Qobuy Sayiri-yin ɣaɣar akir čikir boluyad kümün-iyer čöken albatu mini tariy-a tariju ami tejigekü aliba busubar tengkiju ögkü bisi // Qoyid-un qoyitu jaq-a-du bayiqu Oru-yin ɣaɣča modon-du negüju oduyad tariya tarijulju tengkeregülju abusu bi» geju medegülüged Qobuy Sayiri Emegel-eče negüged Oru-yin ɣaɣča modon-du negüju kürüged nutuylayulju, tariy-a tariyad amar taba-bar aliba ɣaɣum-a-bar jirɣaju amuraju bayina gekü-yi bišingki Oyirad-un qamuɣ ulus sonosuyad, noyad-un ölöng-ün kereg ɣarɣaysan aliba kümün üküju, čöm oduyad Qo Örlög-tü neyilegsen-dü abuyad albatu-ban kiju abuyasayar, kedün jil-un dotor-a dörben tümen ilegüü erüke bolju ösüged čaru negüju Ijl jai oroba.

Ger abayali-ban dayayulju abču oduysan dörben tümen erüke, tegün-eče qoyin-a basa Qošud, Jegünɣar, Qoyid, Dörbed ene dörben anggi-yin noyad-ud čerig-tei-ben oroju šinggegseger Ijl-un Torɣud Oyirad yekedču ösebei // Uɣ endeki Oyirad-un orɣuysan kümün, uuliysan mal qoyar «Oru-yin ɣaɣča modon-iyar jusalang-iyen kiba» geju dayulaba gedeg //

Auyki qayan-u aqamad köbegün Sanjab, qoyaduɣar köbegün Čaydarjab, ɣurbaduɣar köbegün Günjab, dörbedüger köbegün Čerendondab, tabuduɣar köbegün Galzangdanjin //

Sanjab qatun-u-ban üge-dü oroday-i ni qung tayiji sonosuyad, qung tayiji elči ilegeded mekelejü kelegülkü-degen: «Čayan Dar-a eke mini, činu gegen-lüge ene bey-e-ber-iyen nige qarayaday bolbau bi» geju, basa dakin dakin elči ilegegsen bile // Sanjab-un qatun Sanjab-tu keleged nige tümen tabun mingyan erüke albatu-bar ömči abuyad qung tayiji-du odoy-a geju negüged jam jaɣur-a Qasar-un Tavku čerig dayayulju tosoju ireged dayilduysan-du, tegün-dü küču ögkül ügei önggeregsen negüju ayisuna gekü-yi qung tayiji sonosuyad, Oru-yin ɣaɣča modon-du nige tümen čerig ilegeded tosoylju abuyuluɣad ireküle ni, Sanjab-i bariju abuyad ečiɣe-düni

kürgegüljü kelegülku-degen: «Ene teneg mayu köbegün čini qayiran albatu nutuy-i čini Qalqa Mongyol oroyulju asaray-a geju negülgeju yabuysan gene, bi sonosuyad jayur-a-ača ni bariju kürgegülbei // Yeri ni uligerlekü-dü qulayayiči-yi bariysan kümün, mori-yi ni abuyad bey-e-yi ni kürgegülkü metü čimadu kürgegülbei // jöb ni köl morin kölösü-tei toqom geju albatu-yi čini abuba bi» geju kelegülügen-dü, Ayuki qayan-du Torγud bögüdeger-iyen medegülügen ni: «Urida gebel jегünγar man-ača olan bile, bida čöken bile // Odo jегünγar Bosoγtu qayan-u ebdergen-dü oroyad, Kitad-un qayan-luγa dayilduγu čögerebei // Qarin bidan ösčü ösčü kedün bum erüke kürübei // Bidan dayilduy-a geju γurban üy-e dakin dakin medegülkül-e dayu ügei bayiyad, Ayuki qayan jarliy boluysan ni: «Mazin šig sumuči nige mingyan, Maqa šig ildüči nige mingyan, Keüken šig buuči nige mingyan, Kündeleng šig jidači nige mingyan, eyimü dörben mingyan kümün küyičes bayiqu bolqul-a jегünγar-i abču bolqu, ügei bolqul-a abču bolqu ügei // A! jегünγar bolqul-a jaray-a-yin üsün, kirüge-yin sidün bisi uu? Basa gebel jегünγar čadu (čimadu) bey-e-degen Manju Kitad-un qayan-i ayulγaday bile // Biden boluyad jегünγar, ene bey-e-degen Oros-un qayan-i ayulγaday bile // Inggijü bayiysan bidan qoyar jabsar-tayan dayilduqul-a, ene bol muquli kiju bayiysan Qasaq, Burud, Anjiyan, Qotong eden-dü qamuγ-un doγogi eleg naγadum bolona bisi uu? Yaγun ergigüü mungqay Torγud bile či» geju jarliy boluyad, mön Sanjab-i qoroγaba //

Ayuki qayan-u qoyaduγar (aqamad) köbegün Čaydarjab, tegün-ü köbegün Donduydaši, tegün-ü köbegün Ubaši qayan, tegün-ü köbegün Čerennamjil // (Tegün-ü) [Ayuki qayan-u qoyaduγar] köbegün Günjab, tegün-ü köbegün Donduy Ombo Boγsiraya qoyar // Donduy Ombo-yin köbegün Γaldannorbo, egün-ü aq-a köbegün Čebegdorji čin vang, qoyaduγar köbegün Kirib jasay, γurbaduγar köbegün Asaraqu (angqun) [Aγsaqal] jasay eden mön bui //

Yeri ni angqan urida dörben ayimay salju Dörben Oyirad geju ayimay toγtaysan bayina // Terigün ni Ögeled nige Oyirad, qoyaduγči Qoyid Batud neyileju nige Oyirad, γurbaduγči Barγu Buriyad neyileju nige Oyirad, dörbedegči ni Dörben anggi-ača neyileju nige

Oyirad // Ene Dörben Oyirad toytaƣad Türügün Dörben Oyirad geǵü nereyiddügsen bayina //

Ögeled Oyirad-i Šir-a šimnu kötölüged negüjü Mangqan yool-i dabaysan-du, mösün urƣuǵu böglebe gedeg // Basa Qoyid-un dumdayur ni Batud, Qoşud, Torƣud-tu šinggebe // Egün-eče üledegse ni Baryu, Qalqa Soyon qoyar-tu šinggebei // Buriyad Oros-tu šinggebei // Tegün-eče qoyin-a, Dörben Oyirad oru talbiǵu toytaqu-dayan Qoşud-i dang beye-ber-iyen nige Oyirad, Ögeled (jegün ƣar)-i nige Oyirad, Dörbed-i nige Oyirad bolyaǵu toytaƣad Dumda Dörben Oyirad geǵü neriyebe // Eden-ü dotor-a-ača Qoşud-un dumdayur ni Kökenayur-tu negüjü odba // Basa nige dumdayur ni tegün-eče urida Torƣud-tai neyileged Oros-tu oroba //

Basa dakıǵu Dörben Oyirad toytaqu-dayan, Qoşud dumdayur-iyar nige Oyirad, Torƣud-un oron-du jegün ƣar nige Oyirad, Dörbed nige Oyirad, üledegse Qoyid-un dumdayur-iyar nige Oyirad geǵü, Segül-un Dörben Oyirad geǵü nereyiddügsen bayina //

Egün-eče urida Dörbed Manǵu-du oroǵu öggüged Manǵu-du bütün üledebe // Eneüki Dörbed Oyirad qamuy çuy-luy ni ebdereldüged qoyosurçu, tegün-eče üledegse ni Ili, Tarbayatai, Qobuy Sayiri, Altai ene dörben ƣaǵar-tu nutuylajı bayıbai //

Uƣ Toyon tayisi[-eče] Ongƣoča kürtel-e Oyirad qayan yabuƣad, Qoşud-un Bübei Mirzai-ača ekilejü tabun üy-e-degen Qoşud-un noyad-ud Sečen qayan kürtel-e Bosoytu qayan kücün-iyer buliyajı abuyşan bile //

Yerü angqan urida, manu bükü Mongƣol nom şajın kikü yayumas ügei yabuƣad, Qalqa Ubaşı qung tayıǵı-yin çay-tu jıbzündamba qutuqtu-yi Mongƣol oron-du jalajı ireged nom-du oroƣulba // Egün-eče qoyina, Oyirad-un Bayıbaşas-un çay-tu Čayan nom-un qayan gedeg-i jalajı ireged, qutuqtu-yin bey-e çayan toloyai todo üsüg-i jokiyajı jıƣayad nom oruƣad nom-un udq-a çinar, em dom eldeb erdem üjegüljü itegegdegseger, Bayıbaşas noyan qutuqtu-yi jalajı iredeg ulam-iyar demjıjü nom oruƣad, saba šim-e möngke busu ebderekü yosun-u ündüsü-yi dotor-a-ban oroƣulǵu abuƣad «lama bolona bi» geǵü ünen jirüken-iyer jid joriǵu jarlayşan-du Oyirad noyad-ud bügüdeger-iyen küünedejü: «Man-u Dörben Oyirad-un jiluy-a-yi Bayıbaşas Bayatur

bariγsan bayina. Bidan bolqul-a qamuy čuy-luγa dayin bolba» geγü jöb-iyen qamtu neyilejü abuyad, qutuγtu-du medegülügsen ni: Lama bolqu-du nige kümün-ü buyan yeke üü? Olan kümün-ü buyan yeke üü?» geγü medegülügsen-dü, qutuγtu-yin jarliy: «Olan kümün-ü buyan yeke» gesen-dü, Dörben Oyirad-un noyad-ud Bayibayas-un toliγtu niγiged köbegün-iyen lama bolγaju ögkü-yi toytayad Kündüleng Ubaši nige köbegün, Dүүrgečü noyan nige köbegün, Qar-a Qula nige köbegün, Bayatur qung tayiji nige köbegün, Čüükür nige köbegün, Mergen Dayičing nige köbegün, Torgγud-ača Qo Örlög nige köbegün, Lubzang nige köbegün, Tenes Mergen Temene nige köbegün, Dörbed Dalai tayisi nige köbegün, Qoyid-un Sultan nige köbegün, Sümür tayiši nige köbegün, bügüde γučin qoyar noyan köbegün-iyen lama bolγaju, basa dayayuli kijü qaraču albatu-ača qoyar γayun köbegün-i lama bolγayad, Bayibayas noyan qutuγtu-bar köbegün-iyen kigten gebe // Egün-eče ekilejü, Töbed tala yabuqu jam qayaly-a γaruyad, Andau-du oroγu surγayuli-du sayulyaba // Tegün-eče ekilejü, šir-a-yin šasin-i küsejü jam γarγaju Juu-du kürgejü surγayuli-du sayulyaba // Bančin Boyda-bar blama kijü šidübei //

Daray-a ni, Boyda-ača jarliy ireged «Šir-a-yin šajin-i ergüjü ularan-u šajin-i doroyičayulqu» gesen-dü, Dörben Oyirad-un qan noyad-ud «jöv» geγü čuy toytaba // Qošud-ača Güši qan Dүүrgeči noyan, Jөгünγar-ača Qar-a Qula Bayatur qung tayiji Mergen Dayičing Torγud-ača Tenes Mergen Temene, Mergen jinong, Gumbo Yeldeng nar, Qoyid-un Sultan tayiši Sümer tayiši, Dörbed-eče Dalai tayiši Gumbö Yeldeng nar aqalan Dörbön Oyirad-un čerig-i čuy-i ni abuyad, γool dumda ni Qošud čerig, Jөгün bey-e-dü Ögeled-ün čerig-i Jөгün γar-un čerig geγü nereyidbei // Barayun bey-e-dü Torγud-un čerig-i barayun γar-un čerig geγü nereyidebei, segül (düni) Dörbed Qoyid qoyar čerig yabuba // Tegün-eče ekileged, Ögeled-tü Jөгünγar gedeg nere šinggebei, Torγud-tu barayun γar gedeg ner-e qadaydabai gedeg //

Tegün-eče yeke čerig yabuγad Juu-du kürčü Dašilingbo [Rašilümbö]-du sayuγsan ulayan-u Zangba qan, Beri noyan, (Čariγtu) (Čoytu) tayiji gedeg γurban qan aqalaju bayiγsan-duni kürüged, ulayan-u šašin-i dorotoyičayulju šir-a-yin šašin-i ergüged, Čoytu tayiji, Čangba qan-i qoroγayad, terigün-i ni morin-ni segül-dü uyaju

čiruju abču irekül-e, Mergen ĵinong noyan kelebe gedeg: «Eyimü čerig bayiju ene dayin-i daruju čirabaču, ɣaɣçaqan ükügsen kümün-ü tolorai-du kögegedĵü iregsen ene maɣu irua, qoyin-a-ban yaɣakiju bolba» geĵü kelegesen ĵarliɣ-iyar odo Kökenayur-un nutuy-i Rangyan idedeg tere yosuyar gedeg //

Tegün-eče ireged, «Nutuy-iyar abču Kökenayur-tu negülgeĵü tende sayuyad, šir-a-yin šašin-i delgeregölĵü bayiyad nige bey-e-ber Tangyud-tu qan sayutuyai» geĵü čuy toɣtayayad, Qar-a Qula noyan-i «Ende üledegse Qošud, Qoyid, Dörbed, Torɣud eden-iyen aqalaĵu ɣaĵar-iyar ejeleĵü bayiytun, qamuy Qasaɣ, Burud, Qotong, Anĵiyan eden-i dayaĵu alba tatalɣ-a abču sayuytun» geĵü čuy ĵarliɣ bolĵu toɣtayaba // Tegün-eče ekileged Qošud-un olangki-yi Kökenayur-tu nutuylayulba //

Tegün-eče qoyiši, Eyeber ĵasaɣči-yin arban ɣurbaduyar ĵil (1656)-du Güši qan taɣal bolba // Qoyin-a ni, Engke Amuylang-un döčödüger ĵil (1701 on)-du, Güši qan-u arban köbegün-eče üledegse Daši bayatur aqalaĵu Kökenayur-un nutuy-i dayaɣulĵi dotor-a iregsen-dü, Daši bayatur-i čin vang talbiyad dayaɣsan noyad-ud (i) ĵiyün vang, beyile, güng ɣučin ĵasaɣ tomilayad sayulyaba // Daray-a ni Daši bayatur tayalal boluyad, tegün-ü köbegün Lubzang Danĵin-du čin vang ĵalɣamĵilayulbai //

Qoyina ni, Nayiraltu Töb-un terigün ĵil [1723 on]-du Lubzang Danĵin Kökenayur-un nutuy-i luy-duni neyilegölĵü abuyad nige ĵil önggetel-e dayilalduyad luy-tayan daruydayad, Lubzang Danĵin ɣaɣcaɣar-iyar ĵulaĵu ɣaruyad ende bayıysan ĵegünɣar-un qung tayiĵi-du kürčü irebe // Aru-du-ača ni Boyda eĵen ɣurba dakiĵu bičig ögčü negegülügsen-dü Ĵoriɣtu qung tayiĵi ba Galdan Čeren qoyar bariĵu öggügsen ügei //

Qoyin-a ni, Tngri Tedkügči-yin (qoyaduyar) [qoriduyar] ĵil [1755 on]-du yeke čerig Ĵegünɣar-i dayilaĵu Dabači-yi bariqu čaytu Lubsang Danĵin bariydayad dotor-a abču oduysan-du alaqu-yi ayučilaĵu getülgeged, Lubsang Danĵin-du čayan ebügen gekü otoɣa šangnaĵu öggüged, degereki Mongɣol-un qosıyun noyad-tu sayulyaysan bayina // «Dörben Oyirad-un uy yeke teüke bičig» Kökenayur-un Ögeled-tü bayina gedeg //

1.3. Русский перевод

История Хо-Öрлөкэ

В давние времена Хо-Öрлөк [1] вначале известил Баатура-хунтайджи о [предстоящей] откочевке 15 тысяч кибиток из [местностей] *Хобог-Сайир* [2] и *Эмэль* [3], доложив [следующее]: «Местность *Хобог-Сайир* оскудела и обезлюдела (букв. «людей в ней мало». – В. С.). Моим подданным людям (албату) любым иным способом не набраться сил, кроме как найти себе пропитание, сея зерно. Попробую-ка я дать им окрепнуть, переселив в [местность] *Орын ганц модон* [4] к северу от [кочевий] хойтов и заставив сеять [там] зерно». Все другие ойраты услышали о том, что [людей] Хо-Öрлөкэ из [местностей] *Хобог-Сайир* и *Эмэль* переселили в [местность] *Орын ганц модон*, и те, сея [там] хлеб, в спокойствии всячески благоденствуют. Тогда как у [других] князей люди, которые голодали, умерли. Все [оставшиеся в живых] бежали и присоединились к Хо-Öрлөкэ. Он [их] принимал у себя и делал своими албату. За несколько лет их численность увеличилась до 40 с лишним тысяч семей. Они, кочуя дальше, вступили в [местность] *Иджил Зай*.

Тех, кто откочевал вместе со своими кибитками и женами, [было] 40 тыс. семей. После этого благодаря присоединению к ним со своими воинами князей хошутов, джунгаров, хойтов и дэрбэтов — этих четырех подразделений [ойратов] — волжские торгуты-ойраты сильно увеличились в численности. Говорят, что первоначально здешние беглецы-ойраты со скотом избрали (букв. «сделали». – В. С.) для своего пребывания в летнее время [местность] *Орын ганц модон*.

Старший сын хана Аюки — Санджаб, второй сын — Чагдарджаб, третий сын — Гүнджаб, четвертый сын — Цэрэндондаб, пятый сын — Галзан Данджин [5].

Прослышав о том, что Санджаб слушается (т. е. находится под влиянием. – В. С.) своей жены-княгини, хунтайджи [6] отправил к ней посланца и велел ей передать [свои] живые

слова: «Матушка Цаган Дара, можно ли мне будет лично повидаться с твоей светлостью?». Он снова посылал посланцев. Жена Санджаба стала говорить Санджабу: «Давай возьмем твой наследственный улус из 15 тыс. зависимых людей (албату) и откочуем к хунтайджи». Они откочевали, а когда они находились в пути, их подстерег с войском казахский [хан] Тауке (Тавко) и сразился с ними. Они ему не поддались и прошли. Хунтайджи, услышав о том, что они приближаются [к его владениям], послал навстречу им в [местность] *Орын ганц модон* 10-тысячное войско. Когда они прибыли [к нему], он (хунтайджи) задержал Санджаба и отослал к его отцу, велел передать [следующее]: «Этот твой глупый неразумный сын увел твоих несчастных подданных (албату), чтобы отдать на попечение халха-монголам. Я, услышав об этом, перехватил его по дороге и отправил к тебе. Вообще-то, если сравнивать, то я отправил его к тебе подобно тому, как задержавший вора забирает себе его лошадь, а самого вора доставляет [к тому, у кого он ее украл]. [Так что] справедливо то, что я забрал себе твоих подданных, как если бы это была лошадь с потником».

Тогда все торгуты стали говорить Аюке-хану: «Прежде джунгаров было больше чем нас, а нас было меньше. Сейчас джунгары, ввязавшись в вызванные [Галданом] Бошогу-ханом междоусобицы, воюя с китайским ханом, несут потери. Однако мы все это время увеличивались в численности и [ныне] насчитываем несколько сотен тысяч человек. Давайте сразимся с ними». Хотя они трижды — снова и снова обращались к нему, он не обронил ни слова.

[Затем] Аюка-хан изволил сказать: «Если у нас будет тысяча таких лучников, как Мазан; если у нас будет тысяча таких воинов-меченосцев, как Маха; если у нас будет тысяча стрелков из ружей, как Күүкэн; если у нас будет тысяча копьеносцев, как Күндүлэнг; если у нас будет всего четыре тысячи таких людей, то мы сможем одолеть джунгаров, если же нет, то не сможем. Разве джунгары не [сплочены, как] иглы ежа и зубья пилы? К

тому же джунгары, бывало, наводили страх на обитающего по ту сторону от них маньчжуро-китайского хана. Мы же, джунгары, со своей стороны наводили страх на русского хана. Если мы при таком нашем положении будем воевать между собой, то не сделаемся ли мы посмешищем для всех казахов, киргизов, узбеков, уйгуров, которых мы превратили в своих холопов. Каким же ты был глупым торгутом!» Сказав так, он казнил Санджаба [7].

Второй сын Аюки-хана — Чагдарджаб [8], его сын — Дондугдаши [9], его сын — Убаши-хан [10], его сын — Цэрэннамджал; его [Аюки-хана второй] сын Гүнджаб [11], его сыновья — Дондуг-Омбо [12] и Богширга, сын Дондуг-Омбо — Галдан-норбо, его старший сын Цэбэгдорджи [13] — *чин-ван*, второй сын Кириб — *засаг*, третий сын Асараху [Ангхун] [Агсахал].

Вообще-то, в прошлом четыре племени, отделившись, составили [отдельное] племя под названием *дөрбөн ойирад* (букв. «четыре ойрата». – В. С.). Первый ойрат — это элёты (*дөллөд*); второй ойрат — это хойты и баатуы, объединившиеся вместе; третий ойрат — это баргуты и бурааты, объединившиеся вместе; четвертый ойрат — это четыре анги, объединившиеся вместе. Когда эти четыре ойрата сформировались, то они стали называться Первыми Четырьмя ойратами (*Түрүүн дөрбөн ойирад*).

Ойраты-элёты по наущению желтого демона (*шара шулму*) откочевали, а когда они переправились через реку Манхан, то [на ней] образовались глыбы льда и преградили им [дорогу назад]. Еще — половина хойтов примкнула к баатуам, хошутам и торгутам. Те, что оставались после них, примкнули к баргутам и халха-сойонам. Буряты примкнули к русским. После того как «Четыре ойрата» (*дөрбөн ойирад*) перераспределились между собой, хошуты составили одно подразделение ойратов (*нэгэ ойирад*), элёты (джунгары. – В. С.) — другое, торгуты — третье, а дэрбэты — четвертое, и они стали называться «Средними Четырьмя ойратами» (*Дунду дөрбөн ойирад*). Из их числа половина хошутов перекочевала в Кукунор. Еще одна половина до этого присоединилась к торгутам и откочевала в Россию.

Когда снова образовался [союз] Четырех ойратов, половина хошутов составила одно подразделение ойратов (*нэгэ ойирад*), вместо торгутов джунгары составили другое подразделение ойратов, дэрбэты — третье подразделение ойратов, половина хойтов — четвертое подразделение ойратов. [Все вместе] они стали называться «Последними Четырьмя ойратами» (*Суулийин дөрбөн ойирад*).

До этого дербеты покорились маньчжурам и остались целыми и невредимыми. Все здешние *дөрбөн ойраты* стали враждовать друг с другом и разорились. Те, что оставались, продолжали кочевать в четырех местностях: в *Или*, на *Тарбагатае*, в *Хобог-Сайуре* и на *Алтае*.

От первородного (*үг*) Тогона-тайши до Онгоцы ойратскими ханами были элэты. Хошутские князья, сменив их, занимали престол ойратского хана на протяжении пяти поколений, начиная от хошутского Бүбэй-мирзэ до Цэцэн-хана. У Цэцэн-хана [престол] силой отнял [джунгарский] Бошогту-хан.

Вообще-то, в давние времена все наши монголы не занимались никакой религиозной практикой. Во времена халхаского Убаши-хунтайджи в Монголию пригласили Джебдзундамба-хутугту, и он, прибыв, дал начало [здесь] религии. После этого во времена ойратского Байбагаса пригласили [еще одного хутугту] по имени Цаган-Номин-хан, хутугта сам показал (*булв.* «создал». — *В. С.*) и обучил азбуке «ясного письма». Когда ему поверили, изучив вероучение, постигнув суть веры, полезность освоения религиозных дисциплин и различных достоинств [религии], Байбагас-нойон пригласил [его] к себе и стал еще глубже изучать вероучение при его посредстве. Проникшись основами учения о мире материальном и мире духовном, о тленности и бренности мира, он объявил, что искренне стремится стать ламой. Все ойратские нойоны обсудили это и высказали свое решение: «Бразды правления нами, дурбэн-ойратами, держит Байбагас. А ведь мы воюем со всеми [нашими соседями]». Когда они дали знать хутугте [о своем решении] и спросили его: «Что следует больше им

считать при принятии сана ламы — добродетели одного человека или добродетели многих людей?», то он ответил, что добродетели многих людей почитаются больше. Тогда каждый из князей дурбэн-ойратов в качестве выкупа за Байбагаса решил отдать в ламы по одному сыну: Көндөлэнг Убаши одного сына; Дүүргэчи-нойон одного сына, Хара-Хула одного сына, Баатур-хунтайджи одного сына; от торгутов Хо-Орлөк одного сына, Лобзанг одного сына, Тэнэс-Мэргэн-Тэмэнэ одного сына; дэрбэтский Далай-тайши одного сына, от хойтов Султан одного сына, Сүмүр-тайши одного сына. Всего 32 нойона отдали в ламы своих сыновей. Еще из числа своих подданных (албату) простолюдинов они отдали им в свиту 200 мальчиков, которые тоже стали ламами. Своего сына Байбагас-нойон велел произвести в хутугты.

Начиная с него, тогда же была проложена дорога до Тибета, [когда] его доставили в Амдо и поселили [здесь] для обучения. После того как он пожелал [постичь вероучение] желтой веры (т. е. буддизма. — В. С.) и вступил на [монашеский] путь, его привезли в Зуу (Лхасу. — В. С.) и поселили для постижения учения. Он был посвящен в ламы Панчен-ламой.

Затем, когда от Верховного святителя (Богдо) было получено повеление «возвысив желтую веру, принизить красную веру (т. е. секту «красношапочников». — В. С.)», то хан и все нойоны дурбэн-ойратов дали на это согласие. От хошутов — Гүүши-хан, Дүүргэчи-нойон, от джунгаров — Хара-Хула, Баатур-хунтайджи, Мэргэн-Дайчинг, от торгутов — Тэнэс-Мэргэн-Тэмэнэ, Мэргэн-Джинонг, Гүмбө Йэлдэнг, от хойтов — Султан-тайши, Сүмэр-тайши, от дэрбэтов — Далай-тайши, Гүмбө Йэлдэнг. Они выступили во главе всего войска дурбэн-ойратов. В центре находилось войско хошутов, на левом фланге (*зүүн бийдэ*) — войско элэтов, которое называли *зүүнгарын цэрэг* (войском левого крыла, «джунгарским войском». — В. С.). На правом фланге (*баруун бийдэ*) торгутское войско называли правым крылом (*баруун гар*). В хвосте (т. е. в арьергарде. — В. С.) двигались войска дербетов и хойтов. Говорят, что с того времени за элэтами закрепилось

название «джунгары» (*зүүн хар*), за торгутами — название *баруун хар* (правый фланг).

После этого великое войско, выступив [в поход], вошло в Тибет. Дойдя до тех мест, где главенствовали засевшие в Дашилүмбё (*тиб.* Ташилхунпо. – *В. С.*) Замба-хан, Бэри-нойон и Царигту (правильно *Цогту.* – *В. С.*) тайджи, оно подавило «красную веру» и возвысило «желтую веру». Когда убили Цогту-тайджи и Замба-хана, а их головы доставили привязанными к конским хвостам, то Мэргэн-Джинонг, говорят, сказал: «Имея такое войско, мы смогли одолеть этих врагов, но как бы в дальнейшем не сбылось это дурное предзнаменование, которое несут в себе головы мертвецов». В соответствии с этим предвестием территория Кукунора сейчас подвергается грабежам со стороны [племени] Ранган.

Вернувшись оттуда (т. е. из Тибета. – *В. С.*), все постановили: «Пусть [Гүүши-хан], взяв свой нутуг (т. е. улус. – *В. С.*), переселит его в Кукунор и, поселившись там, распространяет *желтую веру*. Сам же пусть будет ханом у тангутов. Пусть Хара-Хуланойон владеет своей землей и начальствует над оставшимися здесь хошутами, хойтами, дэрбэтами и торгутами. Пусть он примет под свою власть всех казахов, киргизов (*буруд*), уйгуров (*хотон*), узбеков (*анджиан*) и живет, собирая с них подати». После этого большинство хошуты поселили в Кукуноре.

Вслед за этим, в 13-м году (1656 г. – *В. С.*) правления *Эээр засагчи* (*кит.* Шуньчжи (1644–1661). – *В. С.*), скончался Гүүши-хан. Затем в 40-м году (1701 г. – *В. С.*) правления *Энгкэ Амугулана* (*кит.* Канси (1662–1722). – *В. С.*) старшим был оставшийся из 10 сыновей Гүүши-хана Даши-баатур, и под его началом Кукунорский нутук принял подданство [Цинской империи]. Даши-баатуру был пожалован титул *чин-вана*, [другим] принявшим подданство князьям – титулы *цзюнь-вана*, *бэйлэ*, *гуна*. Всего *засаками* (командирами хошунов. – *В. С.*) было назначено тридцать человек. После смерти Даши-баатура его титул *чин-вана* наследовал его сын Лубсанг-Данджин.

Затем, в 1-м году (1723 г. – В. С.) правления *Найралту Тоб* (кит. Юн-чжэн (1723–1735). – В. С.) он объединил весь Кукунорский нутуг, [поднял мятеж] и воевал в течение одного года. Когда все [мятежники] были разбиты, то одному Лубсанг-Данджину удалось бежать и прибыть к живущему здесь джунгарскому хунтайджи. Августейший император (*Богдо эзэн*) трижды присылал послания с требованием его выдачи, [но] Зоригту-хунтайджи (имеется в виду Цэван-Рабдан. – В. С.) и Галдан-Цэрэн его не выдали.

После этого, в 20-м году (1755 г. – В. С.) правления *Тэнггэри тэдкэгсэн* (кит. Цяньлун (1736–1796). – В. С.), когда императорская армия воевала с джунгарами и захватила в плен Даваци, Лубсанг-Данджин был пленен и привезен в Китай. [Здесь] его пощадили, даровали жизнь, избавили от наказания и, пожаловав ему [в управление] отог Цаган өвгөн, поселили с князьями хошуна «верхних монголов» (имеются в виду кукунорские хошуты. – В. С.).

Говорят, что у элётгов Кукунора есть «Большая история происхождения дурбэн-ойратов».

1.4. Комментарии

1. *Хо-Өрлök* (?–1644). Торгутский тайша (правитель крупного ойратского кочевого объединения — улуса). Известный государственный и религиозный деятель первой половины XVII века. Его отцом был торгутский правитель Зулзага-Өрлök, а дедом — Буйгу-Өрлök. В конце XVI в. под его предводительством значительная часть торгутов откочевала вниз по Иртышу в Южную Сибирь, а в 30-х гг. XVII в. заняла своими кочевьями степные пространства Северного Прикаспия в бассейне рек Эмбы, Яика (Урала) и Волги, установив отношения с Русским государством. О времени и причинах откочевки торгутов на запад говорится также в калмыцком сочинении на «ясном письме», известном под русским названием «Краткая история калмыцких ханов»: «Торгутский тайши Хо-Өрлök решил, что чем подобно им (дурбэн-ойратам Джунгарии. – В. С.) убивать друг друга и губить своих подданных людей, лучше откочевать в дальние земли и жить среди народов чуждого происхождения, воюя с ними и взимая с них дань. ... В году «земли-дракона» (1628) он взял своих подвластных торгутов, а также хошутов и дэрбэтов — всего 50 тысяч кибиток и вместе со своими шестью сыновьями покинул свой джунгарский нутуг и отправился на запад»¹.

Эта группировка ойратов связала свою судьбу с Россией и положила начало формированию отдельной монголоязычной народности – калмыков. У Хо-Өрлöка было шесть сыновей: Шүкүр-Дайчин, Гүмбө-Йэлдэн, Кирсан, Санджаб (Санжип), Луузан и Сүнкэй (Шункэй). Они и их потомки в дальнейшем, в XVII–XVIII вв., занимали видное место среди калмыков и ойратов. Хо-Өрлök с сыновьями Шүкүр-Дайчином и Гүмбө-Йэлдэном принимал участие в Монголо-ойратском съезде 1640 г., состоявшемся на Тарбагатае, о чем свидетельствует преамбула принятого на съезде «Великого уложения». Он погиб в 1644 г.

---

¹ Позднеев А. М. Калмыцкая хрестоматия... С. 1. Калмыцкий текст. Русский перевод автора.

в сражении с объединенными кабардино-ногайскими отрядами во время своего похода на Северный Кавказ¹.

2. *Хобог-Сайир* – название местности в Синьцзяне на границе с Казахстаном. Сейчас это территория Хобог-Сайир Монгольского автономного уезда Тарбагатайского аймака². Там протекает река Хобог (на современных картах Хобоксар).

3. *Эмэль* – река, стекающая с южных склонов хребта Тарбагатай и впадающая в озеро Алаколь. Раньше это была территория исторической Джунгарии, сейчас территория Уржарского района Восточно-Казахстанской области Казахстана³.

4. Топоним *Орын ганц модон* (букв. «одинокое дерево на [реке] Орь»). Одно из редких упоминаний в ойратских сочинениях местностей, через которые проходили откочевавшие с родины в Западной Монголии и Джунгарии ойраты на пути в Нижнее Поволжье в первой половине XVII в. Издатели «Истории Хо-Өрлөкэ», опубликованной в сборнике «Ойратские исторические памятники» на монгольском языке, не смогли распознать гидроним Орь (от казах. *ор* — «ров, канава») в названии местности *Орын ганц модон*. В их комментариях ошибочно высказано предположение о том, что это была «пастибищная территория по течению р. Тобол, западнее среднего течения р. Иртыш, к югу от места впадения Тобола в Иртыш»⁴. По их мнению, «начиная с откочевки на запад Хо-Өрлөкэ и вплоть до гибели Джунгарского ханства, торгуты, когда двигались прямой дорогой от Волги к оз. Балхаш, в большинстве случаев из-за обилия [на их пути] песчаных барханов и больших камней прибывали с Волги [сначала] в местность *Орын ганц модон*, а затем поднимались вверх по Иртышу и достигали своей ойратской родины»⁵.

¹ Санчилов В. П. Начало вхождения калмыков... С. 307.

² Норбо Ш. Зая-пандита (Материалы к биографии). Элиста, 1999. С. 276.

³ Краткий энциклопедический словарь исторических топонимов Казахстана. Алматы, 2014. С. 153–154.

⁴ Oyirad teüke-yin durasqal-ud. Ürümçi, 1992. С. 49.

⁵ Там же. С. 49

На самом деле указанная местность находилась на р. Орь, в чем нас убеждают сведения из русских источников XVII–XVIII вв. Причем, судя по этим данным, это место было значимым для кочевавших здесь калмыков. Одинокое дерево, выросшее в бескрайней степи, служило для них объектом поклонения и совершения религиозных обрядов, восходивших к архаическому мировоззрению из добуддийского прошлого ойратов и калмыков. Кроме того, из русских архивных документов известно, что в урочище с одиноко растущим деревом собирались калмыцкие правители для обсуждения и принятия важных решений.

В 40-е гг. XVII в. здесь кочевали подвластные торгутского тайши Елдена (сына Хо-Öрлөка и брата старшего тайши Шүкүр-Дайчина). Речь идет об упомянутом выше Гүмбө-Йэддэне, втором сыне Хо-Öрлөка. Сюда в 1645 г. отправилась русская миссия Алферия Кудрявцева, посланного царскими властями из Уфы в калмыцкие улусы, чтобы уговорить торгутских тайшей принять русское подданство. Переговоры с ними велись, как указывает историк М. Л. Кичиков, на реке Орь¹. Возглавлявший посольство стрелецкий голова А. Кудрявцев до этого побывал в калмыцком плену и потому неплохо знал калмыцкий язык². Это русское посольство в составе 50 человек по очереди побывало у торгутских тайшей Лузана, Нима-Церена и Елдена и вело с ними переговоры.

В отчете о поездке А. Кудрявцева встречается упоминание о местности, интересующей нас. В. Т. Тепкеев в своей монографии об этом пишет так: «Приехав 13 июня (1645 г. – В. С.) в улус Елдена, 17 числа посол был принят тайшой. Около месяца тайши активно между собой советовались, пока 17 июля на реке Орь, в урочище *Одного дерева* (в улусе Елдена), у них не состо-

¹ Кичиков М. Л. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Элиста, 1966. С. 88.

² Тепкеев В. Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2014. С. 169.

ялся общий съезд, на котором присутствовали практически все калмыцкие и ногайские владельцы»¹.

Даже после того как калмыки оставили эту территорию и откочевали дальше на запад, в пределы Северного Прикаспия и Нижнего Поволжья, местность *Орын ганц модон* как особо почитаемый объект ландшафта сохранялся в их памяти еще долгие годы. Во всяком случае в русских документах она упоминается позднее, во второй половине XVIII в., при описании событий, предшествовавших уходу калмыков в 1771 г. в Китай. В томе I «Истории Калмыкии с древнейших времен до наших дней» сообщается: «Первое детальное сведение о совещаниях заговорщиков и о предмете обсуждений содержалось в письме Замьяна Н. А. Бекетову (астраханский губернатор. – В. С.) от 28 февраля 1767 г. Автор письма сообщал, что посланный в Санкт-Петербург Дондук-Джамцо дал знать заговорщикам о том, что якобы у России с Китаем война и будто бы китайское войско уже подошло к реке Ори, «где есть одно древо» (подчеркнуто мною. – В. С.). Нойоны Цебек-Доржи, Бамбар, Шеаренг, Яндык и Басурман-тайджи и несколько зайсангов якобы решили получить через специально посланного в Оренбург разведчика точные сведения, и в случае если китайское войско действительно находится так близко, то со всеми улусами идти с ним на соединение².

Можно предполагать, что сакрализация единственного дерева на огромном пустынном пространстве зауральской степи, превращение его в особо почитаемое святилище могли иметь место и в прошлом, еще до прихода сюда калмыков и после их ухода. История таких святилищ обычно насчитывала многие десятилетия и даже века. Позднее оно сделалось особо почитаемым объектом ландшафта и у поселившихся в этих местах казахов Младшего жуза. Они, возможно, наследовали культ данного

¹ Там же. С. 170.

² Санчиров В. П. К изучению топонимики ойратов и калмыков (XVII–XVIII вв.) // Новый исторический вестник. М., 2011. № 3 (29). С. 70.

конкретного дерева от прежних обитателей — калмыков. У них оно получило такое же название — *Джангыз-агач* (букв. «одинокое дерево». — В. С.).

По свидетельству очевидцев, наблюдавших его даже в середине XIX в., это был пятиствольный тополь, одиноко произрастающий в Зауральской степи. Известно, что у калмыков тополь наряду с сандалом считался и священным и волшебным деревом, олицетворением счастья и благоденствия. Местность, где находилось это «одинокое дерево», урочище *Жалгызагаши*, расположенное в бассейне верхнего течения *Ори*, между правыми притоками рек *Ыргыз Уймолы* и *Карабутаком* (совр. Айтебекийский р-н Актюбинской области)¹.

Его видел украинский поэт-демократ Т. Г. Шевченко, который провел в ссылке в Оренбургской губернии (частично в Оренбурге) целых 10 лет. В здешних местах он оказался, когда проезжал через реку Орь во время девятого перехода транспорта из Орской крепости в недавно созданное Раимское укрепление на берегу Аральского моря. Встречу с этим «святым деревом» он описал в своей повести «Близнецы»². Воспоминания, навеянные посещением местности, где это дерево (поэт называет его «джангысагач») росло, затем легли в основу первых набросков к акварели с таким названием и стихотворения — поэмы Шевченко «У бога за дверью лежала секира...»³.

5. Приведенные в данном сочинении сведения о сыновьях Аюки-хана неверны. Согласно сохранившимся ойратским родоводным, которые использовали в своем комментарии издатели «Истории Хо-Öрлөка», у Аюки-хана было 8 сыновей, из которых старшим был Чагдарджаб, вторым — Гүнджаб, а Санджаб был третьим сыном⁴.

¹ Краткий энциклопедический словарь исторических топонимов Казахстана. Алматы, 2014. С. 160.

² Шевченко Т. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 4. Киев, 1949. С. 90.

³ Шевченко Т. Избранные произведения. Л., 1952. С. 130–132.

⁴ Oyrad tetüke-yin durasqal-ud... С. 52.

6. Речь идет о правителе Джунгарского ханства Цэван-Рабдане (1643–1727), сыне Сэнгэ и внуке основателя ханства Баатура-хунтайджи. В сочинениях ойратских и калмыцких авторов он также именуется Зоригту-хунтайджи. Время его правления (1697–1727), а затем его сына Галдан-Цэрэна (1727–1745) можно назвать периодом расцвета и наивысшего могущества Джунгарского ханства. Это ойратское государство — единственное в Центральной Азии, которое в указанное время успешно противостояло экспансионистской политике Цинской империи в регионе.

После убийства джунгарского правителя Сэнгэ по причине малолетства его двух сыновей ханский трон унаследовал его младший брат Галдан. Позднее Галдан, опасаясь, что его племянники начнут оспаривать у него право на верховную власть в государстве, расправился с одним из них — Содном-Рабданом. Тогда в 1691 г. Цэван-Рабдан, спасая свою жизнь, бежал из войска Галдана, который находился в то время в Халхе, где воевал со своими противниками — монгольскими князьями. Те, потерпев поражение, обратились за помощью к цинскому императору Сюань Е (девиз правления Канси). Вступление в ойрато-халхаскую войну многократно превосходящей по численности цинской армии привело к поражению Галдана и включению Северной Монголии (Халхи) в состав Цинской империи.

Тем временем Цэван-Рабдан вернулся в Джунгарию и вступил в переписку с цинским императором. Он приобрел множество сторонников и объявил себя правителем ханства. Калмыцкий историк Габан Шараб отмечает, что «Зорикту Хон тайджи, бежав с 7-ю человеками, размножился до 40 000 кибиток»¹.

Хотя фактически еще при жизни Галдана он стал править ханством и носить титул хунтайджи, единоличным правителем ойратского государства его признали только после смерти его предшественника в 1697 г. Цэван-Рабдан стремился объединить под своей властью разрозненные группировки ойратов, включая и волжских торгутов. Исследователь истории Джунгарского

---

¹ Калмыцкие историко-литературные памятники... С. 150.

ханства В. А. Моисеев в связи с этим справедливо указывал, что «необходимость сохранить классовое господство над массой аратов (рядовых кочевников) и рабов, населением завоеванных территорий, ожесточенная борьба с Цинской империей наряду со всегда существовавшими в Монголии идеями единства привели к единому уровню централизации власти в Джунгарском ханстве, более прочной и эффективной государственности по сравнению с соседними кочевыми земледельческими государствами Средней и Центральной Азии»¹.

Ход событий в Джунгарии часто оказывал влияние и на действия калмыцких тайшей, их собственные политические расчеты, подтверждением чего может служить приведенный в «Истории Хо-Öрлөка» рассказ о так называемом «деле Санджаба». Оно привело к серьезному осложнению отношений между двумя ойратскими государствами. Как известно, калмыцкий хан Аюка после смерти Галдан Бошогту-хана постарался укрепить свои связи с его соперником Цэван-Рабданом, ставшим новым правителем Джунгарского ханства. По традиции дружественные отношения в политике подкреплялись брачными союзами. В 1697–1698 гг. калмыцкий хан выдал свою дочь Сэтэрджаб замуж за джунгарского хунтайджи, а сам женился в четвертый раз, взяв в жены двоюродную сестру Цэван-Рабдана Дарма-Балу.

В 1701 г. в Калмыцком ханстве произошла самая крупная за все время правления Аюки-хана усобица. Неприязненные отношения между ним и правителем Джунгарского ханства возникли из-за сына Аюки Санджаба, который, рассорившись с отцом, бежал от него в Джунгарию, уведя с собой 15 тыс. калмыцких кибиток. Цэван-Рабдан по требованию калмыцкого хана вскоре вернул Санджаба обратно на Волгу, но приведенных им калмыков оставил у себя, распределив их по джунгарским отокам. Он был заинтересован в увеличении численности своих подвластных людей в Джунгарии, понесшей значительные потери из-за тяжелого поражения Галдана в Халхе в войне с Китаем. Габан

---

¹ *Моисеев В. А.* Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата, 1991. С. 32.

Шараб отмечал, что «захватив калмыков, он пользы никакой не получил», более того, судьба уведённых Санджабом калмыков оказалась незавидной. Вот как писал о них в своей книге В. А. Моисеев: «Торгоуты были поселены в юго-восточных районах Джунгарии, в районе р. Юлдуз. В ханстве они оказались на положении людей второго сорта, их нещадно эксплуатировали и угнетали. Попытки бежать в Россию или другие страны пресекались самым жестоким образом»¹.

Эпизод с бегством Санджаба (умер в 1703 г.) рассматривался по-разному в сочинениях авторов, писавших о периоде правления Аюки. Вот как эти события изложены в другом ойратском анонимном сочинении «Сказание (повесть) о дурбэн-ойратах»: «В то же время сын торгоутского Аюки-хана Санджаб был зятем джунгарского хана. Когда Санджаб в среднем зимнем месяце, вызвав [посредством колдовства] выпадение снега, который доходил до хвоста верблюда, прибыл [в Джунгарию] с многочисленным войском, то [некий] хошутский гелюнг растопил этот снег. [Джунгарский хан] схватил самого Санджаба и отправил его к отцу. Так как [Санджаб] прибыл с намерением захватить ханский трон [Джунгарии], то всех его воинов [у него] отобрали, а его одного выдали [торгутскому] хану»².

7. Рассказ из «Истории Хо-Өрлөка», бесспорно, дополняет наше представление о происходивших событиях. Здесь мы видим то, как трактовал их ойратский автор, опираясь на устную традицию. При этом в изложенной им версии событий подлинность слов, вложенных в уста джунгарского хунтайджи, Аюки-хана и др., следует рассматривать как использование публицистического приема, а не как исторический факт. Уважительное обращение Цэвэн-Рабдана к жене Санджаба, звучащее как «матушка Цаган Дара», позволяет предположить, что она была либо сестрой его

¹ Там же. С. 64.

² Ойрад Монголын түүхэнд холбогдох сурвалж бичгүүд – I / Эмхтгэж, тод болон худам монгол бичгээс кирил бичигт буулган, тайлбар хийсэн На. Сухбаатар. Улаанбаатар, 2004. С. 42, 43.

отца Сэнгэ, либо приходилась ему теткой по матери, т. е. так или иначе она была связана родственными узами с джунгарским правящим домом, о чем упоминается в «Сказании о дурбэн-ойратах».

О дальнейшей судьбе Санджаба известно из сообщений такого хорошо информированного автора, как В. М. Бакунин, служившего в свое время переводчиком при Коллегии иностранных дел. Он писал, что Цэвэн-Рабдан «Санжила с семью человеками отпустил к хану Аюке, который дал ему на пропитание из убогих калмык двести кибиток, и потом он, Санжип, и с женою своею, будучи при Волге, нечаянно и в ночное время сгорел от пороху, бывшего в его кибитке»¹.

Свидетельство В. М. Бакунина подтверждается и русскими документами, которые использовал в своей книге М. М. Батмаев: «В декабре 1719 г. Санчжаб, которому после бесславного возвращения из Джунгарии отец дал на «пропитание» 200 кибиток «убогих», т. е. бедных семей, «а з женою и с тремя человеки денщики спал ночью в кибитке, а в той де кибитке было настлано тростнику и был кладен огонь, и как уснули и тот тростник загорелся, и от того он, Санчжап, и будущие при нем и с кибиткою загорели»»².

8. *Чагдарджаб (Чакдорчжаб)* (ок. 1662 – 12.02.1722). Старший сын Аюки-хана, рожденный от его первой жены Эрэнцэн. Она родила калмыцкому хану троих сыновей: Чагдарджаба, Санджаба и Гунделека. Все трое из-за несправедливого, по их мнению, раздела улусов враждовали со своим отцом, который отдавал предпочтение Гунджабу, сыну от его второй жены Уанджал (Ванджил).

В «Истории Калмыкии...» говорится: «После 1701 г. Чакдорчжаб стал все чаще конфликтовать с отцом, а порой и вовсе игнорировать его волю. Стараясь успокоить его, Аюка вынужден был в 1714 г. официально объявить его своим преемником

---

¹ Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгутского, и поступков их ханов и владельцов. Элиста, 1995. С. 28.

² Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках: события, люди, быт. Элиста, 1993. С. 206.

и передать ему ханскую печать, присланную Далай-ламой»¹. Чагдарджаб и после этого продолжал вести себя достаточно независимо. Он умер раньше Аюки, 12 февраля 1722 г., но предчувствуя свой близкий уход из жизни, успел завещать свое право наследования старшему сыну Досангу.

9. *Дондугдаши (Дондук-Даши)* (умер 21.01.1761). Единородный брат Досанга, рожденный от второй жены Чагдарджаба по имени Габиль. Правитель Калмыцкого ханства в 1741–1761 гг. Долгое время безуспешно боролся за власть, проведя большую часть своей жизни за пределами калмыцких улусов. После смерти хана Дондук-Омбо 4 февраля 1741 г. он был назначен царской администрацией наместником Калмыцкого ханства, а 20 февраля 1758 г. — ханом². Несмотря на усилившийся контроль царского правительства над ханством Дондук-Даши еще сохранял за собой значительную часть властных полномочий. Назначенный Коллегией иностранных дел чиновник «состоящий при Калмыцких делах» Н. Г. Спицын писал о нем: «Он, наместник ханства, всякие дела сам собою исполняет и почти никого в совет себе не приемлет»³. В период его правления для волжских калмыков были разработаны так называемые «законы Дондук-Даши», фактически являющиеся дополнением к устаревшим положениям «Великого уложения» (*Их Цааз*) — монголо-ойратских законов 1640 года⁴. Дондук-Даши в последние годы своей жизни долго болел и внезапно скончался 21 января 1761 г. в урочище *Бугута* севернее р. Кумы, в 200 верстах южнее Астрахани⁵.

10. *Убаши* (1744–1774). Последний правитель Калмыцкого ханства, который увел значительную часть своих подданных из

---

¹ *Батмаев М. М.* Калмыцкое ханство в период правления Аюки-хана // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Т. 1. Элиста, 2009. С. 372.

² *Колесник В. И.* Последнее великое кочевье. М., 2003. С. 121.

³ Цит. по: *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII—XVIII веках. С. 345.

⁴ *Почекаев Р. Ю.* Чингисидское правовое наследие в ойратских ханствах // *Mongolica—XIV*: Сб. ст. СПб., 2015. С. 14.

⁵ *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII—XVIII веках... С. 346.

Нижнего Поволжья в Китай в 1771 г. Он был единственным сыном наместника Калмыцкого ханства Дондук-Даши, рожденным от его второй жены Деджит. В 1757 г. лояльность Дондук-Даши России правительством была достойным образом оценена — он был назначен ханом, а его сын Убаши — наместником ханства. В 1761 г., через четыре года после смерти отца, 17-летний Убаши наследовал ханскую власть, сохранив свой прежний титул наместника.

С начала XVIII в. и до этого времени Калмыцкое ханство все больше сковывали тиски кризиса — степные пространства юга России стали объектом как вольной, так и правительственной колонизации. С момента своего поселения в Нижнем Поволжье калмыки не испытывали недостатка в кочевьях. Сокращение занимаемых ими пастбищных территорий, вмешательство русского правительства во внутренние дела ханства, ограничение самостоятельности калмыцкой знати во главе с наместником, непрекращающаяся борьба за власть между потомками Аюки-хана, христианизация, активная роль буддийского духовенства в вопросе об откочевке и другие неблагоприятные факторы побудили Убаши и его ближайшее окружение, включая Цэбэгдорджи (Цэбэг-Дорджи), внука Дондуг-Омбо, организовать заговор и в 1771 г. обманным путем увести из России в Джунгарию большую часть калмыков.

Откочевка обернулась страшной трагедией для калмыцкого народа. Большая половина из отправившихся в путь была потеряна: люди были убиты, захвачены в плен, умерли от холода, голода и болезней. В Цинской империи Убаши получил ханский титул с пожалованием ему почетного звания *Зоригту* («Храбрый»). Цэбэг-Дорджи получил титул *цинъ-вана* с пожалованием ему почетного звания *Буянту* («Добродетельный»). Другие представители калмыцкой знати также получили знатные титулы, но их надежды на независимое существование на территории разгромленного ранее цинскими войсками Джунгарского ханства не оправдались¹.

¹ Санчилов В. П. Приволжские калмыки в составе Цинской империи в конце XVIII века // Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии. Элиста, 1983. С. 60–73.

11. *Гүнджаб*. Четвертый сын Аюки-хана, рожденный от его второй жены, хошутки Уанджал, отец будущего правителя Калмыцкого ханства Дондуг-Омбо (1735–1741). Он был любимым сыном хана Аюки, который в обход своего старшего сына Чагдарджаба рассматривал его как своего преемника на ханском троне. Ему же он, по свидетельству Габан Шараба, предполагал отдать в управление все свои улусы¹. Подобный фаворитизм Аюки, обостренный борьбой за власть и недовольством старших его сыновей несправедливым разделом улусов, вызвал усобицу 1701 г. Гүнджабу не суждено было стать ханом, так как он рано умер, а ханский престол впоследствии занимал его сын Дондуг-Омбо.

12. *Дондуг-Омбо*. Любимый внук Аюки-хана, сын Гүнджаба. Долгое время добивался ханской власти в противостоянии с другими наследниками. Занимавший после смерти хана Аюки должность правителя Калмыцкого ханства Цэрэн-Дондуг (1724–1735), его сын от четвертой жены Дарма-Балы, оказался самым слабым и зависимым от русской власти калмыцким ханом. 7 марта 1735 г. императорским указом он был отлучен от должности хана, а вместо него «главным управителем» над калмыцким народом был определен Дондуг-Омбо. За заслуги в войне с Османской империей в 1735–1739 гг. ему 7 марта 1737 г. был пожалован титул хана². Н. Н. Пальмов приводит характеристику его самовластного правления, которую дал его двоюродный брат и преемник на ханском троне Дондуг-Даши в письме к канцлеру М. И. Воронцову в 1759 г.: «Не взирая ни на владельцев, ни на знатных, ни на подлых, ни на духовных, ни на всякий мужеский пол и женский, (он) иных умерщвлял, других арестовал, а иных и вовсе искоренял, а потом писал об них, что якобы они какую-либо противность учинили русскому правительству»³.

Умер Дондуг-Омбо 21 марта 1741 г.

¹ Калмыцкие историко-литературные памятники... С. 152.

² Колесник В. И. Указ. соч. С. 127.

³ Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. II. XVIII век. – Астрахань, 1927. С. 1.

13. *Цэбэгдорджи (Цэбэк-Дорджи)*. Внук Дондуг-Омбо, правнук Гүнджаба. Один из самых влиятельных нойонов, значился в числе главных претендентов на ханский трон. Однако в 1741 г., когда умер хан Дондуг-Омбо, русские власти при решении вопроса о наследовании ханской власти оказали предпочтение его двоюродному брату Дондуг-Даши, а после смерти последнего в 1761 г. наместником ханства назначили 17-летнего неопытного Убаши, сына Дондуг-Даши. Оказавшись обиденным в очередной раз, Цэбэгдорджи затаил обиду, но он не оставлял надежд занять дедовский трон. Поэтому нойон сделался горячим сторонником откочевки калмыков из пределов России. Исследователи называют Цэбэгдорджи главным инициатором «торгутского побега» из России. Вместе с другими знатными нойонами ему удалось склонить наместника Убаши увести большую часть калмыков в Китай. Покинув Россию, волжские торгуты прибыли в Синьцзян в июне 1771 г.

Цэбэгдорджи, приходившийся Убаши троюродным братом, прибыл в Китай со своим улусом, насчитывавшим свыше 3 тыс. семей. Наместнику Убаши и другим представителям калмыцкой знати была дана аудиенция цинским императором Цяньлуном в императорской резиденции в Жэхэ. Здесь им были пожалованы маньчжурские феодальные титулы: Убаши получил ханский титул с пожалованием ему почетного звания *Зоригту* («Храбрый»), а Цэбэгдорджи — титул *хошой цинь-вана* и почетное звание *Буянту* («Добродетельный»)¹. Хошун Цэбэгдорджи вместе с хошунами его сына Гүнггэ-Цэрэна и брата Агсахала входил в Северный отдел сейма *Ўэн-сүзүгтү*, расположенного в Тарбагатайском округе Джунгарии. Умер Цэбэгдорджи в 1778 г².

¹ Санциров В.П. «Илэтхэл шастир»... С. 90.

² Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях / Пер. с кит. П. С. Попова. СПб., 1895. С. 149.

II. ИСТОРИЯ ДУРБЭН-ОЙРАТОВ

II.1. Введение

Из обнаруженных в XX в. ойратских исторических сочинений самым ранним по времени нахождения и введения в научный оборот является «Сказание (повесть) о дурбэн-ойратах» неизвестного автора. Впервые о существовании этого источника сообщил, а затем и опубликовал в пересказе на русском языке небольшие отрывки из него академик Б. Я. Владимирцов в 1927 г. в своей статье «Монгольские сказания об Амурсане»¹. Он писал: «В бытность свою в 1913 г. в Западной Монголии мне пришлось написать одну небольшую книжку, содержание которой составляет история ойратов и Амурсана. По словам местных грамотеев и любителей старины поведание это было написано неким Дамбо тайджи хошуна баитского чин-вана, прежнего баитского цзюнь-вана, вероятно, в половине XIX века»².

Ойратское название этого сочинения — «Дөрбөн Ойирдийин түүхэй туужу кэмэн (кэмэку) орошибой» [«Сказание (повесть) о дурбэн-ойратах»]. Оно было опубликовано в 1976 г. в Улан-Баторе монгольским ученым Х. Лувсанбалданом в сборнике «Тод үсгийн дурсгалууд» («Памятники на “ясном письме”»)³. Данное издание было подготовлено на основе трех рукописных списков «Сказания», два из которых хранятся в фонде рукописных книг на «тодо үсэг» Института языка и литературы Монгольской Академии наук, а третий список — в Государственной публичной библиотеке в г. Улан-Баторе. Первый из двух списков имеет указанное выше название и относительно хорошую сохранность текста. Х. Лувсанбалдан обозначил его литерой *A* и издал фото-

¹ Владимирцов Б.Я. Монгольские сказания об Амурсане // Восточные записки. Т. 1. Л., 1927. С. 271–282; Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. С. 272–279.

² Владимирцов Б.Я. Работы по истории... С. 274.

³ Тод үсгийн дурсгалууд / Ред. проф. А. Лувсандэндэв. Улаанбаатар, 1976.

типическим способом в оригинале¹ и в латинской транскрипции². Второй список, который Х. Лувсанбалдан обозначил литерой *B*, сохранился гораздо хуже, но зато в некоторых местах он содержит больше сведений. Эти пассажи, которые отсутствуют в первом списке, Х. Лувсанбалдан заключил в квадратные скобки в соответствующих местах латинской транскрипции текста «Сказания»³.

Хуже всего сохранился третий список, в конце имеющий большой пропуск в изложении. Как отмечает современный монгольский исследователь На. Сухбаатар, «во всех этих рукописных списках обнаруживается, что в них при переписке пропущены слова и буквы»⁴.

Текст, изданный Х. Лувсанбалданом, был переиздан с некоторыми исправлениями и комментариями в КНР в 1985 г. в г. Хух-Хото на старописьменном монгольском языке в сборнике «Ойратские исторические источники»⁵. В 1992 г. этот сборник был издан в г. Урумчи на ойратском языке⁶. В 2001 г. текст «Сказания» был опубликован на кириллице молодым монгольским ученым На. Сухбаатаром в первом томе его трехтомного труда «Источники по истории ойрат-монголов», выпущенного в свет в г. Улан-Баторе⁷.

Автор данного исторического сочинения в нем не назван. В ходе дальнейшего изучения текста «Сказания» высказанное Б. Я. Владимирцовым суждение о его авторе и о времени его написания не получило подтверждения. Напротив, анализ содержания нашего источника и тот факт, что в нем много места

---

¹ Там же. С. 331–347.

² Там же. С. 348–377.

³ Там же. С. 13.

⁴ Ойрад Монголын түүхэнд... I. С. 20.

⁵ Oйрад surbulji bičig. (Серия: Oйрад soyol-un degeji). Öbör Mongol-un soyol-un keblel-ün qoriya, 1985. С. 267–305.

⁶ Oйрад tüükiyin surbulji bičiq. Šinjiyang-giyin aradiyin kebleliyin qorǒ, 1992. С. 272–313.

⁷ Ойрад Монголын түүхэнд... I. С. 19–81.

отводится рассказу о дэрбэтских князьях и их взаимоотношениях с правителями Джунгарского ханства накануне его крушения, позволяют согласиться с мнением составителей сборника «Ойратские исторические источники» о том, что автором «Сказания о дурбэн-ойратах» является «какой-то ученый лама из дэрбэтов, живший в рассматриваемое время»¹. В справедливости этого мнения нас убеждает тот факт, что анонимный автор весьма лояльно относится к маньчжурскому императору, связывая с его правлением установление мира среди ойратов. Известно, что из всех ойратских этнических подразделений именно дэрбэты, откочевав за пределы Джунгарского ханства, меньше всего пострадали от цинской экспансии в Центральной Азии в середине XVIII в. То обстоятельство, что автор сообщает некоторые подтверждаемые другими источниками сведения о событиях 1750-х гг., говорит о том, что он жил в это время и был очевидцем некоторых из этих исторических событий. Однако он, будучи дэрбэтом, во время последней ойрато-цинской войны, по-видимому, находился вне Джунгарского ханства, поскольку ничего не сообщает о военных действиях на его территории. Отсюда вполне обоснованно можно предположить, что «Сказание о дурбэн-ойратах» было написано вскоре после описываемых событий, т. е. в 60–70-е гг. XVIII в.

Что касается содержания «Сказания о дурбэн-ойратах», то оно не имеет четко выраженной структуры и написано без какого-либо определенного плана. О «лоскутном» характере его структуры свидетельствуют затронутые бегло многочисленные сюжеты, которые перечислены ниже. В нем говорится:

1) о народах, населяющих согласно буддийской космологии четыре материка в мировом океане, и о степени их приверженности к учению Будды;

2) о том, как *желтая вера* распространилась в разных местностях;

3) о том, как тангуты (тибетцы) удержали у себя объявившегося у ойратов перерожденца-хубилгана по имени Чжу-Адиша;

---

¹ Oyirad teüken surbulji biçig. С. 288.

- 4) о том, как ойраты расселились в разных местах;
- 5) о составе ойратов (XVII в.);
- 6) о том, как рабджимба Зая-пандита приехал после обучения в Тибете и создал «ясное письмо», о его переводческой деятельности;
- 7) о пользе чтения таких ойратских сочинений, как «Большая пространная история» (*Йэке дэлгэр түүжэ*), «Биография Зая-пандиты» («Лунный свет») и других источников;
- 8) о бегстве Күндүлэнга Убаши в Россию;
- 9) о происхождении и рождении ойратского князя Амурсаны, возглавившего национально-освободительное движение в Джунгарии в середине XVIII в.;
- 10) о пребывании Амурсаны в России;
- 11) о том, как хана Даваца (Дабачи) покинули сподвижники, когда он боролся с маньчжурами;
- 12) о том, как ойраты дважды ходили войной на Тибет;
- 13) о том, как часть ойратов под предводительством некоего Мокүши покинула родные места и стала кочевать между Россией и Турцией;
- 14) о баитском силаче Бату-Мөнгкэ и о его знакомстве с Амурсаной;
- 15) о том, как маньчжурский военачальник Саруул-джанджин преследовал Амурсану;
- 16) о будущем возвращении Амурсаны на родину;
- 17) о ранних дурбэн-ойратах (XV в.);
- 18) о казахском хане Аблае;
- 19) о силаче (*бөк*) Тэмээн-Харе;
- 20) о том, как ойраты ходили войной на Тибет, и о том, как укротили приверженцев красношапочной секты;
- 21) о том, как войско Джунгарского ханства напало на Халху в 1731 г.;
- 22) о том, как маньчжурский хан прислал посла;
- 23) о сыне торгутского Аюки-хана Санджабе;
- 24) о составе дурбэн-ойратов (XVI в.);

- 25) о борьбе за трон джунгарского хана в 1740-х гг.;
- 26) о том, как дэрбэты и байты сговорились откочевать из родных мест и перейти на сторону маньчжуров;
- 27) о предательстве некоторых дэрбэтских и байтских князей;
- 28) о том, как дэрбэты бедствовали, перейдя на сторону маньчжуров, и кочевали и там, и сям, пока не нашли себе кочевья;
- 29) о том, как торгутский Шэрэнг-тайджи изменил и бежал к калмыкам;
- 30) о маньчжурской армии, завоевавшей джунгаров;
- 31) о предательстве Амурсаны и о том, как он поступил с воинами, преследовавшими его;
- 32) об основании города Кобдо и тамошнем амбане;
- 33) о том, как подняли мятеж шесть дэрбэтских тайджи;
- 34) о том, как дэрбэты обосновались в Улангоме и зажили там в благоденствии, занимаясь хлебопашеством.

Как видим, это сочинение, несмотря на свое название, не может быть отнесено к жанру летописей или хроник. Примечательно и полное отсутствие в нем генеалогических списков или родословных, что не характерно для произведений монгольской и ойратской традиционной историографии. В «Сказании о дурбэн-ойратах» причудливо перемешались исторические легенды и предания, устные рассказы о знаменитых ойратских деятелях, силачах и т.д., а также о реальных исторических событиях.

Рассказ о том, что происходило раньше, до рождения автора, сводится к беглому и довольно невнятному изложению буддийских космологических представлений и истории распространения буддизма в Индии, Тибете и Монголии. Здесь же он приводит некоторые факты из жизни и проповеднической деятельности знаменитого Зая-пандиты Ойратского (1599–1662). Для более подробного знакомства с описываемыми здесь событиями автор отсылает своего читателя к таким сочинениям, как биография Зая-пандиты *Сарын Гэрэл* («Лунный свет»), *Йэкэ дэлгэр түүкэ* («Большая пространная история»), *Йэкэ үлгэрийин далай* («Великое море притч»).

Если использовать «Сказание о дурбэн-ойратах» как исторический источник, то оно не восстанавливает фактической канвы событий, но в своей совокупности позволяет взглянуть как бы изнутри на события 30–50-х гг. XVIII в. в Джунгарии, непосредственно предшествовавшие крушению Джунгарского ханства. Следует отметить, что в нем отразились историческое мышление народа, более архаичное и упрощенное, его оценки отдельных событий и лиц. Достоверную картину происходившего в последний период существования Джунгарского ханства (1635–1758) можно найти в работах отечественных ученых, написанных на основе сведений, извлеченных из русских архивных документов¹. Нам известна китайская официальная версия событий, представленная в цинских исторических сочинениях XVIII–XIX вв.² В данном случае мы имеем дело с оценками и взглядом на происходившее рядового члена ойратского общества, сталкиваемся с трансформацией реальных исторических событий в устной народной традиции. Наш источник был написан вскоре после драматических событий, разыгравшихся в Джунгарском ханстве, и полон трагических предчувствий.

Сопоставление трех версий одних и тех же событий может быть полезным при исследовании вопроса о том, как развивались идеи исторического познания у монголов и у ойратов, а также при реконструкции того, что происходило в этот сложный период ойратской истории. При этом следует учитывать то обстоятельство, что сведения о какой-либо исторической личности, сохранившиеся в устной народной традиции и в письменных источниках, могут довольно сильно расходиться с исторической реальностью. Так произошло в нашем сочинении с образом героя антиманьчжурской борьбы в 50-х гг. XVIII в. ойратского князя

---

¹ *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства...; *Моисеев В.А.* Джунгарское ханство и казахи...; *Моисеев В.А.* Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке (Очерк внешнеполитических отношений). Барнаул, 1998.

² *Санчиоров В.П.* «Илэтхэл шастир» как источник...

Амурсаны. Богатый документальный материал о нем содержится в русских архивохранилищах¹.

Амурсана был одним из претендентов на ханский трон в ослабленном феодальными усобицами Джунгарском ханстве в последние годы его существования. Обратившись за помощью к маньчжурскому императору Цяньлуну, он принял подданство Цинской империи в 1755 г. и при поддержке цинских войск сверг с престола своего соперника Даваца. За заслуги перед цинской династией он получил титул *цинь-вана* и был назначен помощником командующего армией, выступившей на войну с джунгарами. Поняв, что его план по установлению единовластного правления в Джунгарском ханстве потерпел провал, Амурсана поднял восстание против маньчжурских завоевателей. К нему примкнули многие ойратские князья, в том числе и те, кто, подобно ему, ранее перешел на сторону цинского императора.

Академик Б. Я. Владимирцов, занимаясь собиранием и изучением ойратского фольклора, использовал легенды и предания об Амурсане, записанные до него некоторыми европейскими путешественниками, а также сказания об этом ойратском князе, слышанные им самим от разных лиц во время его пребывания в Западной Монголии в 1908, 1911 и 1913 гг. Он писал: «Народная память сохранила лишь немногие черты истинного Амурсана, ему простили многое: его вероломство, нетвердость и непостоянство во взглядах и симпатиях, его честолюбие; народная память остановилась на одном моменте его бурной жизни — на борьбе с манджуро-китайцами, она приукрасила поступки своего героя и сделала его последним борцом за независимость, за независимое и славное существование ойратского племени. И Амурсана превратился в идеальный образ, о котором мечтали, которого хотели иметь в прошлом и будущем, хана-вождя народа, вождя славных «четырёх ойратов»².

---

¹ Златкин И.Я. Русские архивные материалы об Амурсане // Филология и история монгольских народов. М., 1958. С. 289–313.

² Владимирцов Б.Я. Работы по истории... С. 272.

Уже во второй половине XVIII в. предание об Амурсане подверглось литературной обработке и письменной фиксации в «Сказании о дурбэн-ойратах». Примечательно, что обе версии, устная и письменная, как отметил Б. Я. Владимирцов, «с особым вниманием останавливаются не на подвигах своего героя, а на его будущем возвращении к родному народу»¹. Ойраты, пережившие в середине XVIII в. национальную трагедию (гибель своего государства — Джунгарского ханства и истребление наиболее многочисленной субэтнической группы — джунгаров), не смирились с диктатом чужеземных захватчиков. Они связывали надежды на лучшее будущее с именем Амурсаны. Эта вера поддерживалась в народе полтора столетия и в 1912 г. вылилась в очень крупное народное движение в Западной Монголии.

---

¹ Там же. С. 276.

II.2. Русский перевод. История дурбэн-ойратов

Вот поучение Будды Победившего:

Если рассмотреть жителей этих четырех континентов, то на востоке жители Континента великанов испытывают большое благоговение перед учением Будды и являются народом, среди которого распространилась вера. На севере жители Континента, имеющего зловещий голос, склонны убивать, заботясь о пропитании. Если это так, то в том вины нет. На западе жители Континента, едущих на коровах, лишились склонности убивать, сильно почитают Три драгоценности и возраст их продолжителен.

На юге жители Джамбутиба не почитают ни одно из средств, способствующих освобождению духа из-под бремени материи (*kölgen*), не испытывают благоговения перед Буддой и не питают склонности к учению (*nom*) [Будды].

Поэтому, если этим жителям показать мои три средства, способствующие освобождению духа из-под бремени материи, то, во-первых, жизнь их продлится. Во-вторых, если ради обретения достоинства Будды это высшее учение будет доведено до нижней доли страданий, то эти люди не поймут, не будут пользоваться, не будут почитать и не прочтут. [Посему] нельзя будет доставить его отсюда. Ему доложили, что если оттуда прибудет какой-нибудь добродетельный человек и доставит обратно (это высшее учение. – В. С.), то всем людям будет польза. Тогда некий замечательный лама, достигнув святости Будды, возвратился обратно с тремя высшими разделами Учения. В пути, к несчастью для всех людей, когда он переправлялся через реку, золотая лягушка опрокинулась, и высшее Учение пришло в расстройство. По этой причине желтая вера распространилась на юге.

В самом начале у ойратов пребывали в согласии восемьдесят один мудрец. Когда они с реки Мун прибыли и стали обитать в местности *Хара үкүрийн кэбдэг* («Лежище черных коров»), то вера распространилась на окраине Индии. Когда они, пожив там, снова бежали и, прибыв к Гималайским горам, стали обитать

[там], то вера распространилась в Тибете. Когда Цэван-Рабдан сделался там ханом — милостынедателем веры (т. е. покровителем веры. — В. С.) и подчинил своей власти жителей Тибета, то в то время ханская дочь — принцесса с малолетнего возраста — удалилась от мира и сделалась монахиней. У ней, жившей в монастыре, по прежнему доброму предопределению родился без отца ребенок, перерожденец Бадмы Самбубы. Монастырские послушники (*хуваргуд*), сочтя это недопустимым, сказали: «Если дочь великого хана не завела себе возлюбленного и не предавалась пороку, то откуда у ней взялся ребенок?» и изгнали ее из монастыря. Когда тому мальчику исполнилось пять лет, некий прорицатель тангут предсказал ей: «Прежними благими молитвами ты стала монахиней, а во время пребывания в монастыре ты родила ребенка и покинула монастырь. Если ты отдашь этого ребенка в монастырь и он станет монахом, то задуманное тобой дело исполнится». Когда наступило мальчику время отправляться на учебу, он посоветовался со своей матерью и сказал ей: «Мы с тобой вдвоем силою прежних благих молитв стали матерью и ребенком. В дальнейшем в этом обличье мы с тобой больше не увидимся. После меня у тебя родится такой же, как я, ребенок, и если ты позаботишься о нем и вырастишь его, то он будет для тебя ребенком, ниспосланным судьбой (или имеющим предназначение. — В. С.)». Наказав так, он отправился в путь. Жители Тибета распознали в этом мальчике [перерожденца] Чжу Адиши, но скрыли [это от ойратов]. Он больше не вернулся к ойратам.

Затем из-за того, что у этой принцессы монахини, как и прежде, родился мальчик, торгутские князья и тайджи покинули ее. После этого ойраты бежали в панике и, прибыв в Долон-нур, прожили там семьдесят два года. В это время Луурубский гэгэн поведал, что когда у ойратов объявился [перерожденец] Чжу Адиша, то тангуты похитили его у нас. Ойраты вознегодовали и стали говорить: «Если мы будем жить вместе с этими черными тангутами, у которых узкая, сплюснутая с боков голова, то они будут забирать все, что у нас есть хорошего». При обсуждении

они заспорили и разделились на две группы. Некоторые из них говорили: «Давайте вернемся к Гималайским горам», а [другая] половина говорила: «Давайте перекочуем в [область] Зултус Такис». [Говоря так] они прикочевали, все время восхваляя и воспевая то, что лучшая страна — это страна счастливая, как Гималайские горы. В это время распространилась вера в Халхе. Когда дэрбэты прибыли и стали обитать в Улангоме, то вера распространилась в Танну-Урянхае, и таким образом [среди них] стало много [людей], принявших Веру и Учение.

Они, начиная еще с того времени, когда у дурбэн-ойратов Джунгарии жили начальные будды, представляли собой народ, на устах у которого были молитвы [богине] Дара Эке [и] Шираб Нимбуу и которые принесли с собой (*букв.* «привел за собой». — В. С.) веру. С тех пор как ойраты принесли с собой веру, говорят, что они не оказывают вере внешние знаки уважения, но в душе очень религиозны. С тех пор как Халха вышла навстречу вере, говорят, что [жители Халхи] оказывают ей внешне большие знаки уважения, но в душе мало религиозны.

Различия между родами (*ясун омок*) Джунгарии следующие: род *Чорос* ниспослан небесным гением-хранителем. Роду *Хошут* за то, что ему приснился вещий сон, было пожаловано ханское достоинство. Род *Торгут* восходит к Чжу Адише. Род *Хойт* за то, что [их предки] прожили до старости у трех поколений великих нойонов, после их смерти он был произведен в нойоны белого знамени. [Роды] *Джирад*, *Шарасу*, *Махас* — с ними семь родов (*омок*) княжеских и 72 рода простолюдинов (*албату*). То, что составляет сорок великих хошунов, четыре [подразделения] ойратов, — это: Хошутский Цецен-хан — пять хошунов; Торгутский малый хунтайджи — пять хошунов. Эти десять хошунов [они составляют] одно [подразделение] ойратов. Хойтский великий хунтайджи — пять хошунов; Джирадский малый хунтайджи — пять хошунов. Эти десять хошунов [составляют] одно [подразделение] ойратов. Эти два [подразделения] ойратов составили правое крыло. Двое Чоросских хунтайджи, великий

и малый, — 10 хошунов, [составляют] одно [подразделение] ойратов¹. В то время, когда эти десять хошунов составили левое крыло (*зүүн гар*), многие ойратские большие и малые князья договорились отдать в большие послушники (*банди*) каждый по одному своему сыну. Те приняли посвящение [в монашеский сан] от Манджушри-хутугту.

Из них один ученик отправился учиться в монастырь Галдан в Лхасе, постиг учение Будды и, став мудрым *рабджамбой*, жил на положении ламы в двух монастырях. Когда тибетские духовные лица стали совещаться и говорить: «Давайте оставим его ламой в Тибете», то трое святых [высших иерархов], предсказывая, объявили, чтобы он вернулся и распространял веру среди монголов и ойратов. По этому их повелению с тех пор, как он приехал обратно, он стал распространять веру среди дурбэн-ойратов и перевел много книг. Зимой 10-го года мыши стихии огня в начале 11-го шестидесятилетнего цикла (1636 г. – В. С.) Баатур-хунтайджи и Аблай-хунтайджи оба зимовали вместе на реке Чу. Когда они принимали у себя монаха, мудрого рабджамбу его святейшество Зая-пандиту, то он там создал «ясное письмо», перевел «Пачой» («Книга отца»), «Бучой» («Книга сына») и много других книг, составил пространные благопожелания по случаю праздника Цаган сар и, смягчая неопытные исстрадавшиеся души и приобщая их к побегам святости, во множестве сеял семена десяти белых добродетелей. То, что прежнее государство дурбэн-ойратов укрепилось, [есть результат] того, что монах мудрый рабджамба Зая-пандита, постигнув учение [Будды], приобщил их к вере, и они, обогатившись скотом и имуществом, стали жить в благоденствии.

Если кто хочет увидеть, по какой причине они, начиная с одиннадцатого шестидесятилетнего цикла, тронулись и рассеялись, и постичь смысл высказываний: «Хоть и говорят, что

---

¹ В списке *A* в отличие от списка *B* пропущено несколько строк. Приводим их: «Шарасские великие ханы и тайджи – 5 хошунов, Махасские малые ханы и тайджи – 5 хошунов. Эти 10 хошунов [составляют] одно [подразделение] ойратов».

мелкий и частый дождь будет идти все время, но небо [рано или поздно] восторжествует» и т. д., то пусть посмотрит историю, именуемую «Свет луны» (*Saran Gerel*). Затем также о том, как начиная с года зайца стихии огня (1627 г. – В. С.) в начале пятнадцатого шестидесятилетнего цикла претерпел перерождение 81 мудрец и каким образом были собраны и умиротворены дурбэн-ойраты левого крыла (*зүйн гар дөрбөн ойрад*) в [местностях] *Юлдуз, Текес* и на *Алмае*, пусть смотрит «Большую пространную историю» (*Yeke delger tiiike*). Если кто хочет услышать прекрасные рассказы о Будде, пусть смотрит «Историю о 72 старших сыновьях», именуемую «Великое море притч» (*Yeke üligeriyin dalai kemekü dalan хойор хан көбүүни туuji*). Если кто хочет увидеть происхождение основных и побочных родов многих ханов вселенной, пусть проверит наличие и посмотрит «Двенадцать [состояний] совершенства августейшего Бэгэрмиджид-хана» (*Boḡdo begermijid хан-ну арбан хойор боди*).

Из-за этого во время одиннадцатого шестидесятилетнего цикла в 35-й год коровы стихии железа (1661 г. – В. С.), бежав от пыли, поднятой пестрым кабаном, один хошун, состоявший из ойратов и чоросов, целиком откочевал в Россию и вступил в подданство белого хана (т. е. русского царя. – В. С.). Затем, когда повинности увеличились, они бежали и из-за того, что обитали на острове Синего моря, сюда не прибыли. Говорят, что наилучшее для них время было в течение пятнадцатого [60-летнего цикла], началом обычно называют девятый год свиньи стихии дерева (1675 г. – В. С.).

После того родился от брака дочери Чоросского хунтайджи Цэван-Рабдана Ботулак с Хошутским хунтайджи Галдан-Данджином мальчик — это Шагдар-тайджи. Затем, когда она была в положении, великое государство разрушилось, и тот Галдан-Данджин погиб. Тогда Ботулак вернулась обратно, от ее брака с хойтским Бииджинг Хошуучи там родился мальчик, который в одной руке сжимал черный камень, а в другой руке — черный сгусток. Когда тому мальчику исполнилось три года, его мать с

богатыми подарками приехала в кочевья к своим родственникам. При пожаловании мальчику перьев на шапку его дед по матери (*наһц эцк*), сказав: «Душа [его] будет спокойна и пусть он будет [зваться] Амурсаной (*букв. «спокойная душа» – В. С.*) и будет перерожденцем Махакалы, едущего верхом на Марал Баш», присвоил ему это имя. Он пожаловал ему в личную собственность много людей и скота. Впоследствии, когда Амурсана в 19-м году [правления] *Тэнггэр тэдкэгсэн* (монг. *Тэнгриийин тэдхүгсэн*, кит. *Цяньлун – 1754 г. – В. С.*) откочевал из Джунгарии и прибыл, чтобы принять [цинское] подданство, он получил достоинство *чинвана*. В 20-м году (1755 г. – *В. С.*), с того времени как Амурсана стал помощником командующего левого крыла в императорской армии, предназначенного для поимки Даваца, Оо-джанджун оговаривал его в своих докладах трону. Тогда Амурсана, обратившись в бегство, поклялся, что через 120 лет вернется и отомстит и что соберет вместе своих дурбэн-ойратов. Он прибыл в Россию и стал жить по мирскому закону с Белой ханшей. По прошествии одного года, когда у Белой ханши родился мальчик, Амурсана присвоил ему имя Төмөр-сана. Проведав о том, что русские люди стали там несправедливо на него наговаривать, он, взяв своего сына, хотел удалиться. Когда Белая ханша сказала: «У меня есть жители пяти провинций, которые кочуют на островах Великого океана. Повелевай ими!» и послала его [туда], то Амурсана, приобретя себе подданный нутуг из людей, изгнанных волею судеб, затерявшихся и рассеявшихся волею обстоятельств, стал править ими и зажил в благоденствии.

Пока из-за него императорская армия занимала (*букв. «покрывала».* – *В. С.*) здешнюю территорию на реке Иртыш, войско Даваца заняло возвышенность *Хо-нохай-ийн шил* (*букв. «возвышенность светло-желтой собаки».* – *В. С.*). Пока хан собирался дать сражение, его воины перестали ему подчиняться. Когда Саруул-джанджин [внезапно] прорвался, то Даваца, оставшись в меньшинстве, стал сокрушаться, говоря: «Эти мои сотоварищи покинули меня, оставив одного. Потом они сами, прежде рас-

сорившись [друг с другом], рассеются». Прокляв [их таким образом], он отправился в путь, но был схвачен. Ранее двенадцать ойратских тайджи совещались о том, чтобы бежать [вместе]. В то время Церен Убаши, дав клятву при пустой ладанке, затем отделился от своих братьев и поклялся, что раньше убежит один.

Наш храм был основан в году зайца (1747 г. – В. С.) и торжественно отметил малый круг (*бага мөчлөг*) 120-го года зайца. Затем в 15-м шестидесятилетнем цикле в 48-м году дерева-тигра (1774 г. – В. С.) [он] вернется на старую родину на Алтае и установит мир.

Так вкратце было. Было проповедано, что остатки ойратской державы будут бедствовать и на западе, и на востоке (*букв.* «с запада на восток». – В. С.). По соизволению Будды и по повелению Хормусты после Гэсэра, когда минуло 500 лет, переродился владыка Чингис (*Чингис богд*) для того, чтобы водворить мир во вселенной. Завоевав весь мир и главенствуя [в нем], как говорят, Чингис основал город Пекин (*Бээжин хот*) и сделал его столицей (*букв.* «установил [в нем] великий престол». – В. С.). Будучи [еще] в молодом возрасте (*бага сүүдэртэй*), он [был] вознесен на Небо. В течение 81 года, когда находились в подчинении у его потомков, от Халхи на ханском троне в то время пребывали 10 ханов, между ойратами и халха[-монголами] царило согласие, и они ездили туда и сюда. Прежде, до того как некоторое время спустя между ними возникли распри, ойратский Цэцэн-хан завоевал Тибет и совершил великие дела. После этого халхаские мудрецы поинтересовались и, выяснив, доложили, что хошутский Нагчибуга, по-видимому, внук в 25-м поколении Хабуту-Хасара. Он отделился от князей и ханов цохоров (искаженное от *чахаров*. – В. С.). О том, являются или нет торгутские тайджи (?) потомками Хабуту-Хасара, [говорится] в «Жизнеописании Чингиса» (*Чингисийн намтар*).

Когда премудрый Панчен[-лама] и Далай-лама повелели, чтобы ойратское войско прибыло [в Тибет] и разрушило до основания (*букв.* «вырвало с корнем». – В. С.) монастыри крас-

ношапочной веры, то ойраты с большим войском направились в Тибет и завоевали его. Затем, когда Большой Церен-Дондук с войском отправился в Тибет и завоевал его, то он был проклят. Пятеро сыновей Церен-Дондука уничтожили друг друга, и ойратская держава (*йэкэ нутуг*) разрушилась.

На занимавшего престол [джунгарского] хана [Цэван-Дорджи Намджала] ходил войной Лхаму Эрдэни. На Лхаму Эрдэни ходил войной Дабачи. На Дабачи же ходил войной маньчжурский император и принял его под свою власть. Прежде, когда при дворе [джунгарского] хана работали пятьсот мастеров-ремесленников, [некто] Мёкүши изготовил оружие из черной (вороненой) стали. Узнав [об этом], хан разгневался, стол из сандалового дерева раздробил ему обе лопатки. Побрызгав водой на раскаленный докрасна кинжал, [хан] выколол ему оба глаза, а его матери засунул в лоно горячий кинжал. Мать и сын были сброшены по частям в глубокий овраг. Тогда по всей стране ойраты их жалели, [а] лекари и костоправы тайком отправились [к ним]. Когда они выздоровели, то бежали, взяв с собой всех лучших мужей. Добравшись до середины Русского государства и до окраины Турции, они стали кочевать между [этими] двумя странами. Тогда Россия три раза вела с ними войну и, потерпев поражение, отправила посла с грамотой к турецкому хану (султану. – *В. С.*). Узнав о том, что турки напоили вином тысячу слонов и пустили их ночью [на ойратов], те разожгли перед ними (слонами. – *В. С.*) множество костров. Слоны, увидев огонь, повернули обратно и разрушили одну часть территории Турции. Тогда оба великих государства, Турция и Россия, испугались и перестали [вести войну против ойратов]. [Теперь] государство *Мёкүши* кочует и обитает там.

Старший сын баитского Цэрэнг Мёнгкэ Чимэг был хорошим стрелком из лука и скончался [он] при дворе хана Дабачи. Тогда оба его сына были в малолетнем возрасте. Узнавшему об этом (т. е. о смерти сына. – *В. С.*) его отцу отправился на аудиенцию к хану, взяв с собой Батумёнгкэ. Когда хан пожаловал ему сква-

шенное молоко-айрак в бурдюке Чингис-хана, то Батумӧнгкэ поднял бурдюк с айраком, сшитый из двух воловьих шкур, и вынес его из ханской юрты, унины (жерди для поддержания верхнего круга юрты. – В. С.) которой были изготовлены из четырех надставленных молодых побегов дерева. [При этом] подметки его новых юфтяных сапог вывернулись [наизнанку] и за то (за этот подвиг. – В. С.) его прославляли по всей стране. Там-то и познакомились друг с другом Амурсана и Батумӧнгкэ. Цэрэнг Мӧнгкэ вернулся обратно, взяв своих внуков – восьмилетнего Цэбэка и семилетнего Бабула.

Затем, когда Амурсана принял подданство маньчжурского императора и ему было пожаловано достоинство *чин-вана*, он в своем доме держал в слугах двух пленных, захваченных у казахов, и заставлял их пасти свой табун. [Их звали] Ӧджи и Монгол, они бежали, угнав весь его табун во главе с конем Марал-Баш, на котором ездил Амурсана. Тогда Амурсана отправил к Батумӧнгкэ [своего человека], чтобы тот рассказал ему о его (Амурсаны. – В. С.) положении и передал его слова: «Дай мне для верховой езды доброго коня!». Батумӧнгкэ отправил к нему восемь сивых кобыл-четырёхлеток, а [Амурсана] прислал ему в дар три [вещи]: меткое ружье (*хавсарга буу*), панцирь и путы. На следующий год он вместе с шестью дружинниками-нукерами, сам седьмым, находясь в путы, задержался на несколько суток, чтобы дать отдохнуть верховым лошадям и людям в казахском ауле в [местности] *Экэн-шили* на [реке] *Бүргүтэ*. Когда Саруул-джанджун с тысячью воинов дошел до узкого места в русле [реки] *Бүргүтэ* и расположился [там] лагерем, то той же ночью [Амурсана] посредством заговора вызвал ненастную погоду. Выпал обильный снег с дождем и завалил всю тысячу воинов. Так как сам Саруул-джанджун был колдуном, то он [сумел] выбраться [оттуда] живым вместе с пятью товарищами. Когда он доложил [о происшедшем императору], то на [реку] *Бүргүтэ* было наложено заклятие. Деревья и травы посохли и попадали налево и направо, вода иссякла, травы и деревья перестали расти.

Увидев пыль, поднятую прибывшими в [местность] *Шилийн Боро Худжирту* большим верблюжьим караваном, Амурсана пришел в замешательство и бежал на оседланной лошади [какого-то] казаха. И рассказывают, что якобы потом, до того, как Амурсана прибудет [обратно], в реке *Бүргүтэ* [снова] потечет вода и будет расти молодая трава и деревья, и по этим приметам можно будет узнать о его прибытии. [Каждый раз] в течение четырех лет взнузданная и саврасая лошадь, волоча за собой поводья и чембур, придет с северной стороны, перейдет через перевал на [реке] *Бүргүтэ*, обойдет прежнюю страну ойратов и, показавшись людям то здесь, то там, уйдет, не дав себя поймать. По этим двум приметам отделившиеся от ойратов пусть видят и знают, прибудет или нет Амурсана.

Повеление верховного тэнгрия Хормусты, середина первоначального времени. Когда были средние и малые ханы, которых в четырех сторонах света с алмазного трона возглавляли по девять великих ханов, то было [одно] древнее поколение, которое называлось *Большими дурбэн-ойратами* (т. е. «Четырмя ойратами». – В. С.). Из них одним [ойратом] были семь хошунов, четыре аймака Халхи, южно[монгольских] сорок девять [аймаков]. Еще одним [ойратом] были поколения нынешнего туркестанца (*хотон*) Джангара — это Йэкэ Хотон, турфанцы (*турма*), казахи. Еще одним [ойратом] были те, кто жил на правом фланге в большой стране *Зулийид*. [Злой дух] Шара Шулму прибыл [к ним] на семи соловых лошадях и повел [их] за собой. Они попали в океан [и пропали]. Еще одним [ойратом] были джунгары, дэрбэты, торгуты, хошуты, Кукунор, Алашань (*алиша*), киргизы, хойты, күрүты, чахары, урянхаи. Когда эти Большие дурбэн-ойраты рассорились и рассеялись [в разные стороны], оставшаяся одна [часть] их сказала: «Негоже нам потерять прежнее место [обитания]», и затем [они] снова сделались дурбэн-ойратами. В тот период, в то время трон пяти Манджуши сам собой сотворился в стране черных китайцев, Великая Китайская стена также сама воздвиглась. В стране Китай перерожденец пяти Манджуши,

завоевав эти страны, воцарился на том троне как великий хан, известный под именем Манджин-хан (маньчжурский хан. – В. С.).

Во время правления императора Эльбек Нигүсүлэгчи (*кит.* Сяньфэн. – В. С.) эти страны сделались мирными. Во время правления императора Эйэ-бэр засагчи (*кит.* Шуньчжи, 1644–1661 гг. – В. С.) управление государством стало спокойным и устойчивым. Во время правления императора Төб Найралту (правильно *Найралту Төб*, *кит.* Юнчжэн, 1723–1735 гг. – В. С.) светская власть и религия распространились повсеместно (*букв.* «плотно, густо». – В. С.). Во время правления императора Энхэ Амугулана (*кит.* Канси, 1662–1722 гг. – В. С.) все люди зажили счастливо. Во время правления императора Тэнгри тэткүгчи (*монг.* Тэнгрийн тэтгэсэн, *кит.* Цяньлун, 1736–1795 гг. – В. С.) джунгары объединились вместе, светская власть сделалась устойчивой, религия распространилась.

Одним из тех, кого называют дурбэн-ойратами (*букв.* «четырьмя ойратами». – В. С.) Джунгарии, являются подданные анги джунгарского хана и старших князей, многие большие отоки одного единственного древа: Бурийад, Залайд, Шарас, Галзад, Урад. [Вторым подразделением дурбэн-ойратов] являются четыре рода (*омок*) хошутов: Йэкэ Мингган, Алаг Гулза, Өлө Түмэн, Цаган туг, [а] кроме того, күрүты, зултусы, бөгөнүты, эзэнэты, кётчинеры, турфанцы. [Третьим подразделением дурбэн-ойратов] являются Западные дэрбэты, Большие дэрбэты, Малые дэрбэты, Хангал Керес, Байизуури Галзана Дорджи, өлөты, урянхай, Алтан-нурские захачины, буучины, Хасаг Шара, Дугарзайсанг. [Четвертым подразделением дурбэн-ойратов] являются хошуты, торгуты, оток баргутов и оток тугчинов.

Во время правления императора Энхэ Амугулана из ойратов четырех подразделений [имелось] в Кукуноре тридцать три *засака*. Затем потомки Рабдан-вана Чагдарджал-бэйсэ и Эрдэни-бэйсэ [и] өлөты, кочевавшие в Кобдо, отделились [и имели] в аймаке Засагту-хана два *засака*. До этого они обитали в Алашани. Перед тем Галдама подчинил своей власти

хотонов (уйгуров-мусульман Восточного Туркестана. – В. С.). Затем Батур Шуну подчинил своей власти киргизов (*буруд*). Во время правления императора Тоб Найралту из-за сумятицы, вызванной [военными действиями Галдана] Бошогту, прибыли восемь сомонов чахаров и приняли [цинское подданство] на территории маньчжуров. Отколовшись от джунгаров, [подданство] этого хана, кроме его 49 [аймаков], приняло также [племя] дөрбөн-күүкэд. Во главе с восточными дэрбэтами оно покинуло родину (*йэкэ нутуз*) и вторглось в Тибет.

В то время когда джунгарское государство [еще] пребывало в мире, джунгары узнали о том, что казахский хан Аблай собрал войско и вторгся, и выслали ему навстречу войска. Пока казахи кочевали на берегу реки Мориту-гол, [джунгары] с наступлением ночи угнали у них коней. Они срубили деревья [растущие на берегу реки] Мориту-гол, связали [из них] плоты (*букв. «связки, пучки».* – В. С.) и, толкая [эти плоты] как навес-прикрытие (*сег тўлкўн*), достигли [берега, где расположились на ночлег казахи]. Когда джунгары стали сражаться с казахами, то [положение последних] ухудшилось и, дойдя до крайности, они отправили одного знатного человека [к джунгарам], чтобы передать следующее: «Отныне и впредь мы станем вашими подданными. Будем находиться в вашей власти. Это [говорю] я, казахский хан Аблай». После того как [того человека] принял джунгарский хан, ему было приказано отправиться обратно, доставить [своему] хану одну пестро-буланую кобылу, ведя ее за собой в поводу. Когда Аблай-хан в сопровождении многочисленных своих сановников прибыл верхом на пестрой кобыле, то [джунгары] отделили и отдали всех [прежде угнанных] коней, [а] Аблая доставили на аудиенцию к [джунгарскому] хану. Он заключил мир и вернулся домой.

Когда перед этим русские заслали в Джунгарию деревянный летательный аппарат (*модон гаруди*) и случилась война, то джунгары выстрелом из лука вдребезги разнесли механизм этого аппарата и, сбив русских, одолели их.

Джунгары прославились своей воинственностью. После того как миновало время Галдана, гадатели-предсказатели будущего стали изучать [судьбы разных] государств и сказали: «Джунгарское государство никто не сможет разрушить извне. Когда же придет его время, то оно разрушится изнутри». После этого во время [правления] хунтайджи [Цэван-Рабдана] у князя Хабтана в дацане [отока] *Йэкэ Мингган* четверо здоровых (букв. «отборных». – В. С.) мужчин еле-еле поднимали и ставили на подставку большой котел для варки чая. [Однако] тот котел один поднимал и ставил на подставку какой-то девятнадцатилетний ойратский юноша. Когда об этом доложили хану, то хан стал держать этого юношу при себе. Послы маньчжурского хана привезли джунгарскому хану царские подарки вместе с луком, натянуть который вместе могли 15 человек и вручили ему [его] во время приема. Хан приказал тому юноше, который поддерживал огонь в очаге: «Принеси-ка сюда этот лук и, если сможешь, попытайся его натянуть. Юноша с поклоном взял тот лук, стал его натягивать и [лук] переломился напополам. Хан заметил, что у юноши [от напряжения] оба глаза сдвинулись [с орбит], и протянул ему благословленный платок [со словами]: «Вытри пот!». Юноша взял [платок] и, сделав вид, что вытирает [им] пот, прижал [его] к глазам. Глаза [у него] встали на место. [Тогда] хан изрек: «Этот лук уже ни на что не годится». Послы изумились, испугались и пришли в смущение. Они возвратились домой и доложили [маньчжурскому] хану: «Лук, привезенный в подарок, сломал с первого раза юноша, который сидел и поддерживал огонь в очаге. Мальчики, [встречавшиеся] по дороге, все играют в альчики. К ним ничто не может приблизиться, их держава крепка».

Неистово норовистый черный верблюд ловил всех, кто попадался ему на глаза. Тот юноша не смог пасти [этого] ханского неприкосновенного верблюда и, отделив его [от стада] вместе с верблюдицей, оставил [в местности] *Делденгийн Гоби*. В то время он услышал, что казахский силач Хара Бодонг (букв. «черный

вепрь». – В. С.) говорит: «Есть ли или нет у дурбэн-ойратов силач, способный бороться со мной?». Юноша-силач доложил хану: «Я под видом простолодина отправлюсь-ка [к казахам] и поборюсь с ним». Сказав так, он перекинул через плечо веревку [изготовленную] из кожи с шеи оленя и в последнем зимнем месяце бегом отправился в путь. Когда его, расспрашивая [о том о сем], спросили: «Здорово ли живешь после прибытия?», то он не издал ни звука. От того произошла ссора и, начав бороться, он крепко связал Хара Бодонга, вынес его [с места, где боролись] и подвесил на дереве *сур модон*. Когда набежали все многочисленные родственники [Хара Бодонга] и стали с ним сражаться, то он их всех связал. Тогда прибежали все девушки и замужние женщины, дали ему выкуп и уговорили [всех] развязать. Когда [казахи] познакомились с ним, устроили пир [в его честь] и сказали [ему]: «Давай-ка мы преподнесем тебе подарки и будем сопровождать тебя [до дома]», то он уехал обратно [один] без сопровождения. По дороге он увидел, как приближается неприкосновенный черный верблюд, который [издали] казался размером с наперсток. Когда верблюд подошел к нему, [юноша-силач] взявшись за подбородок и оба уха, порвал ему пасть и воткнул его мордой (*букв.* «подбородком». – В. С.) в снег. Связав верблюда, он взвалил его [на себя] и вернулся домой. Когда хану доложили [об этом], то он в награду за то, что тот прибыл [живым и невредимым], не дав себя убить верблюду, пожаловал ему холощеного верблюда и материю на три халата. По пути этот юноша, [сын] старухи, удостоился почетного прозвища «Черный силач-верблюд», [а] на большом празднике дурбэн-ойратов, не участвуя в состязаниях, получил [почетную] награду.

Когда Далай-лама в личном послании сообщил [дурбэн-ойратам] о том, что высокомерие жрецов красной (красношапочной. – В. С.) веры возросло, и они, чиня помехи, угнетают желто[шапочную] веру, то [против них] в поход был отправлен под началом Большого Цэрэн-Дондука один тумэн (10 тысяч. – В. С.) войск вместе с умеющим менять свое обличье

Дугар-зайсангом и многочисленными пушкарями с большим запасом пороха. Перебрав всевозможные уловки хитроумного Дугар-зайсанга, с помощью пороха и пушкарей они разгромили лам-красношапочников. [Один] лама красношапочной веры с семью шанггасаба (знатоками тарни. – В. С.) избежал пленения, спавшись бегством. Некоторые ламы, обладавшие колдовскими способностями, также не попали в плен и бежали. Войско возвратилось на родину. Семеро шанггасаба [чтобы наложить заклятие на дурбэн-ойратов] сели на берегу моря, погрузившись в глубокую медитацию. Когда миновали 21 сутки, море высохло. Лама красношапочной школы, прибыв [сюда], приостановил [их сеанс медитации], сказав: «Это более чем достаточно». Затем он, призвав к себе одного ламу, объявил: «Мы еще отплатим [им] за [это] множество мешков с порохом и за [это] множество пушкарей. Прощай». И исчез.

После того как вернулось войско, [из-за заклятия, наложенного] ламами красношапочной секты [в Халху] были посланы три тумэна (30 тысяч. – В. С.) войск с тем, чтобы пригласить [к ойратам] святейшего ламу и совершить жертвоприношение. Войско, правым флангом которого командовал Дамбадорджи, левым флангом — Дамбаджа, а центром — Малый Цэрэн-Дондук, спешно двинулось в путь. Главное войско раньше прибыло в *Эрдэни Дзу* и разграбило его. Когда [ойратский воин] стал колотить копьём драгоценность на голове [статуи] Будды, то [статуя] Гомбо Гур-бурхана заговорила громовым голосом (*букв.* «голосом дракона». – В. С.) и зевнула. [Ойратские] воины испугались и, обратившись в бегство, утонули в реке Орхон. Услышав об этом, войско правого фланга повернуло обратно. Когда Батур-джанджун выступил им навстречу с войском в [местность] *Усун-зүйл*, [командовавший] войском правого фланга Дамбаджа (правильно Дамбадорджи, см. выше. – В. С.) нойон со своими воинами разгромил это войско в [местности] *Керсенг-чулуун*. Войско левого фланга вернулось мирно (т. е. оно не участвовало в боевых действиях. – В. С.) домой. Войско правого фланга захватило в

Халхе большую добычу. Уводя с собой шабинеров и знатных лам, оно вернулось домой. Небольшие остатки главного войска [также] вернулись домой. Из-за того, что [маньчжурское] войско потерпело поражение, [маньчжурский император] наложил заклятие на [местность] *Керсенг-чулуун* [сроком] на три года. На праздничной церемонии по случаю гибели [ойратского] войска в реке Орхон, этой реке было пожаловано звание *тушээ-гуна*.

Сановники высокого ранга, доставившие джунгарскому хану подарки от маньчжурского императора по повелению августейшего императора, прибыли и были приняты [джунгарским ханом] вместе с принцем пятого ранга. Принц этот сел в самом конце. Вручив подарки, они сказали: «Наш августейший император велел попросить у здешнего великого хана три вещи и передать, что от нас нужно, мы вам без сожаления подарим». Когда [джунгарский хан] спросил: «Что это за три вещи, нужные от меня вашему императору?», то они ответили: «Пожалуйте нам одно из трех: [гору] Богдо-ула, реку Боротала или Сандаг-зайсанга». Хан сказал: «Ответ будет дан [позднее]» и отпустил [с аудиенции послов]. Сандаг-зайсанг доложил [джунгарскому хану]: «В прежние времена прорицатели говорили хану, что нельзя [ничего отдавать], [ибо] если вода в реке Боротала потечет вспять и пресечется род Бохолдай-зайсанга, то погибнет [ойратское] государство и погибнет [ойратский] хан. Нельзя отдавать ни [гору] Богдо-ула, ни реку Боротала. Отдайте [лучше] меня, потомка Бохолдая, я исхитрюсь и убегу [от них]». Хан ответил: «С тобой нельзя расстаться ни на миг. Если отдать [им] реку (*букв.* «воду». – В. С.), то они непременно проруют обводной канал и отведут ее [к себе]. [Но] как они [заберут] [гору] Богдо[-ула], отдам-ка я [ее]». [Санданг-зайсанг] сказал: «Так пожелал маньчжурский император. Тем не менее что вы думаете о том молодом человеке с нежно-белой кожей, сидевшем с краю от тех послов? Все сановники[-послы], когда держат речь, все время смотрят на него. Он среди них самый главный (*букв.* «в нем вся суть». – В. С.). Скажите, что вы возьмете

его в обмен [на гору]. Если сделаете так, они не смогут [вам его] отдать. [Тогда] вы скажете им: «А как же быть с [нашей] договоренностью о том, что мы без сожаления отдадим друг другу все, что ни попросим друг у друга (букв. «все, в чем есть нужда». – В. С.). С какими глазами (букв. «лицом». – В. С.) возьмут они [у нас] гору и воду (т. е. постесняются взять у нас гору Богдо-ула и реку Боротала. – В. С.)». На что [ойратский] хан ответил: «Что мы будем делать с тем парнем? Пусть они сами разбираются с горой» и повелел послам взять гору. Те послы на обратном пути увидели мальчиков, игравших в альчики, и, вернувшись домой, доложили своему августейшему императору [следующее]: «Они (ойраты. – В. С.) отдали [гору] Богдо-ула. Их дети играют в альчики. Гибель их государства приближается». Тут [маньчжуры] снарядили войско под командованием пяти старших командиров. Оно отправилось туда, взяв с собой тысячу простых арб (*хасаг тэргэ*), срезало верхушку средней горы, начерпало воды из [реки] Боротала и вернулось домой. Вместе с послами, отправленными [к ойратам] для вручения подарков на торжествах [по случаю] принятия [горы] Богдо-ула, были [посланы] и мудрые прорицатели, способные провидеть [судьбу] государства. Когда они стали изучать [предзнаменования], то определили, что хану суждено править [ойратским] государством в течение шестидесяти лет, но они не могли узнать, где же находится ханское счастье. Во время изучения [предзнаменований] хан зевнул. Они, увидев, что у основания его языка имеется маленькая бородавка, сделали [следующее] предсказание: «Неиссякаемое счастье находится [у хана] в глотке. При жизни хана [ойратское] государство будет [стоять] непоколебимо», и вернулись домой. Прошло несколько лет и, когда Сандаг-зайсанг состарился и [пришло] ему время умирать, хан прислал [к нему] человека. Когда [этот человек] сказал: «Дай свой [предсмертный] наказ», то [Сандаг-зайсанг] ответил: «Если словом Сандага при его жизни пренебрегали, то какое может быть слово у мертвого Сандага?».

В то время Санджаб, сын торгутского хана Аюки, был зятем джунгарского хана. Когда Санджаб в среднем зимнем месяце, вызвав [посредством колдовства] выпадение снега, который доходил до хвоста верблюда, прибыл [в Джунгарию] с многочисленным войском, то хошутский гелюнг растопил этот снег. [Джунгарский хан] схватил самого Санджаба и отправил его к отцу. Так как [Санджаб] прибыл с намерением захватить ханский трон [Джунгарии], то всех его воинов [у него] отобрали, а его одного выдали [торгутскому] хану.

Правитель первых торгутов Джангар, правитель хошуты Галдама, затем Көндөлөн Дүүргэчи, правитель хойтов Йобогон Мэргэн, после него Омба Дайчинг-хошуучи, күрүтский нойон Кирис Мэргэн-бодонг, хойтский нойон Дабачи, киргизский нойон Бам-хашха, кашгарский Аба Шукур — все они называются джунгарскими дурбэн-ойратами. Потомок луса небесного происхождения Бида-хан [происходит из] рода *Чорос*. Он прославился как джунгарский хан.

Сейчас хунтайджи [Галдан-Цэрэн] скончался. Аджа-тайши занял ханский трон. Он сказал: «Узнаю-ка я, кто скорбит по моему отцу, а кто не скорбит» и стал сидеть ночью один в засаде (наблюдая за тем, кто же нарушает объявленный траур. – В. С.). Желтая собака, встретившись, залаяла. Молодухи и девушки стали играть в карты. Тогда он стал убивать желтых собак, какую он увидит, штрафовать всех молодых и девушек.

Услышав об этом, Амурсана и Дабачи посовещались друг с другом, бесшумно прибыли [в ставку Аджа-хана], внезапно [напали и] схватили его. Они раскалили на огне кетмень, побрызгали [на него] водой, лишили зрения Аджа-хана и держали его в заточении в Кашгарии. Они также схватили Мөкүши, надели на него черную бурку и выдали киргизам. Дэрбэты, спасаясь от смуты, вызванной [прибытием] Санджаба, откочевали с Волги, Зайра, Или и Текеса и прибыли в *Хобог-Сайыр*. В то время дэрбэтский Даши-нойон, услышав подробные данные о [действиях] Амурсаны и Дабачи, отправил Салба Дорджи [к Лхаме Эрдэни]

и сообщил [ему о них]. Пока [Лхама Эрдэни] собирал войско и готовился схватить Дабачи и Амарсану, те со многими своими дружинниками-нукерами бежали и ушли [от погони], пройдя через [владения] казахов. Нойон Шагдар Манджи преследовал их сколько мог и вернулся домой. Дэрбэты, откочевав прочь и от этой смуты, прибыли и стали кочевать на Алтае. Лхама Эрдэни занял ханский трон.

Давац и Амурсана со своими людьми три года откармливали своих коней и, примкнув к казахам, приводили в порядок свое оружие. Когда они стали возвращаться домой, то [увидели, что] на дороге лежит альчик, побелевший от времени и высохший на солнце и ветру. Кто-то из них с помощью тетивы из лука, сидя на лошади, подобрал с земли [этот альчик] и на скаку, прошептал заклинание, метнул его на передней луке седла. [Альчик] подожал и лег бугорком вверх. «Дело выгорит!» — сказали [Давац и Амурсана] и, договорившись, что будут попеременно занимать ханский трон и управлять государством, быстро поехали [вперед]. Прибыв [в ставку Лхама Эрдэни], они остановились перед дверью Шагдара Манджи и позвали его, а когда он вышел, то зарубили [его]. Лхама Эрдэни всячески отбивался [и молил о пощаде], но [Давац и Амурсана] не вняли [его мольбам] и убили его. Многочисленные дружинники-нукеры [хана] придерживались [нейтралитета] (т. е. не выступили на защиту хана и не оказали сопротивления его убийцам. — В. С.). Давац овладел [ойратским] государством и занял ханский трон. Амурсана сделался [при нем] временно сановником.

Хошуты и торгуты отнеслись [к ним] неодобрительно и держались [от них] в стороне. Большие дэрбэты откочевали в Россию. Давац-хан приказал изготовить пятьсот отличных пушек, ружей и шлемов с бляхой в виде полумесяца. По прошествии десяти лет, в течение которых [Амурсана] укреплял [ойратское] государство и был его [надежной] опорой, он предложил своему хану: «Мы [ведь] вначале договорились попеременно занимать ханский трон. Теперь наступило мое время быть

ханом». Хан ответил: «Давай-ка я посижу [на ханском троне еще] три года». Под тем предлогом, что он решил собрать [всех] внуков Даши-нойона, хан пригласил к себе [и его самого]. [Когда] Даши-нойон прибыл, хан, питая ненависть к Даши-нойону, приказал убить его. Дэрбэты также отделились [от ойратского государства]. Ханский трон бесценно находился [в руках Даваци]. Из-за того что Амурсана стал бороться за овладение тронem, произошла война. От хана [к дэрбэтам] поступил приказ выставить войско на войну. Дэрбэты собрали съезд-чуулган. Некоторые [из них] предлагали отправить войско на войну. Баитский нойон Абу сказал: «Именно по этой причине давайте примем подданство маньчжурского императора». Все сказали: «Правильно», и [не останавливаясь] днем и ночью стали кочевать. Халха[-монголы] [в страхе] бежали и подались на юг. Улясутайский Оо-джанджун, услышав об этом, отправил посланца, [который] нагнал дэрбэтов на [реке] Туйн-гол и остановил [их]. Когда Оо-джанджун представил императору верноподданнический доклад [о дэрбэтах], то император повелел, чтобы сначала [к нему на аудиенцию] прибыли уртонным транспортом все их предводители, и те отправились в путь. Поскольку дэрбэтские люди не болели оспой (и, следовательно, не имели иммунитета к ней, то во избежание заражения оспой. – В. С.), августейший император пригласил их в свой [летний] загородный дворец, расположенный по ту сторону от Великой Китайской стены, и дал им аудиенцию. Он пожаловал им достоинства хана, ванов, бэйлэ, бэйсэ, гунов, дзасаков, тусалагчи, тайджи [вместе] с жалованием, а [их] лучшим людям из [числа] албату пожаловал должности *дзахиругчи* (управителей), *мэйрэнов* и *түшимэлов* вместе с шариками на головные уборы. Император причислил их к подданным вдовствующей императрицы с освобождением от податей и повелел называться «дэрбэтами, имеющими добрую судьбу». Все они, получив одежду, лошадей с седлами и уздечками, ружья, колчаны, перья [на головной убор], желтые полукафтаны и другие подарки, вернулись обратно.

[Под началом] Амурсаны и его зятя Нэмэкү-тайджи остались девять хошунов. Когда Даваца и Амурсана стали воевать друг с другом, они (т. е. эти девять хошунов. – В. С.), участвуя в боях, обнищали и, бежав вместе с Амурсаной [из Джунгарии], прибыли, чтобы принять [цинское подданство]. Представив верноподданнический доклад, они были приняты [императором]. [Император] присвоил Амурсане достоинство *хошой чин-вана*, Нэмэкү — достоинство *цзюнь-вана*, князьям девяти хошунов — титулы *бэйлэ*, *бэйсэ*, *гуна*, *дзасака*, всем чиновникам пожаловал шарикки [на головной убор] и повелел им отправиться и присоединиться к владениям (букв. «государству». – В. С.) дэрбэтского Төгүс [Күлүг] Далайн-хана. Амурсана доложил [императору]: «Позвольте мне ведать Северной стороной (т. е. управлять всей Джунгарией. – В. С.)». [Император] ответил: «Ты прежде схвати Даваца и доставь [его сюда], тогда я решу». Он присвоил ему чин, пожаловал [Амурсане] печать помощника командующего [и желтый полукафтан] и сказал: «Потом решу».

Остатки захачинов, буучинов, хойтов, [когда] они прибыли, то были приняты [императором]. Он присвоил захачинскому Мамуту достоинство *сула гуна*, а Дахамай Лубсангу – достоинство *ухэри да*. Сыну буучинского Оргод Зодбы [по имени] Сайн Хурим [император] отказался [присвоить титул], но он впоследствии лестью [добился того, что император] пожаловал ему [достоинство] *ухэри да*. Остаткам хойтов были пожалованы достоинства *гунов* и *дзасаков*, и им приказано было кочевать вместе с буучинами в *Кулунь-Буире* в ведении [властей] Черной реки — Хара-Мурэн (*кит.* Хэйлунцзян. – В. С.). Эти хойты впоследствии, когда они прибыли в Муран, были повышены в чине. Нэмэкү-ван прибыл и соединился со своими дэрбэтами. *Бэйлэ* Бату-Болод их девяти хошунов сказал: «Знаете ли вы о том, что к нам, отряду Дарба-дзанги, ни одно из [подразделений] императорской армии не приходило [воевать]. Я не стану откочевывать к много раз награжденным дэрбэтам». *Бэйлэ* Ган-Дорджи [ему] возразил: «Это немалое счастье [пользоваться милостью

императора]. [Если мы не откочуем], это будет непослушанием. Давай-ка откочуем [к дэрбэтам]». [Бэйлэ Бату-Болод] ответил: «Если ты хочешь откочевать, то откочевывай, а я не буду». Бэйлэ Ган-Дорджи откочевал, вслед за ним откочевал бэйсэ Эрдэни, и они присоединились к дэрбэтам.

Бэйлэ Бату-Болод, бэйсэ Бүтүсүн, бэйсэ Норон Йондон, гун Мёнгкэ Болод, дзасаки Буйан Тэгүс, Билиг Убаши — всемером (в действительности названы шестеро. – В. С.) изменили. Солон (представитель одного из маньчжурских племен. – В. С.) [у императора] испросил [разрешения] взять войско из Сорока девяти хошунов (т. е. из Южной, или Внутренней Монголии. – В. С.). [С этим войском] он настиг их, когда они, не ожидая опасности, двигались по эту сторону от [владений] казахов, и всех перебил. Забрав их скот, он по возвращении домой раздал [его] тумэтам. Печати [убитых ойратских предводителей] он вернул обратно [императору].

Дэрбэтам был пожалован [для кочевания] Улангом. В начале восемнадцатого года правления императора Тэнгри Тэдкүгчи (1753 г. – В. С.), в годы курицы и собаки (1753–1754 гг. – В. С.) они кочевали на Хангае. В год свињи (1757 г. – В. С.), когда *шидар-ван* [Цэнгунджав] обманом заставил откочевать халха[-монголов], то Оо-джанджун сказал, что нельзя воинственных дэрбэтов оставлять в стране Улангом, и объявил им: «Прибыл императорский указ. [В нем] говорится, чтобы вы отправлялись к себе на Алтай». Дэрбэты, обрадовавшись, стали кочевать [на Алтай] и днем и ночью. Когда они прибыли [туда], то оттого, что Алтай пребывал в скорби, [там] полностью высохла трава и иссякли [источники] воды. Все в тот год переживали большую бескормицу — *дзуд*. Когда они раньше кочевали, то духхранитель Алтая в образе молодого мужчины с румяным лицом и густыми черными усами прибыл на огненно-рыжей лошади на [реку] *Хубуйн-гол* и навестил людей, говоря: «[Здесь] было немного дэрбэтов. Появились ли они [снова]». Затем он удалился и исчез из виду. Оттуда к дэрбэтам отправился гонец и призвал их

спешно прибыть [на Алтай]. Именно в год мыши (1756 г. – В. С.), когда [эти] люди, прибыв, были вынуждены есть мясо собак, теряя сознание от голода, августейший император пожаловал каждому из них по одному мешку пшеницы и по одной овце.

[Приближенный хана] Лхама-Эрдэни туркестанец [по имени] Сарал бежал от власти Даваца и, прибыв в Улясутай, доложил [здешней] канцелярии: «Хан Даваца объединился с казахами. Оставив свой маленький нутуг-владение, я прибыл, чтобы сказать об этом». Оо-джанджун представил [верноподданнический] доклад и отправил [Сарала] [к императору]. Император пожаловал его в *амбани* и сказал [ему]: «Возьми под свое начало войско и отправляйся в погоню за Даваца», тогда Шэрэнг [и] торгуты также откочевали и направились к Большим торгутам (т. е. к волжским торгутам. – В. С.). Когда императору представили доклад [об этом], то он повелел войску отправиться в погоню [за ними]. Доставленные [обратно] ойратским войском подданные Беш Шагаса были все распределены по халхаским хошунам.

Торгута Шэрэнга преследовал *амбань* Танкалу с пятьюстами воинов зеленого знамени. Он добрался до границы [владений] казахов. Все торгуты поставили [свои] кибитки. Они сказали *амбаню* Танкалу: «Мы откочевали, чтобы преследовать и забрать [к себе] всех своих родственников. Сейчас мы отберем отсюда всадников и отправимся в погоню». *Амбань* обрадовался и сказал: «Верно!». Прельстившись [красотой] молодухек и девушек, он устроил для всех [своих] воинов большое празднество. [Торгуты] всех их напоили допьяна и перебили. Спасся бегством только один солон на белой лошади. Торгуты отправились кочевать дальше. Галзан Дорджи с двумя тысячами семей, Байзур (Балджур? – В. С.) с двумя тысячами семей, Хасаг Шара с одной тысячей, урат Бага Манджи и Дугар-зайсанг с тысячью семей [каждый] перевалили через покрытую льдом гору, прорубая [себе дорогу].

Прибывшим семи хошунам элётов и урянхайцев было пожаловано два достоинства — *сула амбань* и *мэйрэнү дзанги*, а также

четыре достоинства *ухэри да*. Им был пожалован [для кочевания] нутуг-владение на Алтае и с них стали брать ясак пушниной.

[После этого] подданные Нэмэкү-вана Бату Джиргал-захиругчи (управитель. – В. С.) и Цаганэджи Мэргэн рассорились со своим нойоном и отправили донос Оо-джанджуну. Они донесли, что Нэмэкү-ван собирается изменить, о чем [Оо-джанджун] доложил [императору]. В прибывшем [от императора] указе говорилось: «Пусть Далай-хан и *хошой чин-ван* узнают, где правда, а где ложь». Тогда [Оо-джанджун] выделил из канцелярии чиновника и послал его спросить у Далай-хана. [Далай]-хан ответил: «Я не знаю. Мой брат Цэрэн Убаши знает». Тогда взяли чиновника и послали [его] спросить у *вана*. Тот ответил: «Поскольку два *вана*, два больших тайджи, когда делили собственность (имущество), не достигли согласия, то я не знаю их мнения». [С этим] чиновник возвратился обратно. Тогда [Оо-джанджун] подал [императору] доклад [об этом]. Однако в пришедшем указе [императора] приказывалось схватить Нэмэкү и прислать его в Пекин. [На аудиенции] августейший император спросил: «Ты, Нэмэкү, почему вынашивал злые замыслы?» [Нэмэкү] ответил: «[Неужели вам] надоели слова моих подданных, что вы стали спрашивать у меня?». [Император] сказал: «Раз ты мне прекословишь, [стало быть] правда [то, что мне доложили]» и приказал казнить его. Бату Джиргала и Цаганэджи [император] произвел в *амбани* первого ранга и поселил в Пекине. Подвластных их людей [император] разделил и отдал под начало хану и *ванам*.

Сто семь тысяч семей торгутов и хошутов откочевали в Россию. Торгутский Шэрэнг-тайджи вместе с семьей хошунами и Беш Шагасом прибыл в *Кобдо*. Беш Шагас умер. Его албату откочевали обратно.

Для поимки Давацы в поход выступили 10500 воинов под командованием трех *джанджуней*: под командованием маньчжурского *джанджуна* [Банди] 3500 воинов из [племен] *Солон* и 49 (хошунов Внутренней Монголии. – В. С.); под командованием Саруул-джанджуна 3500 воинов [из Халхи];

под командованием Амурсаны 3500 воинов [из числа дэрбэтов, урянхайцев и захачинов] — [все] они выступили в поход под названием Баркульской армии. Когда они достигли [места назначения], им навстречу прибыл сын Бородай-зайсанга Ширтэнг и сказал: «Если Даваци-хана навестит прежде знавший его человек, то он сообщит ему (Даваци. — В. С.) о положении дел, каким бы оно и было. Не надо торопиться воевать». Дав зная об этом Амурсане, двое других *джанджунов* посоветовались друг с другом и отправили [к Даваци] буучи Абу[-нояня], который был фланговым командиром в их армии. Буучи Абу побывал на аудиенции у Даваци и всячески обрисовал ему его [бедственное] положение. Обстоятельно и осторожно обсудив с ним [свое положение], Даваци сказал: «Верно!» и вместе с [цинской] армией, преследовавшей его людей в его владениях, вернулся обратно [на территорию Цинской империи]. За то, что буучи Абу[-нояня] обрисовал Даваци его [бедственное] положение и близко с ним подружился, Банди-*джанджун* похвалил его и сообщил [об этом его поступке] в докладе императору.

Так как они (т. е. два других джанджуна. — В. С.) соперничали с Амурсаной и наговаривали на него, то Амурсана, узнав о том, что они представили [императору] совместный доклад, из-за этого ничтожного [повода] задумал бежать в Россию. Как ни уговаривали его, не смогли [отговорить от задуманного]. За то, что он вел такие разговоры, [некий] монгол на пегой лошади вручил Амурсане прибывший указ о том, чтобы его срочно препроводили [в Пекин]. Увидев указ, тот еще больше утвердился в своих предательских замыслах. Он напустил непроглядную черную мглу и, отобрав себе для сопровождения тридцать три человека, заставив солнце светить над собой и освещать перед ним [дорогу], изменнически бежал. Сопровождавшие его дружинники один за другим отстали от него. С семьёю дружинниками [оставшимися с ним] из числа сопровождавших его он прибыл в город русского [великого] хана. Амурсану посадили в телегу и повезли вглубь страны.

Бабал-гайджи и это войско проблуждали трое суток в напущенном им (Амурсаной. – В. С.) тумане и вернулись назад. Затем они прибыли в Пекин, и начальствующие лица [из их числа] и Давацы были приняты императором. Давацы пожаловали титул *хошой чин-вана* и поселили его в Пекине. Буучи Абу пожаловали титул *хошуну бэйсэ*. Оставшиеся при Давацы ойраты стали *Жэ-хэскими о́лтами*.

Подданные Давацы находятся в Пекине. Это — повествование о дэрбэтах и джунгарах из [числа] дурбэн-ойратов. До того как его написать, [мы] не стали писать родословные (*уг намтар*) торгутов и хошутув, [поскольку] они [уже] есть.

Чтобы собрать оставшихся и отставших сзади [солдат] Баркульской армии, *бэйлэ* Сэбтэн Ээкэ из дэрбэтов и захачинский *гун* Мамут отделились с многочисленными солдатами [от армии] и двинулись дальше [вглубь территории Джунгарии]. Они стали возвращаться обратно, ведя с собой всех бывших вместе с казахами Барлакских элётов, Илийских элётов, а также небольшую часть [других] людей. Когда захачинский *гун* Мамут, отделившись [от Сэбтэн Ээкэ], ехал по другой дороге, то он неожиданно столкнулся с поднявшим мятеж Амурсаной-джанджунном. Амурсана захватил [в плен] захачинского Мамута, связал его и сказал: «Ведь я тебе не причинил вреда? Ты же в Пекине доложил августейшему императору [следующее]: «Пола халата Амурсаны завернулась тыльной стороной [и стало видно, что он подбит] дешевой хлопчатобумажной тканью, а глаза у него недобрые и смотрят воровато. Этот человек не будет другом». [На что] тебе император разве не соизволил ответить: «Едва ли у моего Амурсаны есть такие (т. е. недобрые. – В. С.) помыслы». [Сказав так] он (Амурсана. – В. С.) разжег костер из саксаула и, насадив [Мамута] на вертел из кизильника, стал его поджаривать, [затем] спросил его: «Ну а теперь каково тебе?». [Тот] ответил: «У меня счастливая судьба, раз уж в погребении моих останков принимает участие сам нойон». После этого Амурсана бежал дальше. Ээкэ-бэйлэ прибыл [на территорию Цинской империи].

Всех его подданных доставили в Улясутай. [Об этом] отправили доклад [императору].

Был основан новый город под названием «Счастливым Кобдо». *Бэйлэ* Сэбтэн, возвращаясь в свой нутук, по дороге скончался. [В это время] в Улясутай пришел указ о том, чтобы *бэйлэ* Сэбтэна повысить в звании, отдать ему под начало город Кобдо и назначить [тамошним] *амбанем*. Поскольку *бэйлэ* умер, то в Улясутай снова был доставлен указ [императора]. В нем говорилось, что раз уж *бэйлэ* умер, то *дзанги* Кобдоского управления следует быть под началом маньчжурского амбана (в Улясутае. – В. С.). Весной года коровы (1757 г. – В. С.) Удалагчитайджи, отправившись в Пекин, унаследовал звание *бэйлэ* как *төрү-йин бэйлэ*. Шесть тайджи из числа дэрбэтов, соскучившись по родным кочевьям на Алтае, взбунтовались и [самовольно] отправились [туда]. Один из них, заблудившись, вернулся обратно и известил о том, что они взбунтовались, улясутайского военного губернатора. Тот отправился вслед за этими тайджи и, схватив их, вернулся [обратно]. Когда императору доложили о бунте шести тайджи из дэрбэтов, то он приказал двух зачинщиков бунта Мёнкэ-Тэмура и Баранга доставить в Пекин и казнить, а примкнувших к ним трех *тайджи* — Бабала, Хайлуна и Амбана — понизить в звании. В то время пришел указ императора о том, чтобы дэрбэты посеяли зерно в Улангоме, и [им] были выделены пашни в Улангоме. И впервые посеянное ими зерно, когда взошло, имело по пять колосьев на одном стебле. Дэрбэты все сделались землепашцами (*букв.* «приобрели имя пашенных людей». – В. С.). После этого дэрбэты все разбогатели и стали жить неизмеримо лучше.

Государство их стало мирным, религия распространилась повсеместно, а все люди стали жить в мире и благополучии.

III. РОДОСЛОВНАЯ ТОРГУТСКИХ ХАНОВ И КНЯЗЕЙ. «ТОРГУДЫН ГАРУЛГА» («ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТОРГУТОВ»)

III.1. Введение

Данное сочинение, которое мы для краткости будем называть «Родословной торгутских ханов и князей», ранее хранилось у торгутов Синьцзяна и действительно представляет собой семейную родословную торгутского ханского рода. Оно стало известно в научных кругах после того, как о нем написал датчанин Хеннинг Хаслунд-Кристенсен в своей книге «Люди и боги в Монголии. Заяган», вышедшей на шведском языке в 1934 г. О запутанной истории публикации этой книги рассказывается в статье американского монголиста Джона Крюгера¹. С этого издания был сделан английский перевод, опубликованный одновременно в 1935 г. в Лондоне и Нью-Йорке². Автор книги совершил путешествие по Центральной Азии в составе экспедиции 1928–1930 гг., которую возглавлял знаменитый шведский путешественник Свен Гедин. Х. Хаслунд-Кристенсен рассказал в книге о своих приключениях во время пребывания в экспедиции. После этого Датский Национальный музей в Копенгагене поручил ему предпринять еще одну экспедицию в Восточную Монголию, во время которой с 1936 по 1937 гг. он собирал антропологический материал. Затем Х. Хаслунд-Кристенсен присоединился к датской экспедиции в Центральную Азию с посещением Афганистана, Тибета и Западной Монголии, во время которой умер в возрасте 52 лет³.

---

¹ *Krueger Jonn R.* New Materials on Oirat Law and History. Part Two: «The Origins of the Torgouts» // *Central Asiatic Journal*. Vol. XVIII, № 1. Wiesbaden, 1974. P. 30.

² *Haslund-Chriestensen H.* Men and Gods in Mongolia. *Zayagan*. London, 1935. – N. Y. (Dutton), 1935. С. 188.

³ *Okada H., Miyawaki-Okada J.* Haslund's Toregut Rarelo in the Parallel Text in Ulaanbaatar // *Mongolian Studies. Journal of the Mongolia Society*. Vol. XXIX. (2007). P. 124.

В феврале 1929 г. Х. Хаслунд-Кристенсен воспользовался возможностью посетить торгутский монастырь *Шара-сюме* («Желтый монастырь») в горах Тянь-Шаня, к северу от Карашара в Синьцзяне. Здесь ему довелось присутствовать на праздновании буддийского Нового года (по лунно-солнечному восточному календарю — года железа-змеи). В библиотеке монастыря, имевшей богатый выбор литературы, он наткнулся на любопытный старинный документ, озаглавленный им как «*Toregut rarelro*», который он попросил прочитать для него старых лам. Свой интерес к ойратской рукописи по истории торгутов Х. Хаслунд-Кристенсен объясняет следующим образом:

«Покрытая легендами история торгутов долгое время занимала мое воображение, и я в течение многих лет пытался из книг и первоисточников восстановить исторические предпосылки нынешних условий существования этого монгольского племени.

Я почерпнул много сведений из «*Toregut Rarelro*», которую мне прочитали и растолковали ученые ламы в торгутском Желтом монастыре в горах Тянь-Шаня. Это старое собрание документов, написанных на монгольском языке, чисто монгольского происхождения, является весьма цветистым и образным рассказом самих торгутов о предках хана и народа, их битвах в прошлые века»¹.

Датский путешественник и ученый подробно описал виденную им в монастыре ойратскую рукопись: «... Разговор с настоятелем выявил существование древнего труда, составлявшегося на протяжении веков торгутскими историками и озаглавленного «*Toregut Rarelro*» («Происхождение торгутов»). Это произведение, как и многие другие древние торгутские рукописи, сохраняется с почти религиозным благоговением, и только немногие избранные имеют доступ в тот флигель, в котором он хранится.

«*Toregut Rarelro*» состоит из некоторого количества переплетенных листов из какой-то похожей на чесучу ткани, помещенных между двумя богато украшенными резьбой и рас-

¹ *Hashund-Chriestensen H.* Указ. соч. С. 31.

крашенными дощечками, которые, в свою очередь, обернуты в несколько слоев кожи и парчи. Листы размером шесть на пятнадцать дюйма [в датском издании — 15x40 см] исписаны торгутским письмом черными и красными чернилами, а записи, очевидно, делались различными лицами и в разное время. Надпись на вводных листах выцвела и читается с трудом, но тем не менее по характеру слов можно прийти к заключению о том, что автор был ламой»¹.

Затем Х. Хаслунд-Кристенсен приводит пространную вводную часть из «*Toregut rarelgo*», где повествуется о первых правителях торгутов, начиная от их легендарного правителя Гэрэл-Дара-хана (в книге он именуется *Geril Däre Khan* – «хан величайшего блеска») и вплоть до Шукур-Дайчина и его сыновей. Сообщение датского путешественника о существовании ценного исторического источника по истории торгутов, как и версия этого источника о происхождении торгутов и этнонима «торгут», долгое время оставались вне поля зрения монголистов и калмыковедов, пока на его книгу не обратил внимание американский ученый Дж. Крюгер.

Во время своего пребывания в Дании в 1972 г. он работал в Центральноазиатском институте при Копенгагенском университете, где хранятся научные материалы Х. Хаслунда-Кристенсена, полученные институтом после смерти ученого. Дж. Крюгер среди материалов обнаружил тетрадь с латинской транскрипцией ойратского текста, с которого и был сделан перевод, помещенный в книгу «Люди и боги в Монголии». Внимательное изучение транскрипции текста с помещенным там же английским переводом показало, что она несовершенна, так как выполнена не монголистом, а человеком, хотя и хорошо знавшим разговорную монгольскую речь, но не владевшим письменным языком. Поэтому при записывании на слух ойратского текста им были допущены многочисленные ошибки. Тем не менее сама транскрипция позволила владеющему монгольским и ойратским

¹ Там же. С. 32.

языками Дж. Крюгеру в большинстве случаев после сравнения ее с напечатанным переводом определить, какое ойратское слово имеется в виду, и правильно прочесть текст (к примеру, ойратское выражение *торхудын харулха* «происхождение торгутов» было передано как *Toregut Rarelro*). Исправленную транскрипцию ойратского текста с новым переводом Дж. Крюгер опубликовал в журнале «Central Asiatic Journal» в 1974 г. (т. XVIII, № 1). Исследователь пытался идентифицировать заинтересовавший его источник, но в то время, не имея в своем распоряжении открытых позднее ойратских историко-генеалогических сочинений, он пришел к неутешительному заключению: «Ни одно произведение под таким названием не было обнаружено мною в известных монголистам каталогах фондов монгольских рукописей и ксилографов»¹.

Введение в научный оборот новых ойратских сочинений по истории торгутов позволило установить ойратский оригинал «Toregut Rarelro». Им оказалась «Родословная торгутских ханов и князей», которая будет рассмотрена нами ниже. Сравнение уже вводной ее части, где говорится о происхождении названия «торгут» и о вхождении торгутов в состав дурбэн-ойратов при Тогонетайши (первая половина XV в.), с отрывком, опубликованным датским ученым, позволяет сделать вывод об их идентичности. Тексты совпадают вплоть до имен и мельчайших подробностей, за исключением некоторых содержательных моментов, которые отсутствуют в «Родословной...». Их появление в книге Х. Хаслунда-Кристенсена можно объяснить тем обстоятельством, что торгутские ламы, пересказывая текст, давали устные разъяснения к отдельным темным местам «Toregut Rarelro».

В 1985 г. в Издательстве культуры Внутренней Монголии вышел сборник на старописьменном монгольском языке, в котором наряду с переизданием текстов калмыцких историко-литературных памятников (сочинений Габан Шараба, Батур-Убаши Тюменя и «Истории калмыцких ханов») опубликованы

¹ *Krueger Jonn R.* Указ. соч. Р. 34.

новооткрытые ойратские сочинения¹. Одно из них называется *Ünen süjigtü qayučin torγud kiged čing sedkiltü šin-e torγud-un qayan noyad-un uy ündüsün-ü ilelkel teüke-yin bičig* («Книга родословных и истории происхождения хана и князей Старых торгутов [сейма] *Үнэн сүзүгтү* и Новых торгутов [сейма] *Чин-сэджилтү*»)². Названия *Үнэн сүзүгтү* («Истинно верующие» или «Имеющие истинную веру») и *Чин-сэджилтү* («Имеющие честное сердце», «Непоколебимые» или «Благородные») в заглавии данного источника обозначают сеймы, в которые были объединены цинскими властями «старые торгуты» и «новые торгуты». Те, кого называли «старыми торгутами», откочевали к берегам Волги в 30-х гг. XVII в., а затем вернулись в район Или в 1771 г. Они были разделены на 10 аймаков и расселены во многих местах новообразованной провинции Синьцзян. Возглавлявшему их Убаши, который являлся наместником Калмыцкого ханства до 1771 г., цинскими властями был пожалован ханский титул, а их князья были произведены в различные чины (*ван, бэйлэ, бэйсэ, гун, тайджи I-й степени*) по образцу административной системы управления, введенной ранее маньчжурскими завоевателями для монгольских князей. «Новыми торгутами» назывались те торгуты, которые входили в состав Джунгарского ханства и после его разгрома цинской армией в 1755 г. бежали на Волгу, а в 1771 г. вернулись в Джунгарию вместе с наместником Убаши. Название «новые торгуты», как предполагают, могло быть им дано на Волге. Несмотря на их прежнюю, «изменническую» с точки зрения цинского двора, деятельность император Цяньлун пожаловал их князю Шэрэнгу титул *цзюнь-вана*, а его племяннику Шара-Кюкэну титул *бэйсэ*, образовав из их людей два хошуна и наделив кочевьями в Кобдоском округе на р. Булган³.

Основная масса «старых торгутов», по данным «Илэтхэл шастир», была поселена в Синьцзяне. Их кочевья находились в

¹ Оуирад теүкен сурбулји биčиг. С. 442.

² Там же. С. 365–389.

³ Санчиоров В.П. «Илэтхэл шастир» как источник... С. 104.

четырёх районах: Чжайр и Хобог-Сайир в подчинении Куркараусуского *амбана*, на р. Цзинхэ в подчинении тарбагатайского правителя (*цаньцзань дачэня*) и на р. Булган в подчинении Карашарского *амбана*. Все вместе «старые торгуты» находились под общим управлением Илийского военного губернатора *цзянцзюня*¹.

Японский исследователь Х. Окада, сличив текст «Toregut Rarelro» Х. Хаслунда-Кристенсена и «синьцзянского» текста, пришел к выводу об их идентичности². Вскоре Дз. Мияваки в Улан-Баторе, в Национальной Центральной библиотеке обнаружила рукопись, название и текст которой совпадали с сочинением, опубликованным в Синьцзяне. Между ними было одно отличие. В тексте синьцзянского документа перечисляется больше поколений ханов, чем в уланбаторской рукописи. Поскольку и рукописная копия, и текст, отпечатанный типографским способом в Синьцзяне, были составлены на монгольской письменности, то оба японских исследователя высказали предположение, что оригинал родословной торгутских ханов и князей был написан также на монгольском языке, что не соответствовало действительности.

Необходимую ясность внесла опубликованная Ц. Чойдандаром в Китае в 1991 г. «Родословная торгутских ханов и князей» на монгольском языке³. К этому времени был найден еще один список «Родословной» на ойратской письменности — у эдзнейских торгутов. Он хранится в библиотеке Эдзэнэ-хошуна во Внутренней Монголии. В конце сочинения содержится приписка: «Эту «Историю» написал монах-гелюнг, рожденный

---

¹ Okada H., Miyawaki-Okada J. Указ. соч. С. 133; см.: Мэн-гу-ю-му-цзи. С. 143–152; Санчиров В.П. «Илэтхэл шастир» как источник... С. 106–108.

² Okada H. Haslund's «Toregut Rarelro» rediscovered // Writing in the Altaic World. Studia Orientalia. 87. Helsinki, 1997. P. 187–194.

³ Šine qayučin Torγud-un qayad noyad-un uγ ündüsüten-ü iledkel šastir. Čoyidandar qaryūyulun baγulγaju tayilburilaba. Begejing: Ündüsüten-ü keblel-ün qoriya, 1991.

в роду торгутских князей, Гэлэг Цогдан, известный под именем Эджэй»¹. Он родился в 1811 г. и умер в 1889 г.

Ц. Чойдандар переложил оригинальный ойратский текст на «ясном письме» на уйгуро-монгольскую письменность, написал к нему введение и снабдил комментариями. В этой рукописи имена ханов и князей, лам и хубилганов, а также названия титулов и должностей выделены красными чернилами, имена остальных написаны черными. В ней встречаются имена 439 человек из рода торгутских ханов и князей, живших на протяжении семи с лишним столетий, если отсчет вести от родоначальника торгутов Ван-хана Тогорила и до конца XIX в., т. е. 25 поколений. Автор «Родословной...» вписал в нее всех знатных предков торгутов, начиная с оставшихся на Волге в России и заканчивая торгутами, живущими во многих районах нынешнего Синьцзяна, Кукунора (провинция Цинхай) и Эдзэнэ-хошуна Внутренней Монголии.

Где и когда именно Эджэй Гэлэг Цогдан написал это свое сочинение, не указано. Ц. Чойдандар допускает, что он написал его в период между 1853 и 1889 гг. — после того как его произвели в должность ламы-настоятеля в хошуне эдзинейских «старых торгутов». Гэлэг Цогдан из 439 торгутских ханов и князей особо выделяет Арабджура, родоначальника 22 князей хошуна эдзинейских «старых торгутов», доведя его родословную до Донруб Раши, князя в 18-м поколении, унаследовавшего титул тюрү-йин бэйлэ в 12-м году правления цинского императора Тунчжи (1873).

Список, хранящийся в библиотеке Эдзэнэ-хошуна, представляет собой книгу монгольского образца размером 27 см в ширину и 36 см в длину, состоящую из прошитых нитью листов. Сами листы из белой хлопчатобумажной ткани расчерчены красной краской на графы, посреди которых от руки вписан текст на ойратском «ясном письме». Всего в книге 16 страниц, из них восемь оставлены с незаполненными графами. На внутренней

---

¹ Там же. С. 118.

стороне первой страницы книги помещено датированное 25 августа 1964 г. разъяснение об обстоятельствах появления этого списка, данное писарем управления хошуна эдзинэйских «старых торгутов» по имени Гава-авгай (1916–1968): «Это историческое сочинение, хранившееся [у него], привез лично хубилган-лама Эдзэнэ-хошуна по имени Эджэй Гэлэг-Дагбу-Намджил писарю хошунного управления жингийн бэйлэ «старых торгутов», живущих в [местности] *Богда Эрийэн Хабирга* в провинции Синьцзян (сейчас это уезд *Цзиньхэ* Боротала-Монгольского автономного округа Синьцзяна. – В. С.) по имени Широ́б-захиругчи в году синеватого зайца (1915 г.)»¹.

Издатель «Родословной...» Ц. Чойдандар этот список в своем предисловии называет «списком Широ́ба». При его подготовке к публикации он пользовался еще текстом другого списка из сборника «Ойратские исторические источники», выпущенного в 1987 г. Х. Бадаем, Эрдэни и Алтан-Оргилом в Синьцзянском народном издательстве на ойратском языке², который являлся переизданием на «ясном письме» сборника, вышедшего в 1985 г. в Издательстве культуры Внутренней Монголии на старописьменном монгольском языке³. Помещенный в сборнике список «Родословной...» был приобретен Х. Бадаем в Синьцзяне у человека по имени Дорджи, поэтому Ц. Чойдандар называет его «списком Дорджи» и указывает, что, сличив изданный «список Дорджи» со своим «списком Широ́ба», дополнил его и заимствовал из изданий 1985 и 1987 гг. отдельные комментарии. Оба списка, по его словам, в основе своей идентичны, но в конце каждого есть строки, отсутствующие в другом списке. Так, в «списке Широ́ба» повествование доведено только до сыновей торгутского хана в 20-м поколении Маха Базара: Буян Өлзэйтү, Буян Иргту и Буян Бадарху. В «список Дорджи» включены отсутствующие в «списке Широ́ба» шестеро сыновей Буян Цогту. В то же время

---

¹ Там же. С. 7.

² *Oyirad teüken surbulji bičig...* С. 375–399.

³ Там же.

в «списке Дорджи» отсутствуют имеющиеся в «списке Широба» такие сведения, как «четвертый сын Лэйджи Донруба-Дайбунг Баяр»; «у *бэйлэ* Данджина было 3 сына: *Өлзэйбадарху*, *Тойн Цёлтём*, *Гүнгджингнима*».

Оригинал «Родословной...» до наших дней не сохранился: он был утрачен во время мятежей и военных действий в период с 1869 по 1876 гг. Но еще до этого времени с него было сделано несколько копий, имевших хождение среди ойратов. Одна из них попала в Сынцзян и хранилась в Шара-сюме. Сам Гэлэг Цогдан, будучи по происхождению торгутом из ханского рода, потомком князей хошуна эдзинейских «старых торгутов» и ламой-хубилганом, был известен и как религиозный деятель. После того как в 1851 г. он был привезен из Лхасы в Эдзэн-хошун и стал настоятелем храма Дашичэйлинг, он стал активно подавлять шаманизм и энергично насаждать буддизм. Известно, что Гэлэг Цогдан в своем монастыре ввел в культовую практику так называемый «устав вечного собрания»¹. Ц. Чойдандар предполагает, что именно в этот период, с 1853 по 1889 гг., он написал свое сочинение.

«Родословная торгутских ханов и князей» несет на себе явные следы влияния религиозных и политических взглядов ее автора. Видно, что он во главу угла ставил укрепление сплоченности между мирянами и духовными лицами, улаживание противоречий между ними, защиту законов государства и религии. В заключительном разделе своего сочинения Гэлэг Цогдан написал: «Подобно этому написано, что распространение счастья и благополучия обыкновенных людей в этой жизни и в следующем перерождении произойдет, если они все будут жить в согласии и следовать законам религии и мирской жизни. Так как из-за отсутствия согласия происходят междоусобицы (*ebderel temečel*) и гибнут религия Будды и ханское правление, то необходимо

---

¹ *Šine qaγučin Torγud-un qaγad noyad-un uγ ündüsüten-ü ilelkel šastir...* С. 11.

укреплять согласие»¹. Призывая к консолидации во имя мира, автор приводит яркие примеры из индийских фольклорных и религиозных текстов. Так, доказывая необходимость борьбы с междоусобицами, он ссылается на предания, согласно которым в прежние времена в стране Каши четыре вида животных разного происхождения — голубь, заяц, обезьяна и слон — побратались и стали жить в дружбе и согласии. Поэтому Гэлэг Цогдан поместил на передней странице своего сочинения изображение этих четырех дружественных животных (*ebtü dörben amitan*).

Согласно раннебуддийским сочинениям, Каши (Каси) называлось небольшое, но игравшее заметную роль в Древней Индии государство со столицей в Варанаси. В годы жизни Будды (более признанная датировка — 563–483 гг. до н. э.) в Северной Индии существовало 16 таких «великих стран» (*махаджанпад*)². Гэлэг Цогдан обращается к своим соплеменникам с горячим призывом к объединению, указывая, что «когда разного рода животные ведут себя подобным образом, то надо ли говорить о том, что братские (*ага degüü*) одного происхождения люди и князя должны жить в согласии»³.

Таким образом, «Родословная торгутских ханов и князей» является не только письменным памятником, содержащим сведения по генеалогии аристократических родов торгутов, но и ценным источником по истории ойратов. Русский перевод «Родословной...» нами выполнен с издания Ц. Чойндандара.

---

¹ Там же. С. 117.

² Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. М., 1985. С. 194.

³ *Šine qaγučin Torγud-un qaγad noγad-un uγ ündüsüten-ü ilelkel šastir...* С. 118.

III.2. Русский перевод

Да будет счастье и благополучие!

Родоначальник всех ханов и князей Старых и Новых торгутов, один из великих милостынедателей веры Четырех Ойратов, исповедующих религию ламы Трех миров, владыки Учения премудрого Дзонкабы и, почитая всех духовных лиц как украшение макушки, принимающих отдельно жертвоприношения, некто по имени Гэрэл Дара в прежние времена прибыл из Индии в страну каракиданей. Завладев в большом китайском городе Сианьфу (*Si Nan Fu*) золотой печатью с ручкой из драгоценного камня — чиндамани, он поселился [там], став властителем над всей территорией китайской державы.

Начиная с Гэрэл-Дара-хана, поколение ханов просуществовало без перерыва на протяжении жизни многих ханов. Затем был Наран-хан. Из его 30 сыновей старший — Тагманг-хан, одним из нескольких сыновей которого является Он-тайса. Он по какой-то причине затосковал и, взяв 9 дружинников из числа своих албату, бежал в страну своего дяди по матери, хана [страны] Кем Мирандибы. Когда он прибыл туда, то его дядя-хан дал ему множество подвластных людей-албату. Прожив там несколько лет, Он-тайса, взяв с собой своих подданных албату, направился в Монголию и стал жить под покровительством властителя мира (*küčün-ü kürdii orčiyuluyčĭ*) Чингис-хана. Чингис-хан обрадовался, отдал ему в жены свою дочь, в приданое за ней пожаловал [ему во владение] много семей и поселил их в местности Бөкү-мөрэн. Там они жили на протяжении четырех княжеских поколений, после чего во времена Кибана, [представителя] пятого поколения князей, тот послал 6 человек во главе с Болод Гушхуром, приказав им: «Отправляйтесь в страну ойратов и, повидав их земли (*γaǰar nutuγ*), а также ханов, князей и других, возвращайтесь». Они прибыли во владения ойратов (*Oyirad-un nutuγ-tu*) и побывали на приеме у ойратского хана Тогона-тайши. Тот расспросил их, по какому поводу они прибыли, и они доложили о причине своего прибытия. Так как у них была красивая внешность, то [Тогон-тайши]

восхитился и похвалил их, сказав: «Какие вы рослые (*yeke turuy beyetei*) и красивые люди». Поскольку слово *turuy-ud* исказили, то они стали известны как «торгуты» (*torγud*).

Возвратившись обратно, они рассказали, что ойратский хан, князья и [их] земля (*nutuy γajar*) хорошие. Тогда все князья и простолюдины-албату посовещались, откочевали, и, прибыв в страну ойратов, «стали жить, отдавшись под покровительство Тогонатайши». Тогон-тайши обрадовался и отдал в жены [Кибану] свою дочь и в приданое за ней двести пятьдесят кибиток (*erūke*). От этого их численность сильно возросла, и они сделались одним из Четырех Ойратов. Поэтому, начиная с прибывшего первоначально из Индии Гэрэл-Дара-хана и до Он-тайсы, о поколении ханов подробно [изложено] в китайской истории. Сын Он-тайсы — Ван-хан. Начиная с него последующие [поколения] будут рассмотрены в семьях, включенных в эту тетрадь.

1. Ван (*Vang*) хан.
2. Сын Ван хана... Арсаланг.
3. Сын Арсаланга... Амугуланг.
4. У Амугуланга два сына, старший... Киванг. Второй сын Амугуланга... Тараданг.
5. Сын Киванга... Содсой.
6. Сын Содсоя... Баяр.
7. У Баяра два сына, старший... Мэнггэй. Второй сын Баяра... Ёўзэнг Цэцэн.
8. →

Из десяти сыновей Мэнггэя старший... Буйгу Ёрлөк. Из десяти сыновей Мэнггэя, рожденных от двух жен, управлял государством, говорят, этот (Буйгу Ёрлөк).

← 8.

Второй сын Мэнггэя... Онггой.

Из его потомков в Кукуноре было два засака: род одного из них пресекся, а другой за совершенную провинность был разжалован и переведен в албату (крепостные), [обо всем этом] подробно не написали.

9. →

Из семи сыновей Буйгу Өрлөка старший... Зулзага Өрлөк.

Второй сын Буйгу Өрлөка... Онгхон Чабчачи. Его в некоторых старых историях называли вторым [сыном] Мэнггэя, мы написали так, как написано в «Желтой книге» (*Шара дэбтэр*).

Третий сын Буйгу Өрлөка... Буура Ахалаху, из его потомков в Кукуноре есть один засак.

10. У Зулзага Өрлөка один сын... Хоо Өрлөк.

← 9.

Четвертый сын Буйгу Өрлөка... Гори.

Пятый сын Буйгу Өрлөка... Мангхай. Из его потомков в Кукуноре есть один засак.

Шестой сын Буйгу Өрлөка... Оло-чэн-джэй.

Седьмой сын Буйгу Өрлөка... Бүлихан.

Хоо Өрлөк...

11. →

Из шести сыновей Хоо Өрлөка старший... Шүкүр Дайчинг.

Второй сын Хоо Өрлөка... Гүмбө Йэлдэнг.

Третий сын Хоо Өрлөка... Кирсанг.

12. →

У Шүкүр Дайчинга четыре сына, старший... Гүрү.

Второй сын Шүкүр Дайчинга... Дайу... в некоторых историях пишется Дайиру.

Третий сын Шүкүр Дайчинга... Нама Цэрэнг.

13. →

У Дайу один сын... Халбу.

У Нама Цэрэнга двое сыновей, старший... Назар Мамад...

← 11.

Четвертый сын Хоо Өрлөка... Санджин.

Пятый сын Хоо Өрлөка... Луузанг.

Шестой сын Хоо Өрлөка... Сүнгкэй.

← 12.

Четвертый сын Шүкүр Дайчинга... Пунцуг Джалцан. В «Желтой книге» сказано, что он третий сын Дайчинга, это по-

тому, что у него был один и тот же отец-хан и дед-хан, то его и представили старшим. Так как записи в старых историях и рассказы стариков, живших в прежнее время, совпадают, то несомненно, что он был четвертым сыном.

← 13. Второй сын Нама Цэрэнга... Молиш.

14.

У Назар Мамада четверо сыновей, старший... Хара Дорджи.
Второй сын Назар Мамада... Гүмбө.

Третий сын Назара... *бэйсэ* Рабджуур. Когда он вначале принял подданство августейшего [императора] Энгке Амуланга (*кит.* Канси. – В. С.), то ему пожаловали достоинство *засак хошуны бэйсэ*.

Четвертый сын Назара... Убаши.

15.

У Хара Дорджи три сына, старший... Лубза (*Лубан*).

Второй сын Хара Дорджи... Бэй.

Третий сын Хара Дорджи... Данзан.

16.

У Бэй'а один сын... Мигмар.

Лубза

У Лубзы три сына, старший... *цзюнь-ван* Бамбар. Когда он вначале в 36-м году правления августейшего [императора] Тэнгри тэдкүгчи (*кит.* Цяньлун. – В. С.) (1771) принял подданство, то ему пожаловали достоинство *засак Биширэлтү* («Преисполненный веры». – В. С.) *цзюнь-вана*.

Второй сын Лубзы — Йүмчэн.

Третий сын Лубзы — Багдан.

17.

У Бамбара три сына, старший... *цзюнь-ван* Цэрэнг Дэлэг.

Второй сын Бамбара... *тайджи второй степени* Дамби Джалцан.

Третий сын Бамбара... *тайджи второй степени* Баян-Далай.

18.

У Цэрэнг Дэлэга три сына, старший... Баглату.

Второй сын Цэрэнг Дэлэга... *цзюнь-ван* Бадма Убаши.

Третий сын Цэрэнг Дэлэга... *тайджи второй степени*

Ринчин Раши.

← 18.

У Баян Далая три сына, старший... Джиргал.

Второй сын Баян Далая... Бай Сангджи.

Третий сын Баян Далая... *тайджи второй степени* Пүрбө
Джал. Имя, под которым он стал известен, Хонгхош-тайджи.

19.

У Бадмы Убаши три сына, старший... *цзюнь-ван* Намджил
Цэдэнг. Имя, под которым он стал известен, Сара-ван.

Второй сын Бадма Убаши... *тайджи второй степени* Радна
Базар.

Третий сын Бадма Убаши... Баярдай.

цзюнь-ван Сара

20.

Сара (это старший сын Бадма Убаши. – В. С.) имел одного
сына... *цзюнь-вана* Бату Цагана. Имя, под которым он стал из-
вестен, Джангчуб-ван.

21.

У Джангчуб-вана двое сыновей, старший... *тойн* Лубзанг
Чоймбел <~Цэпэл>.

Второй сын Джангчуба... Очир Насун.

Йүмчин

17.

У вышеуказанного второго сына Лубзы Йүмчина [один
сын]... *бэйсэ* Кибтан. Когда он во время правления августейшего
[императора] Тэнгри тэдкүгчи (*кит.* Цяньлун. – В. С.) принял
подданство, то ему пожаловали достоинство *засаг иткэл* («за-
щитник, покровитель веры». – В. С.) *бэйсэ*.

18.

У Кибтана двое [сыновей], старший... *бэйсэ* Марг Шори
[~Шир]. У Кибтана второй сын... *тойн лама* Замба Данджин.

Он, проучившись в монастырях Балдан, Брайбун (*Бэрэйбүнг*) и Гоман (*Гөмөнг*), стал премудрым [ламой].

19.

У Марг Шори один сын... *бэйсэ* Цаган Буян.

20.

Поскольку Цаган Буян умер, не имея сыновей, то вместо него был произведен в *бэйсэ* знатный родственник — четвертый сын Хобог-Сарийского *чин-вана* Энгке Джиргала. *Бэйсэ* — Пүрбү Гэдэн.

21.

У Пүрбү Гэдэна двое сыновей, старший... Соном Добджу. Имя, под которым он стал известен, Осэр (Одсэр).

Второй сын Пүрбү Гэдэна — *тойн* Лубзан Балдан. Имя, под которым он стал известен, Зангман.

бэйсэ Рабджуур

15.

У вышеуказанного третьего сына Назар Мамада Рабджуура двое сыновей, старший... *бэйлэ* Данзан. Августейшим императором ему пожаловано достоинство *засаг төрү-ийн бэйлэ*.

Второй сын Рабджуура... *тойн* Гамбо. Проучившись в монастырях Лубзан <Луузанг> Раши, Брайбунг и Гоман, он стал премудрым [ламой] (далее: пропуск. – В.С.).

16.

У Данзана двое сыновей, старший... *бэйлэ* Луузанг Дарджи.

Второй сын Данзана... *тойн лама* Эдванг Данзан.

17.

У Луузанг Дарджи один сын... *бэйлэ* Вангджил Цэрэнг.

← 15.

Далай-лама, пожаловав ему звание Гамбо, вручил ему печать и назначил его настоятелем монастыря Брайбунг Игба <Гагба>.

18. →

У Вангджил Цэрэнга пять сыновей, старший... *тайджи* первой степени Норбо <Гойироб> Намджил.

Второй сын Вангджил Цэрэнга... *бэйлэ* Донроб Цэрэнг.

Третий сын Вангджил Цэрэнга... *тойн* Джамйанг Гэлэнг Балзанг.

19. →

Сын Норбо Намджила... *тайджи* второй степени Соном Рабдан.

У Донроб Цэрэнга сын... *бэйлэ* Баяр Мангнай. Имя, под которым он стал известен, Соном Добджу.

20.

У Баяр Мангнай один сын... *бэйлэ* Даши Цэрэнг.

← 18.

Четвертый сын Вангджил Цэрэнга... *тойн* Калзанг Кэйджун Джамцой.

Пятый сын Вангджил Цэрэнга... *тайджи* второй степени Рабтан Донроб Пелджи.

← 19.

У Рабтан Донроб Пелджи трое сыновей, старший... *тойн* Гэлэг Цогдан. Имя, по которому он известен, Эджэй, он обучался вероучению в монастырях Брайбунг [и] Гоман (*Yüüüing*).

Второй сын Рабтан Донроб Пелджи... *тайджи* второй степени Донроб Цэрэнг. Имя, под которым он известен, Ото Насун. Третий сын Рабтан Донроб Пелджи...

← 19. *тайджи* четвертой степени Гэдэнг Дорджи.

тайджи Донроб Цэрэнг...

20.

У Донроб Цэрэнга пять сыновей, старший... *тайджи* Минджуур Дорджи. Имя, под которым он известен, Мангхан Шира.

Второй сын Донроб Цэрэнга... *тайджи* Сангджи.

21.

У Минджуура Дорджи один сын... Намджил Норбо.

← 20.

Третий сын Донроб Цэрэнга... *бэйлэ* Донроб Раши. Его также называют *бэйлэ* Данджин.

Четвертый сын Донроб Цэрэнга... *тайджи* Намдул.

Пятый сын Донроб Цэрэнга... *тайджи* Мэнггэгү.

Пунцуг Джалцан

13. →

Четвертый сын вышеуказанного Шүкүр Дайчинга... Пунцуг Джалцан.

У него трое сыновей, старший... *хан* Аюки. Ему Пятый Далай-лама передал яшмовую печать и пожаловал ханское достоинство.

Второй сын Пунцуга... Йиши (Иши) Джамцу. Еще его называли Большим Джамцу.

14. →

У Аюки восемь сыновей, старший... Чагдарджаб.

Второй сын Аюки... Гүнджаб.

Третий сын Аюки... Санджаб.

Четвертый сын Аюки... Рабдан.

15. →

У Чагдарджаба двенадцать сыновей, старший... Дацанг.

Второй сын Чагдарджаба... Багсадай.

Третий сын Чагдарджаба... *хан* Донроб Раши. Этот *хан* стал *ханом* после Дондог Гүмбө [44].

← 13.

Третий сын Пунцуга... Норбо Джамцо. Его называли Младший Джамцо.

← 14.

Пятый сын Аюки... Гүн Дэлэг.

Шестой сын Аюки... *хан* Цэрэнг Дондог.

Седьмой сын Аюки... Галдан Данджин.

Восьмой сын Аюки... Бааранг Цэрэнг.

← 15.

Четвертый сын Чагдарджаба... Бату.

Пятый сын Чагдарджаба... Данджин Дорджи.

Шестой сын Чагдарджаба... Нитар.

Седьмой сын Чагдарджаба... Бодонг.

← 15.

Восьмой сын Чагдарджаба... Добчин.

Десятый сын Чагдарджаба... Гүнцүг Джаб.

Десятый сын Чагдарджаба... Дорджи Раши.

← 15.

Одиннадцатый сын Чагдарджаба... Яндаг.

Двенадцатый сын Чагдарджаба... Бусурман.

Хан Донроб Раши...

16.

У третьего сына Чагдарджаба Донроб Раши четыре сына, старший... Бэгэй Кү.

Второй сын Донроб Раши... Сарай.

Третий сын Донроб Раши... Кёккө.

Четвертый сын Донроб Раши... *хан* Убаши. В то время, когда он вступил в подданство августейшего императора Тэнгри Тэдкүгчи, ему было пожаловано достоинство *засаг Зоригту* («Отважный». – В. С.) *хан*.

17.

У Убаши было два сына, старший... *хан* Цэрэнг Намджил.

Второй сын Убаши... *тайджи первой степени* Рабдан Дорджи. За неимением своего сына он усыновил второго ханского сына Намджилдорджи, тот впоследствии стал *ханом*.

18. →

У Цэрэнг Намджила трое сыновей, старший... *хан* Хошуучи.

Второй сын Цэрэнг Намджила... *хан* Намджилдорджи. Так как у Пуучи-хана не было сыновей, то он после него стал *ханом*.

← 18.

Третий сын Цэрэнг Намджила... *хан* Данджин Вангджил. Имя, под которым он известен, Пуучи-хан. Так как у Хошуучи-хана не было сына, то он стал *ханом*.

19.

У Намджилдорджи два сына, старший... *хан* Цэдэнг Дорджи.

Второй сын Намджилдорджи... *тайджи первой степени* Ринчин Дорджи. Имя, под которым он известен, Бөдөй-нойон.

20.

У Цэдэнг Дорджи один сын... Намджил Джүрмэд Цэрэнг.

У Бөдөй-нойона один сын... *хан* Маха Базар.

Хан Маха Базар...

21.

У Маха Базара один сын... *хан* Буян Өлзэйтү.

22.

У Буян Өлзэйтү два сына, старший... *гун* Буян Цогту.

Второй сын Буян Өлзэйтү... Буян Бадараху <тойн-лама Лубсанг Чикирүб>.

23. →

У Буян Цогту 4 сына, старший... *хан* Буянмөнгкэ.

Второй сын Буян Цогту... *тойн камбо* Лочанг Данджин Чимэд Нима.

Третий сын Буян Цогту... *тойн-лама* Луузанг-чэрэчомкэл.

← 23.

(Четвертый сын Буян Цогту...).

24.

Сын Буянмөнгкэ... *хан* Манцугджаб.

25.

У хана Манцугджаба один сын... *хан* Гүмбөдеджид.

Бату

16.

У вышеуказанного четвертого сына Чагдарджаба Баты двое сыновей, старший... Танггад.

Второй сын Бату... Кемчог.

17.

Сын Танггада... *бэйсэ* Эмэгэн Убаши. Во время правления императора Тэнгри Тэдкүгчи, когда он принял подданство, ему было пожаловано достоинство *засаг Баярту* («радостный». – В. С.) *бэйсэ*.

У Кемчога один сын... *гун* Баяджиху. Во время правления императора Тэнгри Тэдкүгчи, когда он принял подданство, ему было пожаловано достоинство *Суту* («мудрый». – В. С.) *засаг улус-тур тусалагчи гун*.

18.

Сын Эмэгэна Убаши... *бэйсэ* Нундой <Гундой>.

Сын Баярлаху... *гун* Цэбэгджаб.

19. →

У Нундоя два сына, старший... *төрү-ийн камбо* Цүлтүм Джодбо. Пройдя учение в монастырях Брайбунг и Гоман, он получил от Тибетского духовного управления (*süng*) звание *камбо* (букв. «настоятель». – В. С.).

Второй сын Нундоя... *бэйлэ* Балдан Раши.

20. →

У Балдан Раши сын... *бэйлэ* Мөнгке Насун.

21. →

У Мөнгке Насуна сын... *бэйлэ* Гүрүджаб.

← 19.

У Цэбэгджаба двое сыновей, старший... *гун* Батукэшиг.

Второй сын Цэбэгджаба... *тайджи третьей степени* Бэкэ Кэшиг.

← 20.

У Батукэшига один сын... *гун* Манджи Дорджи.

У Бэкэ Кэшига сын... *тайджи третьей степени* Мөнгке Баяр. Имя, под которым он известен, Манджи.

← 21.

У Манджи Дорджи один сын... *гун* Норборэчин.

22. →

У Гүрүджаба двое сыновей, старший... *бэйлэ* Олджэйтэгүс.

Второй сын Гүрүджаба... *бэйлэ* Гунгганамджил.

23.

У Гунгганамджила один сын... *бэйлэ* Минджуурдорджи.

24.

У Минджуурдорджи два сына, старший... *бэйлэ* Джабулдорджи.

Второй сын Минджуурдорджи стал ламой.

← 22.

У Норборэчина два сына, старший... *гун* Рашибалджар

(Второй сын Норборэчина...) Добоцэрэнг.

Дорджи Раши

16. →

Десятый сын Чагдарджаба Дорджи Раши. У него было три сына, старший... *засаг тайджи первой степени* Боро Хашха. Когда он впервые подчинился августейшему императору, его произвели в *тайджи первой степени*.

17.

У Боро Хашхи два сына, старший... *засаг* Намджил Раши. Еще его называют Саасхай *засаг*.

Второй сын Боро Хашхи... *засаг* Джал.

18.

Сын Джала... *засаг* Хотон.

← 16.

Второй сын Дорджи Раши... *тайджи первой степени* Боро.

Третий сын Дорджи Раши... Джибджид.

19. Сын Хотона... *засаг* Эрдэни. Он также был известен под именем Легшид.

20.

У засага Эрдэни двое сыновей, старший... Энгке Түбшин.

Второй сын засага Эрдэни... *засаг* Шара Дарма.

21. →

У засага Шара Дармы 6 сыновей, старший... Гомбоцэдэнг.

Второй сын Шара Дармы... Лубсанг Пунцуг. Он стал ламой.

Третий сын Шара Дармы... Икира Миджигдорджи.

← 21.

Четвертый сын Шара Дармы... Шилиг Шибинэтү.

Пятый сын Шара Дармы... Пунцуг.

(Шестой сын Шара Дармы)...

22.

У Засагту Гомбоцэдэнга один сын... Цэргэриши.

Гүнджаб

15.

У вышеуказанного Гүнджаба два сына, старший... *хан* Донроб Вангбо. После Цэрэнг Дондоба он стал *ханом*, еще его звали Дондог Гүмбө.

Второй сын Гүнджаба... Богшурга.

16. →

У Донроб Вангбо пять сыновей, старший... Галдан Норбо.

Второй сын Донроб Вангбо... Рангдал.

Третий сын Донроб Вангбо... Додбэй. Так как он жил на Волге, то его потомки находятся там.

17. →

У Галдана Норбо три сына, старший... *чин-ван* Цэбэг Дорджи. Когда он вначале принял подданство августейшего императора Тэнгри Тэдкүгчи, то ему пожаловано достоинство *засаг Буянту* («добродетельный». – В. С.) *хошой чин-вана*.

← 19.

Четвертый сын Донроб Вангбо... Асарай.

Пятый сын Донроб Вангбо... Зубсар.

← 17. →

Второй сын Галдана Норбо... *чин-ван* Кириб. [Так как] у Цэбэг Дорджи не было сыновей, [Кириб] был произведен в *ваны*. Поскольку и у него не было сыновей, то он усыновил старшего сына своего младшего брата [по имени] Цэрэнг Убаши.

← 17.

Третий сын Галдана Норбо... *засаг тайджи первой степени* Аг Сахал.

18.

У Аг Сахала три сына, старший... *чин-ван* Цэрэнг Убаши.

Второй сын Аг Сахала... *гун* Аджра. Августейший император пожаловал ему достоинство *төрү-йин тусалаху гуна*.

Третий сын Аг Сахала... *гун* Гүнггү Цэрэнг.

19. →

У Цэрэнг Убаши пятеро сыновей, старший... *чин-ван* Энгкэ Джиргал. Имя, под которым он известен, Хонггорва-ван.

Второй сын Цэрэнг Убаши... *тойн* Галзанг Рагба. Он проходил учение в монастырях Балдан [и] Барайбунг.

← 19.

Третий сын Цэрэнг Убаши... *тойн* Джамба Чойриг.

Четвертый сын Цэрэнг Убаши... *тайджи первой степени* Соднам Добджу.

Пятый сын Цэрэнг Убаши... *тойн* Джамба Дандар. Он проходил учение в монастырях Барайбунг [и] Гоман.

чин-ван Энгке Джиргал...

20. →

У Энгке Джиргала пятеро сыновей, старший... *чин-ван* Цэрэнг-Рабдан. Имя, под которым он известен, *Цаган тологай ван* («белая голова». – В. С.).

Второй сын Энгке Джиргала... *тойн* Лубсан Джамцуй.

Третий сын Энгке Джиргала... *тойн* Дамби Джалцан.

21. →

У Цэрэн Рабдана три сына, старший... *гун* Цэрэнг Бату. Имя, под которым он известен, *Зоригту* («Отважный». – В. С.).

Второй сын Цэрэнг Рабдана... *тойн* Добдан Джалцан.

← 20.

Четвертый сын Энгке Джиргала... *бэйсэ* Пүрбү Гэдэн.

Пятый сын Энгке Джиргала... *тайджи четвертой степени* Өлджэй Тогтаху. Имя, под которым он известен, Атай Соднам Добджу. Его усыновил дядя по отцу.

← 21.

Третий сын Цэрэнг Рабдана... Донроб Цэдэнг.

19. →

У вышеуказанного Аджары три сына, старший... *засаг* Дорджи Намджил. Имя, под которым он известен, Мангхан Шара.

Второй сын Аджары... *тойн* Джамба Цойриг.

20. →

У Дорджи Намджила один сын... *засаг* Түбшин Кэшиг.

21. →

У Түбшин Кэшига двое сыновей, старший... *тайджи третьей степени* Цэдэнг Дорджи. Имя, под которым он известен, Аджака.

Второй сын Түбшин Кэшига... Буян Бату.

← 19.

Третий сын Аджары... *тайджи третьей степени*... Гүнгү Нима.

← 20. →

У Гүнгү Нимы четыре сына, старший... Цэдэнг Бал. Имя, под которым он известен, Цасуту Тайджи.

Второй сын Гүнгү Нимы... Баатур.

← 21.

У Цэдэнг Бала один сын... Джаб.

← 20.

Третий сын Гүнгү Нимы... Ёлэмджи Баяр.

Четвертый сын Гүнгү Нимы... *тойн* Эдванг Цүлтүм <Гаванг Цүлтүм>. Имя, под которым он известен, Галзанг (Калзанг).

19. →

У вышеуказанного Гүнгү Цэрэнга пятеро сыновей, старший... *засаг* Цэрэнг Минджуур.

Второй сын Гүнгү Цэрэнга... *засаг* Радна Базар. Имя, под которым он известен, Радна Шиди.

20.

У Радна Шиди два сына, старший... *тайджи третьей степени* Идам Цэрэнг. Имя, под которым он известен, Ози Манджи.

Второй сын Радна Шиди... Шалубийн-гэгэн Лубзан Данджин Нима.

← 19. →

Третий сын Гүнгү Цэрэнга... *тайджи четвертой степени* Мави.

Четвертый сын Гүнгү Цэрэнга... *тойн-лама* Галзанг Данджин Джалцан. Он проходил учение в храме Цобчанг, стал ламой в храме Дүйнгкүр.

Богшурга

16.

У вышеуказанного Гүнджаба второй сын Богшурга. [У него] три сына, старший... Даба.

Второй сын Богшурги... Нингбу.

Третий сын Богшурги... Асараху.

17.

У Нингбу один сын... Маши. Так как он жил на Волге, то его потомки находились там.

У Асараху два сына, старший... Шара Кичиг. Он также жил на Волге.

Второй сын Асараху... Цаган Кичиг. Он также жил на Волге.

Гүмбө Йэлдэнг...

12.

Второй сын вышеуказанного Хоо Öрлөка... [Гүмбө] Йэлдэнг. У него пять сыновей,

старший... Намтар Мэргэн Тайджи.

Второй сын Йэлдэнга... Огджодбо.

Третий сын Йэлдэнга... Тугул. Также называемый Дуган.

13.

У Намтар Мэргэна [один] сын... Харджи Мөтэгэй.

14.

У Харджи Мөтэгэя [один] сын... Көббөг.

← 12.

Четвертый сын Йэлдэнга... Шиди. Также его называли Шики.

Пятый сын Йэлдэнга... Эркэ Бадма.

15.

У Көббөга два сына, старший... Ноян Сангджи.

Второй сын Көббөга... Цэнбо.

16.

У Цэнбо два сына, старший... Эрдэни.

Второй сын Цэнбо... Мөнгкэ Тэмүр.

Эрдэни

17.

Сын Эрдэни... *тайджи второй степени* Ёүзүнг.

18.

У Ёүзүнга три сына, старший... *тайджи второй степени* Дагба.

Второй сын Ёүзүнга... *тойн* Эдвэнг Джамба <Габанг Джамба>.

Третий сын Ёүзүнга... *тайджи четвертой степени* Дарбалдаг.

19. →

У Дагбы три сына, старший... *тайджи второй степени*... Цэрэнг Дарджа.

Второй сын Дагбы... *тойн* Рабдхамба Лэгшид.

Третий сын Дагбы... *тойн* Молом.

← 19.

У Дарбалдага один сын... *тайджи четвертой степени* Дэлэг.

20.

У Цэрэнг Дарджи один сын... *тайджи второй степени* Бату Очир.

У Дэлэга три сына, старший... Мингджид.

Второй сын Дэлэга... *тайджи четвертой степени* Минджин.

Третий сын Дэлэга... *тойн* Данджин Гонцог.

21.

У Минджина один сын... *тайджи четвертой степени* Джаб. Имя, под которым он известен, Шогли.

Мбнгкэ Тэмүр

17.

У вышеупомянутого Мбнгкэ Тэмүра один сын... *тайджи четвертой степени* Луузанг Балджур.

18.

У Луузанг Балджура один сын... *тайджи четвертой степени* Санджи Раши.

19. →

У Санджи Раши три сына, старший... *тайджи четвертой степени* Гонцог.

Второй сын Санджи Раши... *тойн*. Имя, под которым он известен, Джэбэ-тойн.

← 19.

Третий сын Санджи Раши... Тойн. Имя, под которым он известен, Барасай-тойн.

20.

У Гонцога один сын... тайджи четвертой степени Дорджи.
Огджодба

13.

Второй Йэлдэнга Огджодба, у него пять сыновей, старший...
Ахуй.

Второй сын Огджодбы... Бөмбөй.

Третий сын Огджодбы... Сахал.

14.

У Ахуя один сын... Убаши.

← 13.

Четвертый сын Огджодбы... Дарджа.

Пятый сын Огджодбы... Ранджамба.

Кирсанг...

12.

У третьего сына вышеуказанного Хоо Ёрлөка Кирсанга двое сыновей, старший... Урджан.

Второй сын Кирсанга... Данджин.

13.

У Урджана двое сыновей, старший... Радна Гара <Кара>.

Второй сын Урджана... Дарма.

У Данджина три сына, старший... Айуу.

Второй сын Данджина... Малай.

Третий сын Данджина... Радна.

Санджин...

12.

Четвертый сын вышеуказанного Хоо Ёрлөка Санджин. У Санджина два сына, старший... Сэнггэ.

Второй сын Санджина... Гүндэн.

13.

У Сэнггэ один сын... Рабдан.

У Гүндэна один сын... Лабаджаб <Абаджаб>.

14.

У Рабдана один сын... Вангцуг.

У Лабаджаба один сын... Айуши.

Луузанг

12.

Пятый сын вышеуказанного Хоо Ёрлөка Луузанг. У него двое сыновей, старший... Дорджи.

Второй сын Луузанга... Галдама <Калдама>. <Его путают с [другим] Галдамой, сыном хошутского Цэцэн-хана (не путать)>.

13.

У Галдамы двое сыновей, старший... Бабаранг.

Второй сын Галдамы... Балбу <Болбо>.

14. →

У Балбу пять сыновей, старший... Баяхулангту <Баяхуланг>.

Второй сын Балбу... Нарма.

Третий сын Балбу... Цэрэнг Донроб.

← 14.

Четвертый сын Балбу... Дондуг.

Пятый сын Балбу... Убаши.

15.

У Дондуга один сын... *бэйлэ* Момото. Когда он принял подданство августейшего императора Тэнгри Тэдкүгчи, ему пожаловали достоинство *засаг тёрү-йин джиргаланг бэйлэ*.

бэйлэ Момото...

16. →

У Момото пять сыновей, старший... *бэйлэ* Эрдэни.

Второй сын Момото... *бэйлэ* Кёбгэкү. Имя, под которым он известен, Гонггор-*бэйлэ*.

17. →

У Гонггора три сына, старший... *бэйлэ* Бату Джиргал. Имя, под которым он известен, Джамба.

Второй сын Гонггора... *тойн* Иши Яаранпэл.

← 16. →

Третий сын Момото... *тойн камбо* Лубзан Кириб. Он, пройдя обучение в монастыре Брайбунг Гоман, был духовным управлением Тибета (*šüng*) назанчен *камбо* (настоятелем. – В. С.).

Четвертый сын Момото... *тайджи второй степени* Көгшин.
← 17.

Третий сын Гонггора... *бэйлэ* Бату Кэшиг. Имя, под которым он известен, Бату Насун, а также Джамйанг.

18. →

У Бату Насуна четыре сына, старший... *бэйлэ* Буян.

Второй сын Бату Насуна... *бэйлэ* Базар. Еще его называли Очир-*бэйлэ*.

← 16.

Пятый сын Момото... *тайджи второй степени* Норбо Цэ-рэнг. Имя, под которым он известен, Сабагар-*тайджи*.

← 18.

Третий сын Бату Насуна... *тайджи* Санджирай.

Четвертый сын Бату Насуна... *тайджи второй степени* Уубай.

Көгшин...

17. →

У Көгшина семь сыновей, старший... *тойн* Луузанг Дандар.

Второй сын Көгшина... *тайджи второй степени* Боргог.

Третий сына Көгшина... *тойн* Луузанг Данджин.

18. →

У Боргога шесть сыновей, старший... *тайджи второй степени* Мөнгкэ Баяр. Также его называли Дамба.

Второй сын Боргога... *тойн* Луузанг Джалсарай.

Третий сын Боргога... *тойн* Луузанг Джалцан.

← 17.

Четвертый сын Көгшина... *тойн* Луузанг Чойидэр.

Пятый сын Көгшина... *тойн* Луузанг Лорой.

Шестой сын Көгшина... *тайджи четвертой степени* Пог.

Седьмой сын Көгшина... *тайджи четвертой степени* Гонцуг.

← 18.

Четвертый сын Боргога... *тойн* Луузанг Гимпел.

Пятый сын Боргога... *тойн* Луузанг Дждобо.

Шестой сын Боргога... *тайджи четвертой степени* Гадан.

Сүнгкэй...

12.

Шестой сын вышеуказанного Хоо Ёрлөка Сүнгкэй. У него трое сыновей, старший... Дугар.

Онгхон Чабчийачи

10.

Второй сын вышеуказанного Буйгу Ёрлөка Онгхон Чабчийачи. У него пять сыновей, старший... Эзэнэ-тайши.

Второй сын Онгхон Чабчийачи... Гарни Хашха.

Третий сын Онгхон Чабчийачи... Горигбай.

11.

У Эзэнэ-тайши шесть сыновей, старший... Манус Йэлдэнг.

Второй сын Эзэнэ-тайши... Тэнэс Мэргэн Тэбэнэ (Тэнэг Мэргэн Тэбэнэ).

Третий сын Эзэнэ-тайши... Табаг. Его потомки могут жить на Волге.

12.

Сын Манус Йэлдэнга... Мэргэн Хошуучи.

У Мэргэн Тэбэнэ пять сыновей, один из них... Мэргэн Джонам.

← 10.

Четвертый сын Онгхон Чабчийачи... Бозо.

Пятый сын Онгхон Чабчийачи... Буян Отхон.

← 11.

Четвертый сын Эзэнэ-тайши... Засагту. Хотя в какой-то старой истории этого Засагту называют сыном Мэргэн Тэбэнэ, то здесь [мы] написали, основываясь на родословной «Желтой книги» (*Шара тууджи*).

Пятый сын Эзэнэ-тайши... Шангдун Баатур.

Шестой сын Эзэнэ-тайши... Сайхан Сунгкэй.

13.

Сын Мэргэна Хошуучи... Зүгэдэй Чин Баатур.

Сын Мэргэн Джонама... Эрдэни Джонам.

14.

У Зүгэдэй Чин Баатура один сын... Убаши Эркэ Тайджи.

Сын Эрдэни Джонама... Эркэ Джонам.

Засагту...

12.

У Засагту один сын... Данджин Тойн. Он, возвратившись из Зуу (Тибета. – В. С.), прибыв ко двору джунгарского хана, стал мирянином.

13.

У Данджина два сына, старший... Эркэ Омбо.

Второй сын Данджина... Дуча.

14. →

У Дучи шесть сыновей, старший... Акем.

Второй сын Дучи... Цаган Бэд.

Третий сын Дучи... Яман.

← 14.

Четвертый сын Дучи... Агацаг.

Пятый сын Дучи... Бачи Ходжи. Говорили, что он уехал в Тибет и там сделался монахом.

Шестой сын Дучи... Цэрэнг Джал.

Акэм...

15.

Старший сын Дучи Акэм. У него три сына, старший... *тайджи второй степени* Урангхай.

Второй сын Акэма... Мамад.

Третий сын Акэма... *тайджи четвертой степени* Джанам.

16. →

У Уранхая два сына, старший... *тайджи второй степени* Бадараху.

Второй сын Уранхая... *тайджи четвертой степени* Дагба Яранпал.

У Джанама два сына, старший... *тайджи четвертой степени* Йибан.

← 17.

У Бадараху два сына, старший... Джамйанг Джаб.

Второй сын Бадараху... *тайджи второй степени* Дамба Дүдүгүр. Иных сыновей Бадараху сюда не записали.

Сын Дагба Яранпала... *тайджи четвертой степени* Энгкэ Баяр.

← 16.

Второй сын Джанама... *тайджи четвертой степени* Хогчин.

← 17.

У Йибана один сын... *тайджи четвертой степени* Хабуту.

У Хогчина три сына, старший... *тайджи четвертой степени* Маши Бату. Его также называли Сахабалом.

Второй сын Хогчина... *тайджи второй степени* Багши.

Третий сын Хогчина... *тойн* Сэнггэ.

18. →

У Дамба Дүдүгүра сын... *тайджи второй степени* Лама Джаб.

У Энгкэ Баяра два сына, старший... *тойн* Табаки.

Второй сын Энгкэ Баяра... *тайджи четвертой степени* Бату Мөнгкэ.

← 18.

У Хабуту два сына, старший... *тайджи четвертой степени* Лонгджод.

Второй сын Хабуту... *тайджи четвертой степени* Буян Тегүс.

У Сахабала один сын... *тайджи четвертой степени* Минджуур Дорджи. Имя, под которым он известен, Шонгхолдуг.

19.

У Минджуур Дорджи два сына, старший... *тайджи четвертой степени* Шанджи Митоб.

Второй сын Минджуур Дорджи... *тойн* Ринчин Сангджи (Ринчин Шанггачи).

Цаган Бэг...

15.

Второй сын вышеуказанного Дучи... Цаган Бэг. Его сын... Луузанг Джаб.

16.

У Луузанг Джаба четыре сна, старший... *тайджи первой степени*... Йибан.

Второй сын Луузанг Джаба... *тайджи четвертой степени* Добджуур.

Третий сын Луузанг Джаба... *тайджи четвертой степени* Цойджин Джаб.

Четвертый сын Луузанг Джаба... *тайджи четвертой степени* Шаджин Дэлгэр.

У Убаши один сын... *тайджи* Бадма.

18.

Сын Мандула... *тайджи четвертой степени* Чимэд Дорджи.

Сын Цэбэл Дорджи... *тайджи* Айууши.

Сын Муу Күүкэна... *тайджи* Бал Дорджи.

Сын Шаджин Дэлгэра... *тайджи четвертой степени* Бату.

19.

У Чимэд Дорджи два сына, старший... *тайджи* Гүншари. Имя, под которым он известен, Джаншари.

Второй сын Чимэд Дорджи... *тайджи* Буян Дэлгэр.

У Айууши один сын... *тайджи* Энгкэ.

Сын Бату... *тайджи четвертой степени* Гүмбө.

20.

Сын Гүмбө... *тайджи* Буян.

Яман

15.

Третий сын вышеуказанного Дучи Яман. У него двое детей, старший... Дарджай Убаши.

Второй сын Ямана... Баатур Убаши.

16.

У Баатура Убаши один сын... *бэйсэ* Шара Күүкэн. Когда он принял подданство во время правления августейшего императора Тэнгри Тэдкүгчи, ему было пожаловано достоинство *засаг Учиралту* («счастливый». – В. С.) *бэйсэ*.

17.

У Шара Күүкэна три сына.

Старший... *тайджи второй степени* Цэрэнг Даши.

Второй сын Шара Күүкэна... *бэйсэ* Цэдэнг Дорджи. Имя, под которым он известен, Цонцог.

Третий сын Шара Күүкэна... *бэйсэ* Урту Насун.

18.

У Урту Насуна четыре сына, старший... *бэйсэ* Джигмэд.

Второй сын Урту Насуна... *тойн* Лубзан Джалцан.

Третий сын Урту Насуна... *тойн хубилган* Гэлэг Данджин Зангбо.

Четвертый сын Урту Насуна... Гэлэг Пунцуг.

19.

У Джигмэда два сына, старший... *тайджи второй степени* Радна Базар.

Второй сын Джигмэда... *тойн* Гэлэг Намджил. Имя, под которым он известен, Галзан (*Кэлзэнг*).

Агацаг...

15.

Четвертый сын вышеуказанного Дучи-Агацаг. Его сын... *Билигту* («способный». – В. С.) *цзюнь-ван* Шэрэнг. Когда он принял подданство во время правления августейшего императора Тэнгри Тэдхүгчи, ему было пожаловано достоинство *Билигту цзюнь-ван*.

16.

У Шэрэнга четыре сына, старший... *цзюнь-ван* Цэбэг Джаб.

Второй сын Шэрэнга... *тойн-лама* Лубзан Джалцан.

Третий сын Шэрэнга... *тайджи второй степени* Цэдэнг Дорджи.

Четвертый сын Шэрэнга... *тайджи второй степени* Буян Дэлгэр.

17.

У Цэбэг Джаба пять сыновей, старший... *тайджи первой степени* Банчин Джаб.

Второй сын Цэбэг Джаба... *тайджи второй степени* Джамйанг Джаб. Имя, под которым он известен, Бён Джёй.

Третий сын Цэбэг Джаба... *цзюнь-ван* Сангдаг Дорджи. Имя, под которым он известен, Шомбуджа-ван.

Четвертый сын Цэбэг Джаба... *тойн* Соднам Чойдар.

Пятый сын Цэбэг Джаба... *тайджи второй степени* Йомйэн.

18.

У Банчин Джаба двое сыновей, старший... *тайджи* Вангцуг.

Второй сын Банчин Джаба... *тайджи* Бангджал.

У Джамйанг Джаба три сына, старший... *тойн* Соднам Йондан.

Третий (надо: второй. – В. С.) сын Джамйанг Джаба... *тайджи* Айууши.

19.

У Бангджала три сына, старший... *тайджи* Энгкэ Баяр.

Второй сын Бангджала... *тайджи* Рабдан.

Третий сын Бангджала... *тойн* Ринчин Осор.

← 18.

Третий сын Джамйанг Джаба... *тайджи* Тумэн Баяр.
цзюнь-ван Сангдаг Дорджи...

18.

У Сангдаг Дорджи два сына, старший... *цзюнь-ван* Донроб Дорджи.

Второй сын Сангдаг Дорджи... *тайджи второй степени* Цойраг Джамцуй.

19. →

У Донроб Дорджи четыре сына, старший... *чин-ван гун зэргэ цзюнь-ван* Лэйджи Донроб.

Второй сын Донроб Дорджи... *тойн* Лубзан Джмцуй.

20. →

У Лэйджи Донроба [четыре сына], старший... *тайджи первой степени* Мишиг Дорджи.

Второй сын Лэйджи Донроба... Гүрү Шиди.

Третий сын Лэйджи Донроба... Соднам Дорджи.

← 19.

Третий сын Донроб Дорджи... *тайджи второй степени* Арта Шиди.

Четвертый сын Донроб Дорджи... *тайджи* Нацуг Дорджи.

Сын Чойриг Джамцуя... *тайджи* Тоти.

← 20.

Четвертый сын Лэйджи Донроба... Дайбунг Баяр.

Йомйэн...

18.

У Йомйэна три сына, старший... *тойн* Цүлтөм.

Второй сын Йомйэна... *тайджи второй степени* Айуур Джана.

Третий сын Йомйэна... *тойн* Ринчин Дагба.

Цэдэнг Дорджи...

17.

У Цэдэнг Дорджи два сына, старший... *тайджи второй степени* Дондуг Цэрэнг.

Второй сын Цэдэнг Дорджи... *тойн* Ринчин Джамба.

18.

У Дондуг Цэрэнга двое сыновей, старший... *тойн* Соном Цөрөм. Имя, под которым он известен, Дондуг.

Второй сын Дондуг Цэрэнга... *тайджи* Баяр.

Буян Дэлгэр...

17.

У Буян Дэлгэра три сына, старший... *тайджи второй степени* Уту Насун.

Второй сын Буян Дэлгэра... *тойн* Луузанг Гэндэн.

Третий сын Буян Дэлгэра... (пропуск. – В. С.).

18.

У Уту Насуна три сына, старший... *тайджи второй степени* Луузанг.

Второй сын Уту Насуна... *тайджи четвертой степени* Амбуу.

Третий сын Уту Насуна... *тойн* Нацуг Дорджи.

Цэрэнг Джал...

15.

Вышеуказанный шестой сын Дучи Цэрэнг Джал. У него двое сыновей, старший... Джоно Мамад.

Второй сын Цэрэнг Джала... *тайджи первой степени* Дэлдэш.

16.

У Дэлдэша два сына, старший... *тайджи первой степени* Уту Насун.

Второй сын Дэлдэша... *тайджи четвертой степени* Добджуур.

17.

У Уту Насуна два сына, старший... *тайджи первой степени* Чимэд Дорджи.

Второй сын Уту Насуна... *тайджи четвертой степени* Буян Шири.

Сын Добджуура... *тайджи четвертой степени* Дансүрүнг.

18. →

Сын Чимэд Дорджи... *тайджи первой степени* Удирдаху.

Сын Буян Шири... *тойн* Луузанг Балдан <Джамба Балдан>.

У Дансүрүнга три сына, старший... *тайджи* Цогту.

Сайхан Сүнгэй...

12.

Шестой сын вышеуказанного Эзэнэя-тайши Сайхан Сүнгэй. У него один сын... Шара.

13.

У Шары один сын... Дорджи Джаб.

Изначально существовавшие до них князья от Ван-хана до Буйгу Орлога являются общими родоначальниками (*eṣige*)

князей Старых и Новых торгутов. Старший сын Буйгу Өрлөгә — Зулзуга Өрлөг. Его сын — Хоо Өрлөг. У него было 6 сыновей, старший из которых Шүкүр Дайчинг. В его роду один *хан*; один *чин-ван* в Хобуг Сайире; один *цзюнь-ван* в [подразделении] Табун отог; двое *бэйлэ* в [подразделении] Дүүнэр Эзэнэ (?); один *бэйсэ* в [подразделении] Дүүнэр (?); двое *засак тайджи первой степени* в Хобуг Сайире; младших братьев — один. Среди них были пожалованы в князья-*засаки*, обладающие печатью, десять человек.

Пятый сын Хоо Өрлөгә — Луузан. В его роду был пожалован в княжеское достоинство *бэйлэ* один человек. В роду Онгхон Чабчийачи также были пожалованы в *цзюнь-ваны* один человек, в *бэйсэ* один человек. Всего [у них] тринадцать князей, обладающих печатью.

Поскольку о роде Ван-*хана*, происходившего от совершенного, обладавшего великой мощью Гэрэл-Дара-*хана* и о начальной истории торгутского *хана* и князей подробно написано, и есть жизнеописания и родословные наших торгутских князей, [написанные] собственными родовитыми князьями, то я не ввел [в свое сочинение] многих родственных (*ага degiüi*) *тайджи*, которые не ведут свой род от владетельных князей (князей-*засаков*. — В. С.), обладающих печатью. Хотя имеются старые исторические сочинения, написанные на Волге, но они, будучи написаны раньше, не дают никаких сведений о князьях последующих поколений. Поэтому я добавил сполна [имена] всех князей от начала вплоть до нынешнего времени. Чтобы указать, что нужно знать о братьях и родственниках и сколько между ними дальних и ближних поколений, [я] просмотрел и сличил [сведения] о потомках Рабджура, прибывшего сюда с Волги и принявшего подданство во времена августейшего императора Энгкэ Амугулана, а также потомков князей, сделавшихся подданными (*boyol-du oruysan*) в 36-м году (1771) правления божественного императора Тэнгри Тэдхүгчи, и добавив [имена] ныне живущих, [я] подробно написал обо всех. Поскольку [у меня] мало сведений, чтобы описать потомков

князей, оставшихся на Волге, и потомков князей, откочевавших в Кукунор, то я о большинстве из них не написал.

Подобно этому необходимо написать, что распространение счастья и благополучия обыкновенных князей в этой жизни и в будущем перерождении произойдет, если все они будут жить в согласии и следовать законам религии и государства. Так как из-за отсутствия единства происходят междоусобицы (*ebderel temečel*) и гибнут религия Будды и ханское правление, то необходимо укреплять согласие. В особенности, когда родственники одного происхождения, ведущие свой род от одного предка-родоначальника (*ečige*), будут жить в согласии между собой, присматривать друг за другом и дружить, то еще больше распространятся наивысшее счастье и благоденствие.

Вообще говоря, начиная с хана и князей давнего времени, порядок считать родственниками знатных людей этого брэнного мира таков: семь поколений тех, что начиная с периода стихии «огня» ведет свое происхождение от одного предка-родоначальника, называют «древними поколениями» (*angqan üye*), средние семь поколений называют «средними поколениями» (*dumda üye*), последние семь поколений называют «последними поколениями» (*adaу üye*). Тех, кто не входил в эту тройку из семи поколений, считают дальними [родственниками]. Вот наилучший порядок в этом мире, по которому определяют дальнейшее и ближнее родство.

В мудрых речениях Будды сказано, что в прежние времена в стране Каши голубь, заяц, обезьяна и слон — четверо животных разного происхождения стали жить вместе, считать себя родными братьями, почитать старших и не совершать десять грехов, то в той стране повсеместно под управлением хана значительно распространились благополучие и добродетели (*engke amur buyan jiryal*). Если четверо животных разного происхождения стали вести себя подобным образом, то что и говорить, когда родственные люди (*aqa degüü kümün*) и князья одного происхождения станут жить между собой в согласии.

Поэтому предполагая, что когда князья — братья одного происхождения будут как близкие друзья (*döte inay*) жить в согласии друг с другом, то совокупности счастья, благоденствия и добра станет гораздо больше, [я], рожденный в роду торгутских князей *тойн-гелюнг* Гэлэг Цогдан (1811–1889), известный под именем Эджэй, с одной стороны сопоставив и согласовав, написал эту историю. Пусть будут князья — родственники и братья всегда жить в согласии друг с другом, пусть вера и государство окрепнут, а счастье и благоденствие еще более расцветут!

IV. РОДОСЛОВНАЯ МОНГОЛОВ («ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ МОНГОЛОВ»)

IV.1. Введение

Из историко-литературных произведений на «ясном письме», найденных в Синьцзяне в конце прошлого века, особый интерес представляет сочинение, известное под монгольским названием «Монголын уг эхийн түүх» (*Mongyol-un ug eki-yin teiike* — «Родословная монголов», возможен и другой перевод названия — «История происхождения монголов»). Оно прежде хранилось у простого ойрата-скотовода, проживавшего в уезде *Монгол Хүрээ* в Синьцзяне, а достоянием общестственности стало только в 80-х гг. XX в., после того как обнаруживший рукопись этого сочинения известный историк из Внутренней Монголии Алтан-Оргил опубликовал ойратский текст в выходящем в г. Урумчи журнале «Хан-Тэнгри», в первом номере за 1983 г. Затем в 1985 г. китайские ученые (монголы по национальности) Бадай, Алтан-Оргил и Эрдэнэ опубликовали «Родословную монголов» вместе с другими ойратскими и калмыцкими историко-литературными произведениями в сборнике «Ойратские исторические источники», вышедшем во Внутренней Монголии на старописьменном монгольском языке¹. Данное издание было переиздано на ойратском языке в 1987 г. в Синьцзяне².

В 2001 г. ученый из Монголии На. Сүхбаатар издал это сочинение в Улан-Баторе на монгольском языке, включив его во второй том своего многотомного издания «Источники по истории ойрат-монголов»³. Он снабдил текст источника своими приме-

---

¹ Oyirad teüken surbulji biçig. Badai, Altanorgil, Erdene tayilburilaba. Kökeqota: Öbör Mongxol-un soyol-un keblel-ün, 1985. 442 с.

² Oyirad tüükiyin surbulji biçiq. Ürümçi: Šinjiyang-giyin aradiyin kebleliyin xorō, 1987. 452 с.

³ Ойрад Монголын түүхэнд холбогдох сурвалж бичгүүд – II / Эмхтгэж, тод болон хуудам монгол бичгээс кирилл бичигт буулган, тайлбар хийсэн На. Сүхбаатар. Улаанбаатар: Монгол улсын их сургууль, 2001.

чаниями, призванными объяснить значение отдельных слов и выражений, а также сообщить в кратком виде биографические данные об отдельных персонажах ойратской истории, сведения о знаменательных событиях и отдельных местностях, где происходили эти события.

Хотя это сочинение называется «Родословная монголов», данное название не соответствует его содержанию. Оно полностью посвящено ойратам, главным образом, событиям, связанным с историей Джунгарского ханства (1635–1758). Известно, что после его гибели в Монголии появляются исторические сочинения, авторы которых пытались объяснить, чем была вызвана его столь трагическая участь.

В указанном сборнике в 1985 г. ничего не сказано о самой ойратской рукописи. Ее описание мы находим лишь в пространной статье историка из КНР Алтан-Оргила, в которой подробно рассказывается о трех новых ойратских источниках, в том числе и «Родословной монголов»¹. Вот как он описывает эту ойратскую рукопись: «Она представляет собой книгу монгольского образца (*sudur kelberitei*), написанную на китайской бумаге цинского периода. В ней всего 14 листов (28 страниц), каждый лист имеет нумерацию. Верхняя часть первого листа использована как обложка, на ней написано название книги, нижняя часть 14-го листа не заполнена. Таким образом, текст книги размещен на 27 страницах, буквы написаны тонким тростниковым пером аккуратно и красивым почерком. Длина книги составляет 21 см, ширина — 8,6 см»².

Об авторе «Родословной монголов» и о времени ее написания в самом тексте ничего не говорится, за исключением заключительных слов, помещенных на последней странице: «Написал Дээди, закончив в 14-й день второго месяца года *эр-модон-така* («эр-дерева-курицы») сорок четвертого года [правления] *Албату тёр*»³. Их приводит в своей статье Алтан-Оргил, отмечая, что

¹ *Altanorgil*. Указ. соч. С. 137–141.

² Там же. С. 138.

³ Там же. С. 138.

названная дата ошибочна. По его мнению, слова «сорок четвертого года», как идет в тексте, следует читать как «четвертого», а *Албату төр* — как *Гэрэлтү төр*. Таким образом, получается, что речь идет о 1825-м годе, 5-м годе правления *Төр гэрэлт* (монгольское название годов правления цинского императора Дао-гуана, царствовавшего в Китае в 1821–1851 гг.). Но и эта дата противоречит реальному положению вещей, что видно из содержания самого сочинения. Автор заканчивает «Родословную...», как справедливо отмечает Алтан-Оргил, «описанием событий, случившихся после возвращения торгут-монголов (т. е. волжских калмыков. — В. С.) в 1771 г. на свою родину Алтай из местности Иджил-Зай (имеется в виду Волго-Яицкое междуречье. — В. С.)». По его словам, «год написания этого сочинения — «год дерева-курицы» должен безусловно быть после 1771 г.»¹.

Несмотря на свой малый объем (всего 27 страниц), это сочинение содержит несколько любопытных и ценных фактов, не нашедших отражения в других источниках. По своему содержанию оно может быть разделено на 10 небольших разделов, как это сделал в своем предисловии На. Сухбаатар. Он назвал их *бүлэг мэдээ* (букв. «отдельные известия»):

1. Монгольское государство берет начало из Индии и Тибета.
2. Завещание Чингис-хана и Хубилай-хан.
3. О том, как первоначально сформировались дурбэн-ойраты.
4. О решении Дурбэн-ойратского съезда (чулгана) защищать желтую веру.
5. Галдан Бошогту — перерожденец (хубилган) Энсэ-хутугты.
6. О том, как объединенное войско (*их цэрэг*) дурбэн-ойратов завоевало Кукунор и Тибет.
7. О том, как после убийства хана Сэнгэ Галдан отказался от духовного звания и стал ханом.
8. О том, как Галдан Бошогту распространял религию у ойратов.

---

¹ Там же. С. 138.

9. О создании «ясного письма» и о рабджамбе Зая-пандите Намкайджамцо.

10. О том, как рассорился Галдан Бошогуту с Цэцэн-ханом.

11. О том, как хошутский лама по имени Начин-Онбо, сделав ложное пророчество (предсказание), побудил Галдана начать войну, и тот растратил свои силы.

12. О том, как Цэван-Рабдан и Галдан-Цэрэн занимали ханский трон и распространяли религию.

13. О том, как между князьями дурбэн-ойратов [началась] междоусобица (*дайн самуун*), и они были завоеваны маньчжурами.

14. Краткое сообщение о том, что храм, построенный по приказанию Галдана Бошогуту в несоответствующем месте (*буруу газар-ту*), разрушился¹.

Если судить о содержании данного сочинения, то его можно охарактеризовать как историко-хронологическое, причем видно, что симпатии автора находятся на стороне хошутских князей. Все это позволило Алтан-Оргилу предположить, что написавший его Дээди был «писарем какого-то хошутского хошуна или сомона в Синьцзяне»², то есть светским человеком, выходцем из среды монгольского чиновничества Цинской империи, родовитого или неродовитого. Мы имеем дело со светским сочинением, но в то же время имеющим религиозно-клерикальную окрашенность, мифологичность, свойственную произведениям монгольской буддийской историографии.

Со времени «второго обращения» монголов в буддизм и зарождения феодально-буддийской историографии (вторая половина XVI – начало XVII в.) в Монголии утвердилась основанная на общей религии практика связывать историю своей страны с историей Тибета и Индии. Поэтому автор начинает свое повествование с утверждения о том, что «исконное Монгольское

¹ Ойрад Монголын түүхэнд... II. С. 122.

² *Altanorgil*. Указ. соч. С. 138.

государство есть ветвь (*salara*) Тибетского государства. Тибетское государство есть ветвь Индийского государства»¹.

Далее следует крайне невнятное изложение событий, имевших место после смерти основателя буддизма Будды Шакьямуни. Дээди, согласно традиции, переходит к личности Чингис-хана к якобы оставленному им завещанию. Здесь приводимые им сведения также отличаются неточностью и расхождением с реальной хронологией событий. Показателен в этом отношении следующий фрагмент «Родословной»: «Владыка Чингис вел войну и покорил минского хана Китая (на самом деле императора династии Сун. — В. С.). На драгоценном золотом берилловом троне минского хана владыка Чингис [и его потомки] сидели ханами на протяжении пятнадцати поколений. Печать владыки [Чингиса] создалась сама собой из яшмы драгоценных печатей»².

В своем завещании внуку Хубилаю Чингис-хан будто бы обещал снова вернуться к жизни и занять ханский трон, чтобы «способствовать процветанию государства и религии». По словам источника, в его намерение в будущем входило желание «загнать [носящих] белые головные уборы (*ᠰауан малуай-уи*, т. е. чалму, имеются в виду мусульмане) в края, которые глаз [человеческий] не видел». Анахронизмом является и упоминание о существовании Ханских Восьми белых юрт³, куда был доставлен «золотой пояс» умершего хана, и сообщение о его внуке Хубилае, рожденном в 1215 г. и ставшем хранителем Шести хошунов монголов. Упомянутые здесь события произошли гораздо позднее.

Помещенный в «Родословной» рассказ о дурбэн-ойратах, несмотря на свой фрагментарный характер, может служить еще одним свидетельством в пользу положительного разрешения спорного вопроса о существовании Дурбэн-ойратского союза.

¹ Оуирад теүкен... С. 306; Ойрад Монголын түүхэнд... II. С. 123.

² Оуирад теүкен... С. 306; Ойрад Монголын түүхэнд... II. С. 124.

³ *Восемь белых юрт* — название местности в Ордосе, где хранились реликвии Чингис-хана, в том числе его знамя, «в которое вошла, по верованию монголов, его душа» (Владимирцов Б.Я. Указ. соч. С. 145).

Эта тема довольно подробно освещалась в исторической литературе, но недостаток письменных источников долгое время не позволял внести определенную ясность в чрезвычайно темный и запутанный исследователями вопрос об этническом составе этого союза¹. Сведения, содержащиеся в рассматриваемом сочинении, относятся, по нашему мнению, к среднему периоду существования союза западномонгольских (ойратских) кочевых объединений, предшествовавших образованию Джунгарского ханства в 1635 г.

Изложение материалов в «Родословной» тематически не связано друг с другом и носит фрагментарный характер. Как можно видеть из содержания этого источника, основная часть содержащихся в нем сведений так или иначе относится к событиям, имевшим непосредственное отношение к Джунгарскому ханству и его правителям. В описании деятельности тех из них, кто способствовал распространению (а то и насаждению сверху) буддизма в Джунгарии, строил монастыри, принимал у себя тибетских иерархов, заметно влияние буддийской феодально-клерикальной историографии и стремление автора объяснить многие события с позиции «желтошапочной» религии, утвердившейся среди ойратов.

К сожалению, автор предельно краток в описании событий и действующих лиц, сыгравших видную роль в истории Джунгарского ханства. Говоря о последних, он ограничивается простым упоминанием некоторых из них, в лучшем случае сообщает об их покровительстве религии и строительстве монастырей. Лишь нескольким персонажам ойратской истории он отводит гораздо больше места в своем повествовании и, что важно, при этом приводит интересные факты, которые не встречаются в других ойратских письменных памятниках. Его сообщения приобретают особую ценность там, где под буддийскими мотивами и стерео-

---

¹ Санциров В. П. К вопросу о Дурбэн-ойратском союзе // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста, 2013. № 2. С. 7–12.

типами поведения в них присутствует отражение вполне реальных исторических событий. Здесь автор обнаруживает себя как историограф, и особенно проявляется авторское начало, когда он рассказывает о трех исторических личностях — Энсэ-хутухте, жене джунгарского правителя Баатура-хунтайджи Юм-Ага и его сыне Галдане Бошогу-хане.

Первому из упомянутых суждено было сыграть в первой половине XVII в. важную роль в распространении буддизма среди ойратов. Как представитель буддийской церкви он под именем Инзан-римбочи фигурирует в числе трех святителей-хутухт во вводной части «Великого уложения», принятого на знаменитом съезде монгольских и ойратских князей 1640 г.¹ Из нашего источника мы узнаем некоторые подробности его биографии. Здесь он назван выходцем «из рода главного ученика и важного сподвижника Бурхан-багши (т. е. Будды Шакьямуни)».

Когда в Тибете разгорелась религиозная война между сторонниками «красношапочной» и «желтошапочной» школ тибетского буддизма, то руководители «желтошапочной» школы Гелуг, терпя поражение, приняли решение обратиться за помощью к ойратским князьям. Они тайно снарядили и отправили посольство к своим приверженцам — правителям Джунгарии. Как сообщает автор «Родословной»: «Ламы — хранители Учения и ламы из [монастыря] Брайбун во главе с Панчен-ламой и Далай-ламой послали Энсэ-хутугту, сказав [ему]: “Будет правильно, если ты отправишься в путь. На востоке есть страна, где живут дурбэн-ойраты. Им суждено возродить там желтую религию Дзонхавы. Отправляйся [к ним] и скажи их ханам, чтобы они содействовали возрождению желтой религии”»². Энсэ-хутугта выступил на съезде ойратских князей, и те после обсуждения просьбы тибетских иерархов о помощи постановили отправить в Тибет объединенное войско дурбэн-ойратов под командованием

---

¹ Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. М.: Наука, 1981. С. 13.

² Oyirad teüken... С. 308; Ойрад Монголын түүхэнд... II. С. 130.

хошутского правителя Гуши-хана. В ходе военной кампании 1636–1637 гг. ойратам удалось разгромить войско восточно-монгольского князя Цогту-тайджи, сторонника «красношапочной» секты, и овладеть Кукунором. Это в дальнейшем помогло завоевать весь Тибет и установить в нем власть Далай-ламы и «желтошапочной» школы Гелуг¹.

О том, что Энсэ-хутугта был весьма влиятельным лицом, свидетельствует и рассказ о нем в «Биографии Зая-пандиты», где сообщается, что в 1639 г. он председательствовал на съезде духовенства и знати во время освящения субургана и там пожаловал недавно вернувшемуся из Тибета Зая-пандите титул *Рабджамба-хутугта*².

Весьма примечателен помещенный в рассматриваемой нами «Родословной» рассказ о том, как Галдан, сын джунгарского правителя Баатура-хунтайджи, стал перерожденцем (хубилганом) Энсэ-хутугты. Сообщается, что, когда он, выполнив свою миссию при джунгарском дворе, собрался вернуться в Тибет, то Батур-хунтайджи и другие ойратские князья «оказали ему большие почести и сделали подношение». Тогда-то произошло следующее событие: «Когда [Энсэ-хутугта] уезжал, то пришла [супруга Баатура-хунтайджи] Юм-ага и, держась за стремя [его лошади], сказала: «У меня [только] один сын, пожалуйста мне еще одного сына». На это [Энсэ-]хутугта ответил: «Я — монах, отрешившийся от мирской жизни. Я не могу родить сына». Тогда Юм-ага попросила: «Раз уж Вы, будучи монахом, не можете родить сына, то, поскольку Вы уже преклонного возраста, не могли бы Вы [после своей смерти] переродиться во мне в образе [моего] сына?». [Энсэ-]хутугта согласился, [как] говорят, и ответил: «Пусть будет так». Говорят, что, возвращаясь [домой], он скончался в Тибете. В том же году [1644 г.] Юм-ага забеременела и через девять месяцев родила сына. Тот сын и стал известен как перерожденец Энсэ-хутугты»³. Из этого отрывка мы узнаем год

¹ Санциров В. П. Начало вхождения калмыков... С. 296–299.

² Норбо Ш. Указ. соч. С. 42

³ Oyirad teiken... С. 308; Ойрад Монголын түүхэнд... С. 131.

смерти тибетского святителя и год рождения Галдана, будущего Бошогту-хана (правил в 1671–1697 гг.).

Юм-ага (*Йүмү-Ага; ага* — титул знатной женщины) — одна из пяти жен джунгарского правителя Батура-хунтайджи — была, как сказано в «Родословной», дочерью торгутского тайши Шүкүр-Дайчина и матерью двух прославленных сыновей — Сэнгэ и Галдана, последовательно занимавших трон правителей Джунгарского ханства. Она славилась своей красотой, память о которой сохранялась здесь, на Волге, даже спустя полтора столетия, о чем сообщает монголист середины XIX в. Ю. С. Лыткин, известный своими переводами ойратских и калмыцких сочинений. По словам его калмыцкого информатора, Юм-ага наряду с тремя другими знатными женщинами была у ойратов такой красавицей, «каких теперь нет»¹. Ю. С. Лыткин, основываясь на данных «Биографии Зая-пандиты», поместил рассказ о ней в разделе «Ойратские красавицы XVII века» в своих «Материалах для истории ойратов»², где ошибочно указал, что она была дочерью Хо-Урлюка. На самом деле она была его внучкой³, на что указывает и издатель «Биографии Зая-пандиты» Ш. Норбо⁴. О ней говорится и в «Истории дурбэн-ойратов» калмыцкого историка Габан Шараба⁵. Будучи знатного происхождения, рожденной и воспитанной при дворе торгутских правителей, Юм-ага, помимо своей замечательной красоты, обладала еще твердым и решительным характером и пользовалась, судя по всему, большим влиянием при дворе джунгарских правителей. Об этом свидетельствуют приведенные в рассматриваемом нами

---

¹ Лыткин Ю. Материалы для истории ойратов // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969. С. 99.

² Там же. С. 99–102.

³ Норбо Ш. Указ. соч. С. 201.

⁴ Там же. С. 226.

⁵ Габан Шараб. Сказание об ойратах // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе / Сост. А. В. Бадмаев. Элиста, 1969. С. 149, 152

сочинении факты, которые не встречаются в других ойратских источниках.

Известно, что после смерти Батура-хунтайджи в Джунгарском ханстве разгорелось острое соперничество за обладание ханской властью между его старшими сыновьями, Сэцэном и Джодба-Батуром, рожденными от жены-киргизки незнатного происхождения, и Сэнгэ, за спиной которого стояла его мать Юм-ага. Ее младший сын Галдан находился в это время в Тибете, где, будучи духовным лицом высокого ранга — хутугтой, мог занять престол настоятеля одного из трех крупных «желтошапочных» монастырей, основателем которого был Дзонхава.

Юм-ага, первой узнав об убийстве Сэнгэ одним из его старших братьев, немедленно предприняла активные действия, чтобы наказать убийцу и сохранить ханский престол за своим младшим сыном. В «Родословной» сказано, что она, «призвав к себе зайсангов во главе с Маха-илдүүчи, сообщила им [об убийстве]», а те «пошли войной» на убийцу, и «ханшу-киргизку с ее сыном судили и казнили»¹. С согласия второго влиятельного правителя в ханстве, хошутского Очирту Цэцэн-хана, Юм-ага отправилась в Тибет, где «совершила поминальные службы в четырех [главных] монастырях желтошапочной религии, у двух гэгэнов (т. е. у Панчен-ламы и Далай-ламы. — В. С.), у двух хранителей Учения — чойджинов и у других»². После этого она сказала Галдану: «Твои племянники — малолетние [дети], твоя страна не имеет правителя. Оставь престол [настоятеля монастыря], надень халат с рукавами (т. е. вернись к мирской жизни. — В. С.), поезжай и займи свой [ханский] трон»³. Галдан не стал противиться воле матери и обратился к высшим тибетским иерархам, Панчен-ламе и Далай-ламе, с просьбой разрешить ему сложить с себя духовный сан и вернуться к себе на родину в Джунгарию, где он занял ханский трон.

¹ Ouyrad teüken... С. 310; Ойрад Монголын түүхэнд... II. С. 134.

² Ouyrad teüken... С. 310; Ойрад Монголын түүхэнд... II. С. 134, 135.

³ Ouyrad teüken... С. 310; Ойрад Монголын түүхэнд... II. С. 135.

Галдан правил страной в 1671–1697 гг. и вошел в историю как национальный герой ойратского народа, до конца отстаивавший свободу и независимость всей Монголии. Его стремление создать сильное централизованное государство ойратов объективно мешало правительству Цинской империи проводить экспансионистскую политику в Центральной Азии. Галдан стремился объединить под своей властью всех ойратов и монголов, что побудило его вмешаться во внутренний межфеодальный конфликт в Халхе. В 1690 г. на стороне противников Галдана выступила Цинская империя, и в войне с джунгарами 1690–1697 гг. ее войска нанесли поражение Галдану, который вскоре умер.

Отсюда и крайне враждебное отношение к Галдану, отмечающееся в цинских источниках. «Почти в каждом китайском источнике, — пишет историк из Внутренней Монголии Алтан-Оргил, — о Галдане Бошогу-хане говорится следующее: Галдан, когда был ламой, не соблюдал монашеских обетов. Вернувшись на родину, он убил своего старшего брата. В борьбе за ханский престол он погубил своего тестя (т. е. хошутского Очирту Цэцэн-хана. — *В. С.*) и был жестоким и решительным человеком, представлявшим угрозу для Цинской империи»¹.

Сказанное выше о Галдане не вполне согласуется с фактами реальной истории. Собственно ойратские источники совсем по-иному трактуют перечисленные события, что дает возможность исследователям сформировать собственный объективный взгляд на них и получить представление, приближенное к тогдашней исторической действительности. Если принять во внимание версию событий, изложенную в «Родословной», то обвинение Галдана в убийстве его старшего брата лишено всяких оснований, так как Галдана в это время не было в Джунгарии. Наш источник не подтверждает и сообщения китайских авторов о том, что Галдан расправился с хошутским Очирту Цецен-ханом, на дочери которого он был женат, и полностью подчинил себе его владения.

---

¹ *Altanorgil*. Указ. соч. С. 140.

Конфликт между ними произошел тогда, когда политика централизации, проводимая джунгарским правителем, стала вызывать противодействие со стороны крупных ойратских феодалов. До этого возглавлявший хошутскую группировку Очирту Цецен-хан был союзником отца Галдана, Баатура-хунтайджи, и его старшего брата Сэнгэ. Вот что сообщает об этом конфликте и о дальнейшей судьбе Очирту автор «Родословной»: «Когда Бошогту-хан занял ханский трон после Сэнгэ, то между ним и хошутским Цэцэн-ханом произошел разлад. Мобилизовав войска, они сразились на [реке] *Өлзийтү-Бом* в [окрестностях] *Сайрама*. Так как войско Бошогту-хана нанесло поражение войску хошутам, то [реку] *Бом* называли *Өлзийтү-Бом* (букв. «счастливая Бом». – В. С.). Цэцэн-хан настоятельно попросил, сказав: «Так как местность *Хурдун Күрээсүчин*, ограждая [меня] от людей, будет для меня благодетельной, я буду иметь попечение о ней достойным образом до самой своей старости и кончины». Бошогту-хан, говорят, отдал Цэцэн-хану местность *Хурдун Күрээсүчин*, а другую часть [его владений] сделал своими, распределив между всеми кочевьями. <...> Цэцэн-хан скончался в [местности] *Бэджэй*»¹.

Произведения традиционной монгольской историографии (включая и сочинения калмыцких авторов, Габан Шараба и Батур-Убаши Тюменя) отличаются, как правило, компилятивным характером, чего нельзя сказать о «Родословной монголов». Оно было уже создано в то время, когда, по словам современной исследовательницы А. Д. Цендиной, «на смену компилятору в монгольской летописной традиции приходит историограф и историк. Это выражается в том, что авторы начинают цитировать и критически оценивать сведения источников, анализировать события, давать им свое объяснение, описывать мотивы тех или иных исторических событий и действий героев»².

¹ Оуирад теүкен... С. 312; Ойрад Монголын түүхэнд... II. С. 139, 140.

² Цендина А. Д. Монгольские летописи XVII–XIX веков: повествовательные традиции. М., 2007. С. 107.

Авторское начало у Дээди выражается в том, что он описывает главные события и мотивы действующих лиц через призму буддийского мировоззрения. Правители ойратов — Галдан (1671–1697), Цэван-Рабдан (1697–1727) и Галдан-Цэрэн (1727–1745) — выступают у него как активные религиозные деятели, строившие в своем государстве храмы и монастыри, открывавшие религиозные факультеты-дацаны, наделявшие духовные управления (*ḡisa*) подразделениями *албату* — феодально-зависимых рядовых кочевников. В то же время оценка деятельности Галдана в «Родословной» дана с позиции его противников — хошуттов, с позиции тех, с кем он боролся и воевал.

Вот как объясняются в этом сочинении вмешательство Галдана в междоусобный конфликт в Халхе и его поражение в ойрато-цинской войне 1690–1697 гг.: «Хошутский гэлүн по имени Тоголта-рабджамба прибыл в [местность] *Күрдэм*, чтобы встретиться с Начин-Омбо и, питая ненависть к Бошогу(-хану), попросил его: «Не можешь ли ты довериться [мне] и выслушать мои слова? Так как Бошогу(-хан) подорвал авторитет нашего хошутского хана, рассеял его владение (*nutux*), то, чтобы отомстить ему за это, когда станешь предсказывать ему будущее, сделай ему ложное предсказание. Погуби множество приближенных к нему князей и родственников, побуди его вступить в войну с обладающей мощью чужеземной страной и лиши его силы»¹.

Поступив так, как предсказывал ему тибетский лама, выступивший в роли оракула, джунгарский хан в ходе войны «изгнал четырех ханов Халхи и заставил их бежать в Китай». Затем, руководствуясь предсказанием о том, что ему суждено «стать верховным ханом всех китайцев и монголов», Галдан двинулся со своим войском на Китай, где потерпел сокрушительное поражение. Как утверждается в «Родословной», «немногие [джунгары] бежали [из Китая], а он сам окончил свою жизнь на Алтае»². Эта весьма упрощенная версия событий сильно расходится с подлинной историей рассматриваемого периода, известной нам по работам

¹ Oyirad teüken... С. 313; Ойрад Монголын түүхэнд... II. С. 140.

² Oyirad teüken... С. 313; Ойрад Монголын түүхэнд... II. С. 140.

современных исследователей — И. Я. Златкина, Е. И. Кычанова, Ш. Б. Чимитдоржиева и др., написанных на основании данных русских, монгольских и китайских источников¹.

Тем не менее сведения, содержащиеся в «Родословной», представляют определенный интерес для изучения не только исторического процесса, но и развития исторических знаний, в которых отразилось мировоззрение ойратов. Согласно показаниям данного источника, можно говорить о бытовании среди ойратских правителей *мантики* (от греч. *mantike* — «искусство прорицания»), т. е. системы гаданий и прорицаний, призванной не вызывать желаемые последствия, а узнавать об их наступлении или ненаступлении. Такой пласт человеческих суеверий, заблуждений и предрассудков, сохранивший свое влияние в тибетском буддизме, восходит к древним шаманистским верованиям. Он присутствовал, как видим, также в мировоззрении ойратов и определял их отношение к происходившим событиям. Отсюда и то влияние, каким пользовались у них тибетские священнослужители, выполнявшие функцию жрецов-ясновидцев, оракулов, раскрывающих тайны бытия, предсказывающих будущее, выбирающих подходящее место для строительства храмов и монастырей.

С позиции своих суеверных представлений автор «Родословной монголов» объясняет даже гибель Джунгарского ханства в 1755–1758 гг. под ударами войск Цинской империи. Это произошло будто бы потому, что во время правления джунгарского хунтайджи Галдан-Цэрэна (1727–1745) два больших храма и субурган были построены «в местах, пользующихся дурной славой (*тауи nere-tei уајар-ту*)». Он пишет: «Из-за этих двух храмов появилось большое зло: жизнь Галдан-хана оказалась короткой, [его] государство и религия пришли в упадок»².

¹ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М., 1964; Кычанов Е. И. Повествование об ойратском Галдане Бошоктухане. Новосибирск, 1980; Чимитдоржиев Ш. Б. Антиманьчжурская освободительная борьба монгольского народа (XVII–XVIII вв.). Улан-Удэ, 1974.

² Ouirad teüken... С. 317; Ойрад Монголын түүхэнд... II. С. 146.

Из-за многочисленных ошибок и неточностей в изложении реальных фактов, искаженной передачи имен, даже имен джунгарских правителей (Цаган-Рабдан вместо Цэван-Рабдан, Галдан-Сэцэн вместо Галдан-Цэрэн), данное сочинение нуждается в перепроверке и сопоставлении содержащихся в нем данных с другими источниками. Однако некоторые, мимоходом упомянутые его автором сведения заслуживают быть принятыми во внимание. Например, представляет интерес его сообщение об отсутствующих в других сочинениях обстоятельствах получения джунгарским правителем Цэван-Рабданом титула *хунтайджи*. Хотя, казалось бы, он должен был как преемник Галдана унаследовать ханский титул, но вместо него титул хана правительство Далай-ламы, которое возглавлял регент Санджай-Джамцо, пожаловало правителю волжских торгутов Аюке. После этого, как утверждается в «Родословной монголов», «Аюка-хан, услышав, что Цаган-Рабдан (Цэван-Рабдан. — В. С.) создал [собственный] джунгарский нутуг, отправил в жены Цаган-Рабдану свою дочь Сэтэрджаб в сопровождении пятисот кибиток и пожаловал ему титул *Чин-Зоригту-хунтайджи* (букв. «непоколебимый и смелый хунтайджи». — В. С.)»¹. Именно под именем Зоригту-хунтайджи правитель Джунгарского ханства Цэван-Рабдан (1697–1727) выступает в сочинениях калмыцких историков Габан-Шараба и Батур-Убаши Тюменя².

В свете вышеизложенного данное сочинение не может претендовать на роль объективного источника, поскольку реальные факты подверглись в нем интерпретации автором в духе буддийской религиозной традиции. Вместе с тем в изложении автора в нем находят отражение имевшие место подлинные исторические события. А это дает возможность видеть их глазами современников, понять логику действия людей прошлого в соответствии с обстоятельствами их жизни, их отношением к действительности.

---

¹ Oyirad teüken... С. 313–314; Ойрад Монголын түүхэнд... II. С. 141.

² Калмыцкие историко-литературные памятники... С. 25, 36, 37, 144, 149–151, 153, 154.

IV.2. Транслитерация

Mongyol-un уу еки-yin törü Töbed törü-yin nigen salaγ-a //
Töbed törü inüsekü törü-yin nigen salaγ-a, ene jabsar-tu edüi törü bayina //

Šayjamuni burqan nirvan boluγsan šir-a quluγana jil-ača nige mingya naiman jayun qorin nigen jil boluγsan qoyin-a, Udayana qaγan-u üy-e basa Udayana gejü ergümjileged, qolaki törü-yin qamtu dayilaγu darulcaγad Indu törü-yi önggereged, dededü tal-a Yerölüng Jangdung-un yaγar-tu časun ayula-du kürüged, Yerölüng uran boluγsan tegün-ü qoyadaγči köbegün Tusar jüyil-ün törügsen boluγad, olan önggeregülüged qaγan bolyaba //

Činggis qaγan čayan morin jil aji törügsen-eče naši, qoyar jayun dalan jil Činggis qaγan širege tedküged qoyar jayun nayan jil boluγsan // Činggis ejen Kitad-un Ming qaγan-i dayilaγu dayayuluγad, Ming qaγan-u erdeni altan binduriya širege-yi Činggis ejen arban tabun üy-e-dü qaγan sayuγsan // Ejen-ü tamaγ-a, erdeni tamaγatan-u qas dotor-a-ača öber-ün aγar-iyar bütüjü γaruγsan //

Ejen boyda noyirsuqu čay-taγan, Qubilai gegči ači-taγan šilideg čerig öggüged: «Minu küriy-e-yi minu ariγun sayin qadaγala» gejü ači-daγan jakiγad, jarliγ boluγsan ni: «Dakiγu namayi seriged qaγan širege-yin tedkükü čay-tu mini Mongyol-un qaγan küsegsen küsel-i ni qangyaγu, törü šajin qoyar-i badaraγu jiryaqu qubi bayina // Tere čay-tu, ere kümün büse-ben tayilaγu, ere morin šilüsün qanču-yin γuur-un činegen bolona: čaγan malaγai-yi nidun-du üjegdeši ügei yaγar-tu kögegejü yabuγuluna bi» Altan büsü-yi qaγan-tu naiman örüke ger-tü kürün, Qobula jirγuγan qošiγud Mongyol qadaγalaγsan bayina //

Dörbed Oyirad kemekü Qošiγud, Torγud, Dörbed, Jägün γar eden nigen Oyirad; Tümed, Qoyid, Batud eden nigen Oyirad; Baryu, Buriyad eden nigen Oyirad; Büris, Barman, Geliged, Jiliged, Baryu (Burad) [Buriyad]-tu qariyad gedeg; Ür Mongyol gegči nigen Oyirad bolona uu? Yaγakina šinjilekü //

Qošiγud qaγan Qongγor, Qoyid Esilbei-yin Sayin Kiya. Šikür Dayičing, Jägün γar Qara Qula ene dörben üye // Šikür Dayičing-un keüken Yum Aγa, Noyan Qongγor-un qatun mön, Noyan Qongγor-un

qalqan ügüi bolyasan // Qoşıyud Bayıbaşas, Vçir oroçıy qayan, Güşi qayan, Buyan Odqu, Kündelen Ubaşi eden bügedeger Yum Aya-yi keükeçileju, Bayatur qung tayiji-du jalaysan // Yum Aya-aça köbegün Sengge, Boşoytu qoyar // Boşoytu qutuytu mön geju aldar boluysan //

Tangyud ulayan-u-yi küçün derelkiju şira-yin dörben keyid-ün quvaray-i kögegeju yarayasan-du Bançin Erdeni, Dalai blama terigülüged blama çoyijung Berbeng bügedeger Ense qutuytu-yi çi odqu jöb-tei mön // Jägün jüg-tü Dörben Oyirad kemekü nutug bui // Tende Dsongkaba-yin şir-a-yin şajin-i ergüju sergügekü qubi teden-dü bui // Çi odçu teden-ü qayad-tu kelejü şir-a-yin şajin-i sergegülge geju ilegegsen-dü, Oyirad-tu ende iregsen mön geju keledeg bui // Ense qutuytu Oyirad-un qayad-un yeke çiyulyan-du kelegesen-dü jöbşiyeged yurban miyun çerig morday-a geju kelelçegesen-du qutuytu yeke bayasçu qariqui jabduysan çay-tu, tere qayad yeke kündüleju takil ergügsen mön // Bayatur qung tayiji kündüleju takil ergüged, mordaqu çay-tu Yum Aya Ense qutuytu-yi döröge-eçe bariyad: «Ғayça köbegün-tei bi, nige köbegüü qayiralaytun» geju iregsen-dü qutuytu-yin jarliq: «Bi ger-eçe ger ügei-dü yaruyasan gelüng mön // Bi köbegüü ögçü čidaqu ügei //» Tere çay- tu qatun-u jarliq: «Ta gelüng boluyad köbegüü ögçü ese čidabasu, tan-u nasun kögşin bayına, nada köbegün bolju töröju eše bolqu uu?» geju ayiladqaysan-du, qutuytu: «Bolona» geju jöbşiyejü jarliq boljai gedeg // Qutuytu jalaraju qariyad Barayun tala jalaraju yabuyad tariyalang tayilbai gedeg // Tere jil [1644 on]-du Yum Aya-du üren oldaysan, yisün sara güyiçeged köbegün yarayasan, tere köbegün-i Ense qutuytu-yin qubilyan geju kelelçejü aldar boljai //

Turban miyun çerig qoşıyulju mordaysan Güşi qayan, Bayatur qung tayiji, Mergen jinong, Songyorjab Bayatur tayiji dörben, ulayan-u Amdu-yin Luujang çoytu qayan, Uu-yin Beri qayan, Čang-un Čangba qayan ene yurban-i doroyiçayulju // Egün-dü, Güşi nom-un qayan qayan şiregedü şayuju ulayan-u şajin-u küçün-i dooratuyulju, Dsongkaba-yin kkir ügei şir-a-yin şajin-u küçün-i degeredegülju; Bançin Erdeni-dü ayula-yin yeke boyda blama yeketen-ü čola «Boyda boltuyai» geju čola ergügsen, usun-u yeke Dalai blama münden-ü čola.

«Dalai blama boltuγai» geǰü čola ergügsen; «ta qoyar terigüleged olan qutuγtu nar kkir ügei šir-a-yin šajin-i delgeregüligtün» geǰü ĵakiγsan // Lama čoyijung, Berbeng čoyijung qoyar-tu «kkir ügei šir-a-yin šajin-u qaγačaqu šiltayan yegüdger qamuγ-i amurliyulun sakiγtun» geǰü šajin-u sakiγusu daγaγalγaysan geǰü keledeg // Tegeged, Güši-i Nom-un qayan Töbed-ün qayan-u širege-dü sayuγsan //

Bayatur-qungtayiji, Mergen-ĵinong qoyar čerig-iyen daγaγulun qariqu čay-tu, Güši-yin ĵarliγ-aca: «Širγolĵin metü olan Tangγud-un dotor-a, γayča bi yayakiĵu sayuqu bi, ta qoyar qariγad minu qubi albatu, basa nököd bolqu ulus-i ilegegtün» geǰü ĵakiγsan-du, tere qoyar ende nutuγ-tu qariĵu ireged, Sečen qayan terigüten-dü kelegesen-dü ĵobšiyejü, Güši-yin albatu degere Qošiγud Buyan Otqu, Kündülen Ubaši köbegün-tei albatu-tai-yi ni Torγud Mergen ĵinong köbegüü-tei albatu-tai-yi ni, Bayatur Ubaši tayiji öber-ün köbegün, Önöčin Šečen-i köbegüü-tei albatu-tai-yi ni, basa Rabĵamba qutuγtu Jegün γar Bošoγtu Mergen blama qoyar, Torγud Nomtu-yin blama terigüleged tabun ĵayun köbegüü ilegebei gedeg // Teden negüged Köke naγur-tu nutuγlayısan Köke naγur Qošiγud geǰci tede gedeg // Burqan bayši-yin serigün čay-tu bayıγsan yeke šarvag čiqula nökül-ün töröl-ün Ense qutuγtu geǰü aldaršiyısan // Tegün-ü qubilγan Bošoγtu geǰü aldaršiyısan šiltayan tegün-iyer keledeg // Bošoγtu Barayun tala surγayuli-du mergeĵiged Ense qutuγtu-yin qubilγan-du aldaršin, Dsongkaba-yin širege-dü sayuγsan yeke blama mön //

Bayatur-un širege-dü Sengge sayuγsan // Bayatur tabun qatun-tai, Burud qatun-u köbegün Sengge-tei oyičiyulĵu öšiyerkeged, Sengge-yi oron dotora ni bariγad ügei bolγaysan-i Yum Aya örlöge boscu ireged Sengge-yi ügei bolγaysan-i üjegeged: «Morin üker biši, kümün-i eyimü yayuma bolγadaγ bau?» geǰü keledeg Qošiγud Sečen qayan tal-a elči ilegeged, basa γurban qan-yin köbegün degüüner tal-a ni elči, Maqa ildügüči terigüten ĵayıšang-ud-i daγudaγulĵu kelegesen-dü, tede bügüde sonoscu aγurlayad čerigleĵü mordayad, Burud qatun köbegüü-tei-yi ni bariĵu abcu ireged ĵalqayaĵu ügei bolγabai //

Basa Yum Aya Sečen qayan-du ireĵü ĵolyaĵu kelegesen ni: «Sengge-yin yeke köbegün Sodnam Rabdan, darayaki köbegün

Čayan Rabdan, otqan köbegün Dejüng yurbayula-ban nasun ni baɣa, nemen unayan künesü selbiǰü Barayun tal-a ilegegtün // Bi Juu-du mörgüged, qoyar gegen-dü baralqaju, Sengge-yin nom kine bi» geǰü kelegesen-dü jöbšiyeged ilegegsen // Barayun tala kürüged šir-a-yin dörben keyid-tü, qoyar gegen, qoyar čoyijung terigüten nom buyan kiǰü tegüsgeged, köbegün Bošoɣtu-du: «Ači nar čini baɣa nutuɣ čini eǰegüi // Širege-eče baɣuɣad, qančui-tu debel emusüged, [qayan] širege-ben očiǰu tedkü» geǰü yurban üye čingyalaǰu ereǰü kelegesen-dü, eǰi-yin jarliɣ nuɣulǰu ülü bolqu tula kündüleǰü sanayad Boyda čoyiǰi, baɣa Dalai blama qamuɣ-i ayiladduɣči tabuduɣar Ğabang Lubdzangǰamsu-du ayiladqaysan-du, teden eke-yin ünen-i jöbšiyejü (ayiladqaysan) [ayiladduysan]-du, Bošoɣtu širege-eče baɣuǰu qančui-tu debel emüsügsen geǰü keledeg // Tegeged, eke-tei-ben ende qutuɣtu qariǰu ireged, qayan širege-ben tedkügsen geǰü keledeg //

[Bošoɣtu] Barayun tal-a-ača irekü čay-tu-ban qoyar čoyijung-du ayiladqaysan üge ni: «(Mini) [minu] nutuɣ jaqa kiǰayar tertege buruɣu nomton olan-u tula, namayi jalbariǰu jalaqu čay-tu ireǰü bolona uu ügei uü?» geǰü ayiladqaysan-du jöbšiyereǰü «bolona» gesen-dü, «Qošiyud nige ubaši-yi ene kürdem-dü bolǰu bolona uu?» geǰü ayiladqaysan-du «bolona» gegsen // Barayun tal-a, Ničing Ombo-du Čoyijung baɣulɣayad itegeǰü dayayuluyad ende nutuɣ-tu iregsen čay-tu, Čoyijung baɣulɣaqu-du Čoyijung baɣuɣad ünen eši üǰegülügsen // Bošoɣtu Barayun tal-a-ača Zongkaba, Boyda, Čoyiǰil yurban-i küriye jalaju iregsen Ğayba Arayčag toɣtayayad Boyda, Čoyiǰil qoyar dotoɣadu šitügen-dü jalaba // Lamrum Rasang toɣtayad, Zongkaba-yin küriye dotoɣadu šitügen-dü jalaba // Zongkaba-yin šir-a-yin šajin-i Oyirad ende delgeregülbei //

Basa urida Bayatur-un čay-tu Rabjamba qutuqtu, 5-r Dalai blama-yin jarliɣ-iyar Qubilɣan Sečen-u čay-tü jokiyaysan Payba blama-yin dörbeljin Mongɣol üsüg-tü aru emüne ni čeg, doora ni šegül qadaǰu jokiyayad todo Mongɣol usüg-iyer ibegel yabuɣulqu-ača ekileged «yeke kölgen-ü sudur» olan-i körbügülügsen-eče, Oyirad Mongɣol-du Todo Mongɣol üsüg suryaju, čuqay degedü-yi idam bariǰu nom-

du oroyuluysan yeke ačıtai, mergen blama Barayun tal-a-ača ireged «yeke bodi-yin möri» körbegülkü terigüten olan körbegülbei gedeg //

Tegün-ü daraya Sengge-yin çay-tu Boşoytu gelüng çay-tayan ireged basa ubaşı, ubasanča, gesül, gelüng-ün sanvar qayiralayad, basa olan (nom) körbegülüged Galdamba-yin nom kiged, Barayun tal-a Mergen blam-a-tai qoyayula qariysan // Rabjamba qutuytu Barayun Tala qariju yabuqu jam-du tariyalang tayalayсан // Mergen blam-a Barayun tal-a kürüged qoyosun činar ilede oluyad Sarjid, Dorji, Čing, ečiǵe, köbegün tabun kemekü ner-e abuyad tariyalang-du jalaraba. // Qoşıyud, Jëgün yar, Torıyud yurban nutuy kümün, Rabjamba qutuqtu-du açılal-un takil-du ergübei // Gelüng, gesül-ün olan-i qayiralayad küriye toytayayad burqan-u şajın kiged ilangyuy-a Zongkaba-yin şajın-i delgeregülbei // Küriy-e egün-dü Oyirad-un yeke nere qadaba gedeg // Torıyud-tu oduysan edüǵe-deki qutuytu-yin şabi-nar gegçi ene // Jëgün yar, Qoşıyud-un ebdereldükü-dü tarqaju oduysan olan Ayuki qayan-u çay-tu öber-iyen çuylaju şineken küriy-e toytayсан qutuytu-yin şabi-nar ene gedeg // Qalqa-yin dörben qayan Rabjamba qutuytu-du qayaly-a jam-un ulay-a baribai gedeg // Rabjamba qutuytu-yin erkin şabi Aldar Gabču-du, oyira-yin qayad-un bariysan Aldar Gabču-yin şabi-nar ene geju keledeg //

Sengge-yin şirege-yi Boşoytu qayan tedkükü çay-tu, Qoşıyud Sečen qayan-du qoyayula üyiçeju čerig mordayuluıyad, Şayiram-un Öljeyitu Bom-du dayılalduju, Boşoytu-yin čerig Qoşıyud-un čerig-i daruysan-du, Öljeyitü Bom nere qadaba gedeg // Qoşıyud Sečen qayan: «Qurdu Kürüǵsüčin gegçi nige nutuy kümünü qayan ene nada açıtu tula, nasun-u köǵşin egün-i tariyalang tayılqu kürtele sayıtur asaran-a» geju jakiıyad, Boşoytu [ni] Sečen qayan-du Qurdu Kürüǵsüčin gegçi nutuy-i oggüged, bişi-yi ni öber-ün-iyen bolıaju nutuy büri-dü qubıyaju (ab) [abuba] geju keledeg // Sečen qayan yeke noyan abayai-yi «Minu sang-du narin niyta Jayum-a bayına, či abuyad törküm-degen qari» ged, Torıyud Ayukin-du küreggülüǵsen yeke noyan abayai-yin şabınar tede tere // Sečen qayan Bejei-dü öber-iyen tariyalang tayılbai // Bejei gedeg yajar-tu nasun-u çay bolba gedeg //

Qošiyud Tuγulta Rabjamba gegči gelüŋ, Ničing Ombo gegči Kürdem-dü jolγaju ireged, Bošoγtu-du ošiyerkeged Ničing Ombo-du jakiju kelegesen üge ni: «Či itegejü üge-yi sonosday biši uu? Bošoγtu ene man-u Qošiyud-un qayan-u nere bayurayuluγad nutuy-i tarqayaysan učir-tu, egün-eče ošiy-e abqu arγ-a-du čoyijing bayulyaqu čay-tu qudal eši üjegülüged kelekü, šidar noyan töröl toγatan-i alan, küčü yeke qari nutuy-tai qarγulduγulju küčün-i ni bayurayul // Man-u Qošiyud-i yaγu ese kigsen bui?» gejü jakigsan-du jöbšiyejü medeged, čoyijing bayulyaqu čay-tu qudal eši üjegüleged, Bošoγtu qayan-i ondoγuduγuluγsan, küčü-tei šidar töröl toγatan-i alaysan // Basa: «Öbör döčün yisun Mongγol, Qalq-a qayan-i či erke-degen quriyaγu bögüde-yin qayan bolqu» gejü qudal eši üjegülügsen-dü, Bošoγtu Möngeke qayiday-iyar čerig mordayad Qalq-a dayilalduγu, Qalq-a dörben qayan-i kögegejü Kitad-tu oroγulba gedeg // Basa Čoyijung Ombo öber üjegülügči bayulyaγad: «Öbör Döčün yisun, Qalq-a Mongγol dörben qayan (či) [činu] erke-dü oroba // Odo či Kitad, Mongγol bögüde-yin bögüde qayan bolqu bayina, Kitad-tu čerig morda» gesen-dü, Kitad-tu čerig mordaγu oduγad küčün ni bayuraysan gedeg // Čöken kümün julaju γarču, Altai-du našun-u čay bolba gedeg // Qalq-a-tai dayilalduqu čay-tu ni Qalq-a čerig mordayad ireged Jägün γar [i] tarqayayad,] Sengge-yin odqan köbegün Danjin-i Qalq-a amidu bariju abču oduγsan gedeg // Tere čay-tu, Tuγulda Rabjamba gedeg Bošoγtu-[du] bičig ilegebei // Bičig kürügsen čay-tu, Bošoγtu üjegesen-dü: «Manu Qošiyud-un qayan-u nutuy-i tarqayayad, qayan-u ijayur-i tasuluγad, yaγu ese kile či // Odo irejü ošiy-e-ben abuba» gesen-dü, üjeged šineken qayurdaysan učir-iyen medebe gedeg //

Basa Sengge-yin dumda köbegün Čayan Rabdan doluyan kümün orγoju γaruyad, Jägün γar-un Miqači-yi čuγlayulju abču, šineken nutuy-un köröngg-e toγtaba gedeg // Tegün-dü Qotong-du iregsen Dolood negüjü ireged qamjiju nutuyulaγu toγtaba gedeg // Basa Ayuki qayan, Čayan Rabdan Jägün γar nutuy toγtaba gekü-yi sonosuyad, Setürjab gegči keuken tabun jaγun erüke daγayuli-tai Čayan Rabdan-du qatun-tu jalaju ilegebei, Čing Joriγtu qung tayiji gejü čola ergübei //

Basa Ayiki qaγan-u yeke köbegün Sanjab tümen erüke negüjü ireged, Ĵegün γar-un nutuγ-i yekedgebe // Qung tayiĵi űirege tedkügsen çaytu-ban yeke qural-un küriy-e Dulba, Danĵin-u küriy-e toγtaba, qoyar nutuγ kümün qural-un ĵisun-du baribai, γuçin naiman ĵil-du űirege tedkübei, morin ĵil [1728 on]-du tariyalang-du ĵalaraba //

Tegün-ü tayiĵi Ğaldan Seçen űirege tedkübei // Dusamaling Rasang küriy-e toγtaĵu, çinada-yin űajin delgeregülgügsen nige nutuγ kümün [i] ĵiűa-du ergügsen // Dusamaling-un ĵiűa tere yerü tabun daçang gegçi yeke qural, γayba, lamrim, dolba, dusamaling barilγayin tabun otoγ kümün-ü ner-e-yi ni tabun ĵiűa gedeg // Ğaldan [Çering] qaγan arban naiman ĵil-du űirege tedkübei // Üker ĵil (1745 on)-du ariγuluγsan tariyalang-du ĵalaraba //

Tegün-ü tayiĵi Dorĵi űirege tedkübei // Tegün-ü çola nere ni Aĵa gedeg, arban γurban nasutai qaγan-u űirege-dü sayubai // Ene bar ĵiltai bayadaγad nutuγ törü-yin üyile ese çidaγsan-du, Ğaldan [Çereng] qaγan-u yeke köbegün Lama Darĵa, Dorĵi-yin nasun arban doluγ-a-taiyi űirege-eçe bayulγaĵu nidun-u qaray-a-yi ni bayurayuluγad Aγsu-du çöleĵü, Lama Darĵa űirege tedkübei // Basa Dorĵi-yin degüü Namĵil çola ner-e ni Möigüűi-yi Lama Darĵa quluγan-a ĵil-tai yisun nasutai-yi nidun qaraya bayurayulĵu Aγsu qota-du çölebei // Amursana Dabaçi qoyar Lama Darĵa-yi bariĵu qoroγaba // Dabaçi űirege-dü sayuba // űir-a Manĵi-yin qoyar köbegün Nemekü Ĵirγal, Tegüs Qaűiq-a, Bikileyin űerteger γurbaγula-yi Dabaçi bariĵu qoroγaba // Daűi Daba, Törü Batu qoyar [i] Lama Darĵa qoroγaba // İmaγan Qoli <Ямаанхоль>, Norbo qoyar-i Amursana qoroγaba // Danĵin-u köbegün Eűini noyan-i Bögün çerig-iyer getegülĵü bariγad bariĵu alaba // Anggid-i Bögün Ula alaba // Tangγad-i Kitad alaba // Ğalsang Dorĵi-yi, ĵanayarbu, Bögün Çayan, Bögün Ula γurba-yi Kitad alaba // Qoűiyud Çaydar Manĵi qoyar Kitad bariĵu alaba // Yeke Mingγan Bayar-i Kitad bariĵu alaba // Dabaçi-yi Kitad bariγad Begeĵing-dü abaçiĵu odoba //

Naiman ĵayun erüke-yi Uγuray-a-yin ĵirman Ĵimbi Daűi Erken Qaűiqa gegçi Oros-tu dayayulĵu oroba // Oros-un keüken Çayan qaγan asaraq u enerikü sedkil öröűiyenggüi-tei, tere qaγan ayuγsan sedkil-i ni medeged asaraĵu qayiralayad Torγud-tu kürgegülbei // Torγud-tu

kürüged arban yurban jil bolqula, Čing Joriytu Ubaši qayan Torγud-un nutuγ dumdayur tasulju abuyad, temür (taulai) [bars] jil-un arban sar-a-yin šine-yin nigen-dü qayučin nutuγ Ili, Tekes-yi temčeju negüged Balqas-yin barayun, temür taulai jil [1771 on]-un naiman šar-a-yin šinen-dü Ĵerenden ĵerge yaĵar-tu kürčü irebei // Ĵegün yar toyatu-yi Yeren tayĵi, Šereng tayĵi, Tegüs Mōngke tayĵi albatu-tai-ban negüju neyilebei // Boyda eĵen-ü albatu-du quraĵu, Ögeled nutuγ-tu negülgeju neyilegülbei // Torγud nutuγ bügüdeger Ili-yi yatulju Tarbaytai, Emegel, Ĵayir, Qoboy Sayir-tu negüju odba // Basa tegün-ü qoyin-a negülgeded Ĵultus qada, Qara šira-du negülgeju nutuγlayulba // Dondob tayĵi-yi Qasaγ-ača küreggüľju ireged Ögeled nutuγ-tu-ban neyilebei // Šir-a keüken bele Altai-du negüju yarba //

Ĵegün yar Sereng noyan Dabači-yin čay-tu Doloon Rinčin noyan, Čoros Barang gegči qoyar Qasaγ-un čerig dayayulju ireged Dabačiluγa dayilalduyulju, Altan süme, Mōnggön süme qoyar Qasaγ ebdebei // Erketen otoy, Bügüs otoy, Barγumud otoy ene yurban otoy-i Qasaγ ebdebei gedeg //

Mangγud otoy, Kirgis otoy qoyar Dabači-yin čay-tu ebderegsen // Qošiγud Luuzang Rinčin, Qošiγud Luuzangĵab qoyar noyan Galdang [Čering] qayan-ača Ögeleged Buqar-tu negüju oroba gedeg //

Čaqar Bürni vang Kitad-ača ĵulayad Altai qonoγad ulus-iyān dayayuluγad Oyirad ende ĵulaĵu iregsen-dü Kitad-un nekegöl nekeju iregsen-dü bayĵu bološi ügei boluγad, Iĵil-du Ayukin deger-e nutuγ-tu arban tabun kümün ĵulaĵu kürbei gedeg //

Tangγud Baldan Ĵabču gegči nige gelüng badir bariju ireged, Galdan qayan-du qarγulduγad sayin blam-a bolju bayıγsan // Tegeged, Galdan qayan Baldan Ĵabču-du ĵarliγ boluγsan: «Tangγud kümün süm-e, subury-a bariju yaĵar šinĵilekü medekü-dü sayin biši uu? Süm-e, subury-a bariqu öľĵeyitü sayin yaĵar šinĵile» gesen-dü, šinĵileged: «ene nige yaĵar qayiniγ üker-ün eber metü öľĵeyitü sayin yaĵar» geju medegülügsen-dü, tegün-dü Altan süm-e bariγuluγad Mayidari-yin gegen bosqayuluγsan // Basa «süm-e bariqu yaĵar šinĵile» geju ĵarliγ boluγsan-du, «ene nigen yaĵar uγalĵa-yin toluγai metü öľĵeyitei, ene deger-e subury-a bariqula sayin» geju

ayiladqular Nayan toqoi subury-a bariyuluysan // Basa tegün-ü oyira
Mönggö süm-e bariju Darki-yin gegen bosqaysan // Ene qoyar yaǵar
dendegertei eber toloyai degere süm-e subury-a bariqul-a tender-tü
süme subury-a-yi saǵju unayaǵu ebdedeg yeke mayu gem-tei // Ene
qoyar-iyar Galdan qaǵan-u nasun aqar, törü šaǵin ni üütür ebdereǵü
yeke qoor-tai boluysan geǵju keledeg // Mayu ner-e-tei yaǵar-tu
šüm-e subury-a bosqayad, aduyusun-u nere qadaǵsan belge ni mayu
boluysan ünén keb-tei bayiday //

O sayin amuyulang edelekü boltuyai //

O serva ma ge la //

Ere modun takiya ĵil [1825 on] (albatu) törü (gereltü) (döčín)
tabuduǵar ĵil-un qoyar sar-a-yin arban dörben-dü Degedi bičiju
tegüsgebei //

IV.3. Русский перевод

Исконное Монгольское государство есть ветвь (*salaya*) Тибетского государства. Тибетское государство есть ветвь Индийского государства. В этом промежутке времени существуют вот столько государств [1].

Начиная с года желтой мыши, когда Будда Шакьямуни (*Šaṃjamuni burqan*) погрузился в нирвану, прошел тысяча восемьсот сорок один год [2]. После [этого] Йерölöнг (*Yerölöng*), потомок хана Удаяна (*Udayana*), которого также величали Удаяной, воюя вместе с дальними государствами, потерпел поражение. [Отступив] он, пройдя через Индийское государство, в возвышенной стороне в местности Зандунг (*Jangdung*) дошел до снежной горы [3]. Ставшего искусным своего второго сына Тусара как особо рожденного Йерölöнг подверг многим [испытаниям] и объявил ханом.

Со времени года белой лошади, когда жил Чингис-хан, [миновало] двести семьдесят лет [4]. С тех пор как Чингис-хан занимал трон, [миновало] двести восемьдесят лет. Владыка Чингис вел войну и покорил минского хана (императора) Китая [5]. На драгоценном золотом берилловом троне минского хана владыка Чингис [и его потомки] сидели ханами на протяжении пятнадцати поколений. Печать владыки [Чингиса] создалась сама собой из яшмы драгоценных печатей [6].

Премудрый владыка [Чингис-хан] перед тем как погрузиться в сон, передал отборных воинов своему внуку Хубилаю и приказал: «Храни мой стан для меня в неприкосновенности». Он сказал: «Когда я снова пробужусь [ото сна] и займу ханский трон, мне суждено будет исполнить чаяние монгольского великого хана и способствовать процветанию государства и религии. В это время мужчины снимут пояса, а слюны [их] скакунов станет столько, что может повредить рукава. Я загоню [носящих] белые головные уборы (т. е. чалму, имеются в виду мусульмане. – В. С.) в края, которые глаз [человеческий] не видел». Золотой пояс

доставили к Ханским Восьми белым юртам [7], а Хубилай стал хранителем шести хошунов монголов [8].

Те, кого называют дурбэн-ойратами (*букв.* «четырьмя ойратами»). – *В. С.*) [9], — это: хошуты, торгуты, дэрбэты, джунгары — одно подразделение ойратов (*букв.* «один ойрат». – *В. С.*); тўмэты, хойты, батуты — они одно подразделение ойратов (*букв.* «один ойрат». – *В. С.*); баргу буриаты — они одно подразделение ойратов (*букв.* «один ойрат»). Говорят, что [родовые подразделения] бўрис, барман, гэлигэд, джилигэд зависимы от баргу [буриатов]. Те, кого называют *ўр монголами*, являются ли они одним подразделением ойратов? Как их рассматривать?

Хошутский хан Хонггор [10], хойт Эсэлбэйин Сайин-Ка [11], [торгут] Шўкўр-Дайчин (*Šikür Dayičing*) [12], джунгар Хара-Хула (*Qara Qula*) [13] — эти четверо [люди] одного поколения. Дочь Шўкўр-Дайчина Юм-ага [14] — жена Нойон-Хонггора. После [смерти] Нойон-Хонггора ее оставили без прикрытия. Хошутские [нойоны] Байбагас [15], Очирту Цэцэн-хан [16], Гўши-хан (*Güši qayan*) [17], Буян-Отхон (*Buyan Odqu*) [18], Көндөлэнг-Убаши [19] — они все отнесли к ней, как к дочери, и выдали замуж за Баатура-хунтайджи (*Bayatur qung tayiji*). У Юм-ага два сына — Сэнгэ и Бошогту, ставший известным как Бошогту-хутугту.

Когда в Тибете стали возвышать красную веру (*ulayan-uyi*) [т. е. последователей красношапочной секты] и из четырех желтошапочных монастырей изгнали [их] священнослужителей (*quvaray-i*), то ламы — хранители учения и ламы из [монастыря] Брайбунг (*Berbang*) во главе с Панчен-ламой (*Bančin erdeni*) и Далай-ламой послали Энсэ-хутугту, сказав: «Будет правильно, если ты отправишься в путь. На востоке есть страна, где живут дурбэн-ойраты. Им суждено возродить там желтую религию Дзонхавы. Отправляйся [к ним] и скажи их ханам, чтобы они содействовали возрождению желтой религии».

Говорят, что он действительно приезжал сюда к ойратам. Когда Энсэ-хутугту выступил на большом съезде ойратских ханов, то они согласились с ним и договорились выделить три

тысячи воинов, чему [Энсэ-] хутугта был очень рад. Когда он собрался ехать домой, то эти ханы оказали ему большие почести и сделали подношения. Баатур-хунтайджи отнесся к нему с уважением и тоже сделал подношение. Когда [Энсэ-хутугта] уезжал, то пришла Юм-ага и, держась за стремя [его лошади], сказала: «У меня [только] один сын, пожалуйста мне еще одного сына». На это [Энсэ-] хутугта ответил: «Я — монах, отрешившийся от мирской жизни. Я не могу родить сына». Тогда ханша попросила: «Раз уж Вы, будучи монахом, не можете родить сына, то, поскольку Вы уже преклонного возраста, не могли бы Вы [после своей смерти] переродиться во мне в образе [моего] сына?». [Энсэ-] хутугта согласился, [как] говорят, и ответил: «Пусть будет так». Говорят, что возвращаясь [домой], он скончался в Тибете. В том же году (1644 г. – В. С.) Юм-ага забеременела и через девять месяцев родила сына. Тот сын и стал известен как перерожденец (хубилган) Энсэ-хутугту.

Отправившиеся в поход на Тибет с передовым отрядом в три тысячи воинов четверо [ойратских правителей] — Гушихан, Баатур-хунтайджи, Мэргэн-джинон и Сонггорджаб Батуртайджи — усмирили Амдоского Луузан Цогту-хана (*Amdu-yin Luujang Cöyту qayan*), Уйского Бэри-хана и Цзанского Цзанбахана (*Čangba-qayan*) — трех [правителей] красношапочной секты. Таким образом, Гуши Номин-хан занял трон [тибетского] хана, ослабив могущество красношапочной религии и усилив могущество беспорочной желтошапочной религии Дзонхавы. Он пожаловал великому, как гора, Панчен-эрдэни титул высшего духовного лица *Богдо-лама* (букв. «Святой лама». – В. С.), а Далай-ламе, величием [своей мудрости] равному океану, <...> титул *Далай-лама* (букв. «океан-лама». – В. С.). Говорят, что он повелел им: «Вы, двое, во главе с многочисленными хутугтами распространяйте беспорочную желтошапочную религию». Ламам — хранителям религии, Чойджунгу и Бэрбэнгу, он вменил в обязанность охранять религию, сказав: «Сохраняйте, умиротворяя, все что суетно (тленно) и отчуждает от беспорочной

желтошапочной религии». Так Гуши Номин-хан занял трон хана Тибета.

Когда Баатур-хунтайджи и Мэргэн-джинон вместе со своими воинами возвращались [на родину], Гуши-хан сказал [им]: «Как я буду жить среди многочисленных, как муравьи, тангутов (тибетцев. – *В. С.*)? Вы, вернувшись, пришлите мне [сюда] мою долю подвластных людей (*qubi albatu*), а также дружинников». Те двое, возвратившись к себе домой (т. е. в Джунгарию. – *В. С.*), доложили [находившимся здесь ойратским правителям] во главе с Цэцэн-ханом и получили [их] согласие. Говорят, что, кроме подданных людей Гуши [-хана], было послано [еще] пятьсот молодых людей (*köbegün*) во главе с хошутскими Буян-Отхоном и Көндөлэнгом-Убаши с сыновьями и подданными, торгутским Мэргэн-джиноном с сыновьями и подданными, Баатуром Убаши-тайджи со своим сыном, Ёнчин-Цеценом с сыновьями и подданными, а также с рабджамбой-хутугту джунгарским Бошогту-Мэргэн-ламой и торгутским Номтын-ламой (*Nomtu-yin blama*). Говорят, они, переселившись, кочевали в Кукуноре и их называют кукунорскими хошутами.

Один из рода главного ученика и важного сподвижника Бурхан-багши (т. е. Будды Шакьямуни. – *В. С.*) стал известен под именем Энсэ-хутугту, еще когда был жив Бурхан-багши. Говорят, что по этой причине его перерожденец (*qubilyan*) – это [Галдан] Бошогту. [Галдан] Бошогту обучался в Тибете, стал известен как перерожденец Энсэ-хутугты и был великим ламой, занимавшим трон Дзонхавы.

Трон Баатура [-хунтайджи] занял Сэнггэ. У Баатура было пять жен. Сын его жены-киргизки враждовал с Сэнггэ и отомстил ему. Он застал Сэнггэ в его собственной юрте и убил его. Когда Юм-ага встала поутру, пришла к Сэнггэ и увидела, что он убит, то сказала: «Это ведь не лошадь и не корова, как можно так поступить с человеком?». Она отправила гонца к Цэцэн-хану, и гонцов к сыновьям и младшим братьям трех *ганов* (?). Когда она, призвав к себе зайсангов во главе с Маха-илдүүчи, сообщила

им [об убийстве], то они все, услышав, рассердились и пошли войной [на убийцу]. Они поймали ханшу-киргизку с ее сыном, судили [их] и казнили.

Юм-ага прибыла, чтобы встретиться с [Очирту] Цэцэн-ханом, и сказала ему: «Старший сын Сэнггэ Соднам Рабдан, следующий сын — Цаган Рабдан, младший сын — Дэджүн — все трое малолетнего возраста. Пошлите меня в Тибет, вдобавок оказав помощь верховыми животными и продовольствием. Я помолюсь Зуу (статуя Будды в Лхасе. — В. С.), побываю на аудиенции у двух гэгэнов (т. е. у Панчен-ламы и Далай-ламы. — В. С.) и совершу поминальные службы по Сэнггэ». [Цэцэн-хан] согласился и разрешил [ей] ехать. Прибыв в Тибет, [Юм-ага] совершила поминальные службы в четырех [главных] монастырях желтошапочной религии, у двух гэгэнов, двух хранителей Учения — чойджинов и других. Закончив, она сказала сыну Бошогту: «Твои племянники — малолетние [дети], твоя страна не имеет правителя. Оставь престол [настоятеля монастыря], надень халат с рукавами, поезжай и займи свой [ханский] трон». Так она трижды строго просила его. Поскольку [Бошогту] нельзя было не выполнить повеление своей матери, то он отнесся к ней с почтением и доложил Панчен-ламе, хранителям учения — чойджинам, малолетнему Далай-ламе, всеведающему Гавану Лубдзанджамсу [о желании Юм-ага]. Когда они признали справедливость [желания] его матери, Бошогту оставил престол [настоятеля] монастыря, говорят, и одел халат с рукавами (т. е. вернулся к мирской жизни. — В. С.). После этого, говорят, вместе со своей матерью перерожденец возвратился сюда и занял ханский трон.

[Бошогту] во время своего приезда в Тибет испрашивал [разрешения] у двух чойджинов (хранителей учения). Его слова: «Так как [у меня] на родине по ту сторону границы много еретиков (*buruᠢᠦ nomton*), то можно ли мне приезжать [сюда], чтобы молиться?». Те согласились, сказав ему: «Можно». Когда он спросил: «Можно ли хошутам одного убаша принять в [местности] *Күрдэм?*», ему сказали «Можно». В Тибете к Ничин-Омбо

поселился *чойджин* (хранитель учения и предсказатель-оракул. – *В. С.*), и он заставлял [людей] верить ему и повиноваться. Когда он прибыл сюда в страну (т. е. в Джунгарию. – *В. С.*), его попросили совершить пророчество, он сделал предсказание, и оно оказалось правдивым. [Галдан-] Бошогту доставленные из Тибета в Күрээ [статуи] трех [святителей] — Дзонхавы, Богдо и Чойджила — установил в Агба-дацане (факультет символики. – *В. С.*) и ввел в нем буддийский культ Богдо и Чойджила. Учредив Ламрим-дацан, он ввел в нем культ Дзонхавы. Ойраты здесь распространили желтошапочную религию Дзонхавы.

Еще прежде, при Баатуре [-хунтайджи], в созданное Пагбаламой в правление Хубилган Сэцэна квадратное монгольское письмо рабджамба-хутугту ввел по повелению 5-го Далай-ламы точку перед оборотной стороной и хвостик внизу [слов]. Когда начали оказывать покровительство монгольскому ясному письму, [на монгольский язык] перевели «Сутру Большой колесницы» (*Yeke kölgen-ü sudur*) и многие [другие сочинения]. Он имеет большие заслуги в деле введения [буддийского] учения среди ойратов и монголов, обучая [их] монгольскому ясному письму и побуждая избранных и благородных (*čiqay degedü-yi*) принимать на себя обеты. Говорят, что Мэргэн-лама, приехав из Тибета, перевел сочинения «Путь к совершенству» (*Yeke bodi-yin möri*) и многие [другие].

После этого, при Сэнггэ, [Галдан-] Бошогту-гэлүнг, приехав в свое время, также посвятил в духовное звание убаша, убасанца, гэцүл и гэлүнг, еще перевел множество религиозных сочинений, совершил поминальные обряды по Галдамбе и выехал вместе с Мэргэн-ламой [в Тибет]. Рабджамба-хутугта, возвращаясь в Тибет, скончался по дороге. Мэргэн-лама, прибыв в Тибет, нашел явное свойство пустоты (т. е. «почувствовал приближение смерти». – *В. С.*), приняв имена пятерых [человек] — Сарджид, Дорджи, Чинг, отец, сын — отошел в другой мир.

Люди трех улусов – хошуты, джунгары и торгуты — делали рабджамбе-хутугту благодарственные приношения. Он, многих

посвятив в духовное звание *гецүлов* и *гелүнгов*, основал [монастырь] Күрээ и распространял буддизм и особенно религию Дзонхавы. Сейчас Күрээ присвоили название «Ойратский Большой монастырь (*Oyirad-un yeke [küriye]*)». Те, кто отправился к торгутам, — это послушники-ученики (*šabi-nar*) нынешнего хутугты. Многие [духовные лица], рассеявшиеся [повсюду], когда произошел конфликт между джунгарами и хошутами, собрались вместе во времена Аюки-хана и основали [в его кочевьях] заново Күрээ, и говорят, что они — послушники-ученики хутугты. Говорят, что четверо ханов Халхи преподнесли рабджамбе-хутугте верховых животных в дорогу (*jam-un ulaya*). Говорят, что [и] ойратские ханы преподнесли верховых животных в дорогу. Лучший послушник-ученик (*šabi*) рабджамба-хутугты Алдар-габджу. Шабинары, пожалованные ойратскими ханами, как говорят, это и есть послушники-монахи Алдара-габджу.

Когда Бошогту-хан занял ханский трон после Сэнггэ, то между ним и хошутским Цэцэн-ханом произошел разлад. Мобилизовав войска, они сразились на [реке] *Өлзийтү-Бом* (букв. «счастливая, благословенная». – В. С.) в [окрестностях] *Сайрама*. Так как войско Бошогту [-хана] нанесло поражение войску хошутов, то [реку] Бом назвали *Өлзийтү-Бом*. Цэцэн-хан настоятельно попросил, сказав: «Так как местность *Хурдун Күрээсүчин*, ограждая [меня] от людей, будет для меня благодетельной, я буду иметь попечение о ней достойным образом (*sayitur*) до самой своей старости и кончины». Бошогту [-хан], говорят, отдал Цэцэн-хану местность *Хурдун Күрээсүчин*, другую часть [его владений] сделал своими, распределив между всеми кочевьями (*nutuγ büri-dü*). Госпоже старшей жене Цэцэн-хана он сказал: «У меня в казне есть секретные вещи (*narin niyta yaγuta*). Возьми их и возвращайся к своей родне». Это и есть шабинары госпожи старшей жены, приведенные к торгутскому Аюке. Цэцэн-хан скончался в [местности] *Бэджэй*. В местности *Бэджэй* окончилась его жизнь (*nasun-u čay bolba*).

Хошутский *гэлун* по имени Тоголта-рабджамба прибыл в [местность] *Күрдэм*, чтобы встретиться с Ничин-Омбо и, питая ненависть к Бошогу (хану), попросил его: «Не можешь ли ты довериться [мне] и выслушать мои слова? Так как Бошогу (хан) подорвал авторитет нашего хошутского хана, рассеял его владения (*нутуу*), то, чтобы отомстить ему за это, когда станешь предсказывать ему будущее, сделай ему ложное предсказание. Погуби множество приближенных к нему князей и родственников, побуди его вступить в войну с обладающей мощью чужеземной страной и лиши его силы. Что только он не сделал [плохого] нам, хошутам». [Ничин-Омбо] согласился и во время пророчествования произнес ложное прорицание, введя в заблуждение Бошогу-хана и [тем самым] погубив множество его приближенных и родственников.

В ложном прорицании также говорилось: «Ты соберешь под своей властью ханов Сорока девяти монголов [Внутренней Монголии] и Халхи и будешь верховным ханом». Тогда Бошогу (хан) отправился с войском в поход через [местность] *Мөнгкэ Хайдаг* (букв. «Вечный пик среди равнины». – В. С.) и сразился с халха [-монголами]. Он изгнал четырех ханов Халхи и заставил их бежать в Китай. И еще *чойджин* Омбо в своем видении [будущего] предсказал: «Четверо ханов Сорока девяти монголов [Внутренней Монголии] и Халхи подчинились твоей власти. Теперь ты способен стать верховным ханом всех китайцев и монголов, отправляйся в поход с войском на Китай». [Бошогу-хан] двинулся с войском на Китай, но, говорят, его силы иссякли. [После его поражения] немногие [джунгары] бежали [из Китая], а он сам окончил свою жизнь на Алтае. Когда воевали с халха [-монголами], халхаское войско выступило в поход, рассеяло джунгаров и, говорят, халха [-монголы] живым взяли в плен младшего сына Сэнггэ Данджина. Тогда Тоголта-рабджамба направил послание Бошогу[-хану]. Когда послание прибыло, Бошогу [-хан] в нем увидел [слова]: «Ты рассеял нутуг нашего хошутского хана, из-за тебя пресекался ханский род, чего только

ты не творил. А теперь мы отомщены». Прочитав это, [Бошогу-хан] только тогда понял, что его обманули.

И еще средний сын Сэнггэ Цаган Рабдан бежал с семьей [своими приближенными] людьми. Говорят, что, собравшись в одном месте с джунгарским Михачи, они решили кочевать вместе. И еще Аюка-хан, услышав, что Цаган-Рабдан создал [собственный] джунгарский нутуг, отправил в жены Цаган-Рабдану свою дочь по имени Сэтэрджаб в сопровождении пятисот кибиток и пожаловал ему [почетный] титул *Чин-Зоригту-хунтайджи* (букв. «непоколебимый и смелый хунтайджи». – В. С.). И еще старший сын Аюки-хана Санджаб прикочевал с десятью тысячами кибиток и увеличил [численность] джунгарского нутуга. В то время, когда хунтайджи занимал трон, он учредил в Ойратском Большом монастыре факультеты Дулба и Данджин и передал духовному управлению монастыря два подразделения албату (*qoyar nutuq küimün*). Он находился на троне тридцать восемь лет, скончался в году лошади [1728 г.].

[После него] трон занял наследный принц (*tayiji*) Галдан Сэцэн. Он основал при [Ойратском Большом] монастыре Дусамалинг-дацан (факультет. – В. С.). Духовное управление Дусамалинг [-дацана] в общем входит в число пяти дацанов, [поэтому] пять отоков албату, находившихся во владении пяти дацанов: Большого хурала (*yeke qural*), Гакба [-дацан], Ламрим [-дацан], Дулба [дацан], Дусамалинг [-дацан], называются Пять духовных управлений – джасов (*jisa*). Хан Галдан [-Цэрэн] находился на троне 18 лет. В году быка (1745 г. – В. С.) он скончался.

Его наследный принц Дорджи вступил на трон. Его прозвище (*čola nere ni*) Аджаа, он в тринадцать лет занял ханский трон. Так как по причине своего малолетства он не смог управлять делами государства, старший сын Галдан [-Цэрэн] Лама Дарджа сверг с трона семнадцатилетнего Дорджи. Он, ослепив его, отправил в ссылку в Аксу, [сам] Лама Дорджа занял трон. И еще девятилетнего младшего брата Дорджи по прозвищу *Мөкөши*, рожденного в год мыши, Лама Дарджа ослепил и отправил в

ссылку в город Аксу. Лама Дарджу схватили и казнили Амурсана и Дабачи. [Ханский] трон занял Дабачи. Двух сыновей Шара Манджи — Нэмэжү Джиргала и Тэгүс Хашиху, а также Бикилийн Сэртэгэра всех троих Дабачи захватил [в плен] и убил. Дашидаву и Төрүбату обоих убил Лама Дарджа. Ямаанхоли и Норбо обоих убил Амурсана. Сына Данджина Эшини-нояна Бökун Цаган подстерег с войском, взял в плен и убил. Ангида убил Бökун Ула. Тангутов убили китайцы. Галсана Дорджи, а также троих Занагарбу, Бökун Цагана и Бökун Улу убили китайцы. Хошутов Шагдара и Манджи китайцы, взяв в плен, убили. Баяра из [родового подразделения] *Йэкэ Мингган* китайцы, взяв в плен, убили. Дабачи китайцы взяли в плен и доставили в Пекин.

Уурагский *джирман* по имени Джимбидаши Эркэн-хашиха с восьмьюстами кибиток откочевал в Россию. Русская царица (*кейкен шауан қауан*), милостивая и сострадательная, узнала об опасениях этого хана и повелела доставить его к торгутам. Когда он прибыл к торгутам, прошло тринадцать лет, то Чин Зоригту Убаши-хан, взяв половину торгутского улуса, в году железного зайца (правильно: тигра. – В. С.) [1770 г.] в первый день десятого месяца с боем откочевал на родину в Или и Текес. В начале восьмого месяца года железного зайца [1771 г.] они прибыли в Зэрэндэн и другие местности. Многих джунгаров Йэрэн-тайджи, Шэрэнг-тайджи и Төгүсмөнгэ-тайджи присоединили к своим албату при перекочевке. Включив их в состав подданных августейшего императора, им отвели кочевья и присоединили к элëтам (*Ögeled nutuy-tu*). Весь торгутский улус, переправившись через реку Или, стал кочевать на Тарбагатае, на [реке] Эмэль, в [местностях] *Джсайр*, *Хобуг-Сайир*. И после этого их (торгутов. – В. С.) переселили и отвели им кочевья в [местностях] *Зултус-хада* и *Хара Шара*. Дондуб-тайджи, будучи доставлен от казахов, поселился в кочевьях элëтов. Шара Күүкэн переселился к подножию Алтая.

Джунгар Шэрэнг-нойон во времена Дабачи вместе с Долоон-Ринчин-нойоном и чоросом Барангом во главе казахов втор-

глись и воевали против Дабачи, казахи разрушили Алтан-сүмэ и Мёнггён-сумэ. Казахи, говорят, разорили три отока: *Эркэтэн*, *Бүкүс* и *Барамүд*. Во времена Дабачи были разорены два оттока — *Манггуд* и *Киргис*.

Говорят, что два князя хошут Луузанг Ринчин и хошут Луузангджаб и элэты бежали от Галдан [-Цэрэна] в Бухару.

Чахарский Бүрни-ван бежал от китайцев и провел на Алтае ночь. Когда ойраты со своими улусами прибыли сюда, то из-за того, что туда прибыли преследовавшие их китайцы, оставаться там им не было никакой возможности. Говорят, что на Волгу в улус Аюки-хана прибыли, бежав, 15 человек.

Один гэлүнг, тибетец (*Tanguud*) по имени Балдан-габджу, прибыл для сбора пожертвований. Ему устроили встречу с Галдан-ханом, и он стал приближенным ламой (*букв.* «добрым ламой». – *В. С.*). Тогда Галдан-хан приказал Балдану-габджу: «Разве тибетцы (*Tanguud kümün*) опытни (*букв.* «хороши». – *В. С.*) в изучении мест [подходящих] для строительства храмов и субурганов? Изучи места, благоприятные и подходящие для строительства храмов и субурганов». Тот, изучив, сообщил: «Вот место благоприятное и подходящее, [по твердости] подобное рогу самки хайнака (помесь монгольской коровы с яком. – *В. С.*)». На том месте [хан] приказал построить *Алтан-сюме* и установить [там] статую Майдари-гэгэна. Когда он приказал еще изучить [и определить] место для строительства [другого] храма, [Балдан-габджу] доложил: «Вот это место, благоприятное [и твердое] как голова самца архара [= дикого горного барана]. Будет хорошо построить на нем субурган», то там построили субурган Наян Тохой (*букв.* «восемьдесят локтей [локоть-мера длины, равная 0,32 м]». – *В. С.*). Близ него также построили *Мёнггүн-сюме* («Серебряный храм». – *В. С.*) и установили статую Даркин-гэгэна (*Дара экэ*, богиня Тара. – *В. С.*). В этих двух местностях, поскольку там были построены высокий храм и субурганы на костях (*букв.* «на рогах и головах», т. е. на неподобающем фундаменте. – *В. С.*), имеется большая опасность разрушения

стоящих на земляных возвышениях храма и субурганов, когда их раскачивают и роняют. Как говорят, из-за этих двух [храмов] появилось большое зло: жизнь Галдан-хана оказалась короткой, [его] государство и религия быстро пришли в упадок. Кажется то, что храм и субурган построили в местах, пользующихся нехорошей славой (*maγu nere-tei yaǰar-tu*) и назвали их именами животных, действительно явилось дурным предзнаменованием.

Да наслаждаются счастьем! *Om sarva ma ka la!*

Написал Дээди, закончив в 14-й день второго месяца года «эр-модон-така» («эр-дерева-курицы». – В. С.) сорок четвертого года [правления] Албату тёр.

IV.4. Комментарии

1. Как было принято в монгольском историописании того времени (включая и исторические сочинения ойратов), автор связывает историю Монголии с историей Тибета и Индии. Эта традиция, на которую повлияла общая религия, утвердилась в культуре монголов после распространения у них буддизма в его северной, тибетской форме и зарождения феодально-клерикальной историографии (вторая половина XVI — начало XVII в.)¹.

2. Самые ранние жизнеописания Будды Шакьямуни были составлены в Индии через 400–600 лет после его предполагаемой смерти. Приводимые в монгольских летописях даты рождения Будды недостоверны и часто противоречат друг другу². Принятая сейчас в буддизме система летосчисления была введена лишь в начале 50-х гг. XX в. В словаре «Буддизм» указывается, что «Будда жил между 560 и 480 гг. до н. э., а официально признанные даты жизни Будды 623/624–543/544 гг. до н. э.»³.

3. Речь идет о Тибете. В монгольских сочинениях Тибет именовался «Снежной страной», что представляет собой точный перевод одного из распространенных тибетских поэтических названий страны («страна снегов»)⁴.

4. В настоящее время большинство исследователей датой рождения Чингис-хана называют 1162 г., но это год черной лошади, а не белой. Вот что написал по этому поводу ученый лама Лубсан Данзан, автор выдающегося произведения монгольской историографии XVII в. «Алтан Тобчи» («Золотое сказание»): «Во время пребывания в Дэлигун-Болдаге, на Ононе, в год черной лошади, в первый летний месяц, в полдень шестнадцатого дня родился Чингис-хаган»⁵.

¹ Цендина А. Д. Указ. соч. С. 99–162.

² Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание») / Пер. с монг., введ., коммент. и прил. Н.П. Шастиной. М., 1973. С. 304.

³ Шара Туджи. Монгольская летопись XVII века сводный текст, перевод, введение и примечание Н.П. Шастиной. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 174.

⁴ Корнеев В. И. Будда // Буддизм: Словарь. М., 1992. С. 51.

⁵ Лубсан Данзан. Алтан Тобчи... С. 65.

5. Сказанное здесь не согласуется ни с подлинной хронологией событий, ни с фактами реальной истории. Чингис-хан и его преемники не имели никакого отношения к династии Мин, правившей в Китае в 1368–1644 гг. В эпоху Чингис-хана, к началу завоевания монголами Китая на территории этой страны существовало несколько различных государств: на севере — чжурчжэньская империя Цзинь, на северо-западе — тангутское государство Си Ся, на юге — Южносунская империя и государство Наньчао. Весь Китай был окончательно завоеван монголами в 70-х гг. XIII в., и в нем утвердилась власть чужеземной династии Юань, основал которую в 1271 г. внук Чингис-хана Хубилай (1215–1294). Он и стал первым императором Юаньской империи. В рассматриваемом отрывке отразились, по-видимому, воспоминания о другом времени, когда войска объединенной Монголии, находившейся под властью ойратского тайши Ээсна, разгромили в 1449 г. в Тумуском сражении армию минского императора Чжу Цичжэня, а его самого взяли в плен¹.

6. Речь идет о легендарной яшмовой печати великих ханов монгольской династии Юань в Китае. Она называлась Хасбу и в послеюаньский период будто бы находилась во владении и передавалась по наследству всемонгольскими ханами — чингисидами старшей линии дома Чингиса. С началом маньчжурской агрессии против Китая «была придумана легенда о том, что печать Юаньских хаганов была передана манджурским императорам сыном последнего монгольского великого хана Легдана» (Лигдан-хана, 1604–1634. – В. С.)².

7. В «Белых юртах» в местности Эджэн-Хоро в Ордосе хранились реликвии, связанные с культом Чингис-хана. Шаманский культ, посвященный Чингису, сложился во времена Монгольской империи, а «Белые юрты» считались опорой государства монголов³.

¹ Санчилов В. П. Ойрато-китайские отношения после «Тумуской катастрофы» 1449 г. // Восток (Oriens), 2009. №1. С. 133–139.

² Владимирцов Б. Я. Общественный строй... С. 194.

³ Лубсан Данзан. Алтан Тобчи... С. 357.

8. «Шесть хошунов монголов» употреблено вместо выражения «Шесть тумэнов монголов», обозначавшего в послеюаньский период всех монголов. Считалось, что именно столько их оставалось после падения империи Юань и изгнания монголов из Китая¹. Известная японская исследовательница Дзюнко Мияваки указывает, что в период правления последнего всемонгольского хана (1466–1543) Бату-Мункэ Даян-хана он разделил своих подданных на 6 тумэнов. Это были тумэны Правого крыла — *Чахар*, *Халха* и *Урианха* и тумэны Левого крыла — *Ордос*, *Тумэт* и *Йонгшийэбу*, во главе каждого находились его сыновья².

9. «Дурбэн-ойратами» назывался союз западномонгольских кочевых этнополитических объединений послеюаньского периода, предшествовавшего созданию в 1635 г. Джунгарского ханства. Монгольское и ойратское слово *dörben* («четыре», в русской передаче «дурбэн»), будучи присоединено к этнониму *ойрат*, образует сложный термин *дурбэн-ойрат*, передающий значение *союз четырех ойратов*. Однако долгое время не было ясно, когда возник Дурбэн-ойратский союз, и каков был его состав³. Иакинф Бичурин связывал появление союза со свержением власти Юаньской династии и изгнанием монгольских завоевателей из Китая в 1368 г. (у самого Бичурина — в 1367 г.)⁴.

Термин «дурбэн-ойрат» приобрел значение этнонима гораздо раньше, задолго до возникновения этого союза. Б. Я. Владимирцов справедливо указывал, что этноним «дурбэн-ойрат» или «дурбэн-тумэн-ойрат» появился во времена Чингис-хана, когда древнее племя ойратов, относившееся к «лесным народам» Южной Сибири, вошло в состав созданного им монгольского

¹ См.: Шара Туджи... С. 166–170 (монг. текст), 158, 159 (рус. перевод).

² Miyawaki J. The Qalqa Mongols and the Oyirad in the 17th century // Journal of Asian History. Vol. 18, №2. Wiesbaden, 1984. P. 137.

³ См.: Санциров В. П. К вопросу о Дурбэн-ойратском... С. 7–12.

⁴ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста, 1991. С. 25.

государства¹. В административном отношении ойраты были разделены на четыре «тысячи» (это были тумэны), отсюда и пошло данное название. Как известно, в юаньский период произошло изменение семантики этнонима «ойрат». Если раньше он обозначал отдельное, реально существовавшее племя, то спустя некоторое время превратился в собирательное название других племен, родственных ойратам либо живущих в близком с ними соседстве. Каждое из них, будучи разного происхождения, внутри новой ойратской общности сохраняло собственное название, но в сношениях с внешним миром уже выступало под общим названием «ойрат». Это объясняется тем обстоятельством, что ойратская знать занимала в государстве монголов привилегированное положение. Поэтому другие родоплеменные подразделения «лесных народов» присвоили себе славное имя «ойрат» и стали называться этим именем. После падения Юаньской империи, в то время, когда монгольские ханы — чингисиды — были заняты кровопролитной войной с Минской империей, правители западномонгольских (ойратских) родоплеменных объединений смогли укрепить независимость своих владений и установить контроль над соседними территориями. Населявшие их племена стали уходить из-под власти монгольских ханов и присоединяться к ойратам. В составе ойратов появились новые этнополитические образования, вобравшие в себя различные кочевые группы, населявшие Западную Монголию. Заняв ведущее место в социально-политической структуре ойратского общества, они вытеснили на задний план старые роды и племена, остатки былой родоплеменной организации. Тем временем в Монголии ослабла власть всемонгольских ханов, и в условиях воцарившейся в стране феодальной раздробленности племена Западной Монголии объединились в антимонгольский племенной союз. Среди правящей верхушки нового кочевого объединения не было мужских потомков Чингис-хана. Как справедливо указывает японская исследовательница Дзюнко

¹ *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. С. 157.

Мияваки, «те кочевые племена, которые не были монголами в истинном смысле, объединились против монголов в более узком смысле, поддерживавших династию чингисханидов, а их новый племенной союз стал именоваться «дурбэн ойрат» по имени их главного племени»¹. В первой половине XV в. «новые» ойраты под властью деятельных и честолюбивых правителей — тайши Тогона и его сына Эсэн-хана — заняли доминирующее положение в Монголии и пытались заново объединить страну.

Долгое время ввиду недостаточной источниковой базы многие исследователи (Б. Я. Владимирцов, И. Я. Златкин и др.) отрицали сам факт существования Ойратского союза. Однако активный поиск и выявление новых источников по истории ойратов, введение их в научный оборот, изучение содержащихся в них сведений об этнической истории позволили ученым КНР и Монголии в последние два десятилетия прошлого века и первое десятилетие века нынешнего положительно решить спорный вопрос о существовании Союза дурбэн-ойратов².

Получению новых сведений в немалой степени способствовало обнаруженное в Синьцзяне в 1982 г. ойратское историческое сочинение на «ясном письме», известное под названием «История Хо-Öрлөка». Автор его неизвестен. Несмотря на фрагментарный характер находящихся в нем сведений, оно по своему содержанию может быть отнесено к разряду особо ценных источников. В нем впервые появляется сообщение о том, что в истории ойратов послеюаньского периода в разное время последовательно формировались три союза, но число входивших в него главных родоплеменных подразделений, сохранивших за собой название «ойрат» оставалось неизменным. За все время существования этого союза их всегда было четыре,

¹ *Miyawaki Junko. A Volga-Kalmyk family tree in the Ramstedt collection // Journal de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 83. Helsinki, 1991. P. 206.*

² *См.: Oyirad teüken surbulji bičig; Oyirad teüke-yin durasqalud; Ойрад Монголын түүхэнд холбогдох сурвалж бичгүүд. I–III. Улаанбаатар, 2001–2003.*

а определение «четыре» употреблялось по-прежнему перед этим названием в составе сложного этнонима «дурбэн-ойрат» (букв. «четыре ойрата»).

Основываясь на показаниях «Истории Хо-Өрлөка», исследователи установили, что союз дурбэн-ойратов по времени существования подразделялся на три периода: 1. Первые Четыре Ойрата (*Türügün Dörben Oyirad*) (1437–1502); 2. Средние Четыре Ойрата (*Dumdadu Dörben Oyirad*) (1502–1637); 3. Последние Четыре Ойрата (*Segül-ün Dörben Oyirad*) (1637–1758)¹. О *Первом Союзе* Четырех Ойратов в «Истории Хо-Өрлөка», написанной, как принято считать во второй половине XVIII в., сообщалось следующее: «Вообще-то в прошлом четыре племени, отделившись, составили [отдельное] племя под названием «дурбэн-ойрат» (букв. «Четыре Ойрата». – В. С.). Первый Ойрат – это «элеты», второй Ойрат — это хойты и батуты, объединившиеся вместе, третий Ойрат — это баргу[ты] и бурааты, объединившиеся вместе; четвертый Ойрат — это четыре анги (более мелкие родоплеменные подразделения. – В. С.). Когда эти *Четыре Ойрата* сформировались, они стали называться *Первыми дурбэн-ойратами* («Четырёмья Ойратами»)².

Если сравнить сведения о составе *Первого Союза* Четырех Ойратов из вышеприведенного отрывка «Истории Хо-Өрлөка» с теми, что содержатся в «Родословной монголов», то можно заметить определенное сходство между ними, несмотря на некоторые имеющиеся в них различия. В «Истории Хо-Өрлөка» первое, самое крупное подразделение в структуре «Первых Четырех Ойратов» носит название *элты*. Данный этноним, как объясняют монгольские ученые из КНР Эрдэнэбаатар и Цогту, происходит от монгольского слова *өөлий* («крупный, мощный»),

¹ *Erdenibayatur Č.* Oyirad teüke-yin šine negelte – Todo üsüg-ün surbulji bičig // *Öbör Mongyol-un bajši-yin yeke suryaуuli-yin erdem šinžilgen-ü sedgül.* Nemeltü sedgül, 1987. С. 177; Ойрад Монголын түүхэнд холбогдох сурвалж бичгүүд – II. С. 160–162.

² Oyirad teüke-yin durasqal-ud. С. 41; Ойрад Монголын түүхэнд. С. 161, 162.

что характеризует этот компонент новой ойратской общности как главное большое племя дурбэн-ойратов¹. В «Родословной монголов» конкретизируется, какие именно родоплеменные подразделения входили в это племенное объединение. Примечательно, что оно состояло из хошутов, торгутов, дэрбэтов и джунгаров, то есть тех субэтнических общностей, которым в дальнейшем суждено было играть ведущую роль в ойратской истории.

Второе и третье подразделения Дурбэн-ойратского союза включали в себя те этнические компоненты (хойтов, баатутов, баргутов и бураатов), которые по происхождению были связаны с родоплеменными группами древних ойратов Восьмиричья. К XVII в. они постепенно утратили свое значение, перестали быть отдельными племенами и перешли в разряд более мелких субэтнических подразделений. Кроме них, полностью растворились в составе крупных этнополитических объединений упомянутые здесь родовые подразделения, зависимые от баргутов, такие как Бурис, Барман, Гэлигэд, Джилигэд, о которых в дальнейшем почти ничего не говорится в ойратских источниках.

Что же касается четвертого подразделения («Четвертого Ойрата») в союзе дурбэн-ойратов, то в «Родословной монголов» они именуется просто *ўр-монголами* без указания названий входивших в него племен. Автор оставляет этот вопрос без ответа, поскольку данный этноним не встречается в других, написанных ранее ойратских сочинениях. Современный монгольский историк На. Сухбаатар полагает, что под *ўр-монголами* понимались *оор монгол* («пестрые монголы»), т. е. те монгольские роды и племена, которые во второй половине XV в., спасаясь от военных действий между Минской империей и государством Северная Юань в Монголии, присоединились к ойратам и стали одним из подразделений созданного ими союза. Когда же Первый Ойратский союз (1437–1502) распался, то они вошли в состав Шести тумэнов восточных монголов.

---

¹ *Erdenibayatur Šoytu. Oyirad teūke-yin šine negelte... С. 177.*

10. *Хошутский хан Хонггор. Хани-Нойон-Хонггор (Ноян-Хонггор)* — владетельный хошутский князь, принадлежавший к знатному роду хошутских правителей. Они считались потомками Хабуту Хасара, младшего брата Чингис-хана, и возводили свое происхождение к монгольскому «Золотому роду» Борджигид. Отцом Хани-Нойон-Хонггора был влиятельный государственный деятель по имени Бүбэй-мирза, который первым из хошутов стал председателем Ойратского сейма (чулгана), с 40-х гг. XVI в. У Хани-Нойон-Хонггора было пятеро сыновей: Байбагас-баатур, Түмэнтэй-Күндүлүнг-Убаши, Төрүбайху (более известный как Гүши Номин-хан), Дзасагту Чингбаатур, Буян-Отхон. Они прославились как «Пять барсов». Из них наибольшим влиянием в светских и духовных делах ойратов пользовался Байбагас¹.

11. *Эсэлбэйин Сайн-Ка* (букв. Сайн-Ка, [сын] Эсэлбэя). Сын хойтского правителя Мани Мингату из рода *Икэ Минган*². После гибели отца Сумтай Мингату в ойратско-ордосской войне с восточномонгольским Алтан-ханом он с 1574 г. стал управлять улусом Найман Минган Хойт («восьмитысячных хойтов»). Этот главный правитель племени хойтов отличился в войнах с восточными монголами и, будучи одним из влиятельных ойратских нойонов, много сделал для объединения дурбэн-ойратов. Вот как он характеризуется в ойратской исторической песне о разгроме халхаского Шолой-Убаши-хунтайджи: «Так выдается меж всеми Сайн-хя (Сайн-Ка. – В. С.), как белизна по бокам у быка вороного. Тысяч в дружине [его] будет четыре. Столько же в землю вонзается копий, столько же сытых коней на приколе. Зубы скрежещут, глотают слюну: где неприятель для смертного боя, молвит он, где молодец, чтоб поспорить?»³.

Он стяжал особую ненависть у своих врагов. Ордосский правитель Хутугтай-Сэцэн-хунтайджи говорил о нем так: «Глаза

¹ *Норбо Ш.* Указ. соч. С. 157, 158.

² *Льткин Ю.* Материалы для истории ойратов... С. 92, 96.

³ *Козин С. А.* Ойратская историческая песня о разгроме халхаского Шолой-Убаши-хунтайджи в 1587 году // Советское востоковедение. Т. 4. М.-Л., 1947. С. 97, 98.

у Эсэлбэя-Ка, как у коршуна. Он не тот человек, который ведет себя правильно. Давайте разделим улус «восьмитысячных хойтов» и уничтожим их силу»¹. Эсэлбэйн Сайн-Ка — «воин старый, разумный, красноречивый, хитрый и опытный в боях», как описывает его Юрий Лыткин, умер до 1636 г. в возрасте 62 лет².

12. *Шүкүр-Дайчин*. Старший сын торгутского тайши Хо-Өрлөка, откочевавший в Поволжье в 30-х гг. XVII в. вместе со своим отцом. Упоминается в русских документах, начиная с 1628 г., когда он уже был взрослым человеком³. После гибели в 1644 г. своего отца он наследовал ему и занял главенствующее положение среди калмыцких тайшей, но не все из них поначалу признавали его верховную власть. Поэтому он, по-видимому, вынужден был, как пишет Габан Шараб, отказаться принять присланные Далай-ламой грамоту и печать на ханское достоинство, отослав их обратно со словами: «Подобных мне нойонов много, как я буду ханом?»⁴. Тем не менее в своей внутренней политике Шүкүр-Дайчин неуклонно придерживался курса, направленного на усиление личной власти и подчинение себе оппозиционно настроенных владельцев калмыцких улусов. Он дважды — в 1646–1647 и в 1653–1654 гг. — совершил паломничество в Тибет («на богомолье», как сообщается в русских документах), посещая по пути Джунгарию и подолгу гостя у своих собратьев — джунгарских и хошутских тайшей. Близкое знакомство с внутренней обстановкой в Джунгарском ханстве не вызвало у него желания вернуться со всеми своими улусами в Джунгарию, хотя, как отмечают исследователи, «централизаторская политика Батур-хунтайджи стала для Дайчина своего рода образцом при создании калмыцкого территориально-политического объединения под верховенством России»⁵.

¹ *Sayang Sečen*. Erdeni-yin tobči. Ulanbator, 1958. С. 234, 235.

² *Пэрлээ Х.* Увш хун тайжийн туужид гарах түүхэн хүн, он цагийг судалсан тухай // *Studia Mongolica*. Т. 6 (14), fasc. 1–18. С. 95.

³ *Санчиоров В. П.* Начало вхождения калмыков... С. 308.

⁴ Сказание о дербен-ойратах... С. 31, 32.

⁵ Навеки вместе. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984. С. 27.

В проведении внешней политики Шүкүр-Дайчин также добился значительных успехов. Политическая трезвость и дальновидность позволили ему коренным образом изменить отношения с Русским государством и придать им форму военно-политического союза. Шерти 1655 и 1657 гг. завершили процесс добровольного вхождения калмыков в состав России. Прочное освоение ими степных пространств Нижней Волги и Предкавказья создало благоприятные условия для образования Калмыцкого ханства в составе России во второй половине 50-х — первой половине 60-х гг. XVII в. Шүкүр-Дайчин по старости отошел от дел в ханстве, передав в 1661 г. старшему сыну Пунгцуку (Мончаку, как он именуется в русских документах).

13. *Хара-Хула*. Джунгарский владетельный князь из знатного ойратского рода Чорос, родоначальник династии правителей Джунгарского ханства, отец основателя ханства — Эрдэни-Баатура-хунтайджи. Имел почетное прозвище Догшин-нойон. Прозвище *Хара-Хула*, с которым он вошел в историю, получил за то, что убил такого зверя. П. С. Паллас дал следующее его описание: «Зверь, как полагают, водится в Алтайских горах; калмыки знают его только по описаниям и представляют себе его очень свирепым, почти таким же свирепым, как лев. От головы и шеи он будто бы зарос густой и длинной шерстью, причем темно-коричневого цвета»¹. В современном монгольском языке *хар хул* имеет значение «маньчжурский тигр, леопард»².

Приняв власть в Джунгарском улусе в конце XVI в., Хара-Хула сделался одним из признанных и авторитетных ойратских правителей, принимавших активное участие в общеойратских мероприятиях в первой трети XVII в. В 1623 г. в составе объединенного ойратского войска он участвовал в отражении нападения халха-монгольского Шолой-Убаши-хунтайджи. Война с ним явилась кульминационным моментом в военном противостоянии

¹ Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. I-er Theil. SPb., 1776. С. 36.

² Большой академический монгольско-русский словарь. Т. IV. М., 2002. С. 162.

ойратов восточным монголам. В решающем сражении дурбэн-ойраты нанесли поражение и убили этого восточномонгольского правителя из династии Алтын-ханов, находившегося на вершине своего могущества. О Хара-Хуле, под началом которого находилось «шесть тысяч удалых молодцов», в одном ойратском источнике говорится: «Взглядом похож на голодного коршуна, всею повадкой на куцега волка, как на заре он в отару ворвется. Да и дружина нойону под стать»¹.

Успехи джунгарской группировки в войне с Алтын-ханом и последующих военных столкновениях с восточными монголами снискали Хара-Хуле авторитет среди правителей других ойратских улусов. Они окончательно освободились от зависимости от монгольских ханов. Вскоре после этого, в 1625 г., начавшееся среди хошутов междоусобие переросло в большую войну между ойратскими владетельными князьями. Хара-Хула, первоначально выступивший на стороне хошутского главного тайши Байбагаса, затем отказался от участия в общеойратском конфликте.

Он сумел извлечь выгоду из междоусобий в стане своих соперников из числа «больших тайшей» других улусов и занялся укреплением собственной власти в своих владениях. Хара-Хула, располагая значительными военными силами, превосходящими мощь других джунгарских нойонов вместе взятых, заставил их повиноваться и признать его верховную власть. В середине 30-х гг. XVII в. в результате проводимой им политики централизации сила и влияние джунгаров позволили им занять доминирующее положение в Ойратском союзе. В своей «Истории дурбэн-ойратов» Габан Шараб приводит оценку личных качеств Хара-Хулы, где он сравнивается со зрелым и полным сил верблюдом, в то время как его противники уподобляются «слабым и малосильным верблюжатам»². Он умер в 1634 г., его политику продолжил сын Эрдэни-Баатур-хунтайджи, вошедший в историю Центральной Азии как основатель Джунгарского ханства.

---

¹ Козин С. А. Ойратская историческая песнь... С. 98.

² Габан Шараб. Сказание об ойратах... С. 157.

14. *Юм-Ага* (*ага* – титул знатной женщины). Одна из пяти жен джунгарского правителя Баатура-хунтайджи, была, как сказано в «Родословной», дочерью торгутского тайши Шүкүр-Дайчина и матерью прославленных сыновей — Сэнгэ и Галдана, последовательно занимавших трон правителей Джунгарского ханства. Она славилась красотой, память о которой сохранялась среди волжских калмыков даже спустя полтора столетия, о чем сообщает монголист середины XIX в. Юрий Лыткин, известный своими переводами ойратских и калмыцких сочинений. По словам его калмыцкого информатора, Юм-ага наряду с тремя другими знатными женщинами была у ойратов такой красавицей, «каких теперь нет»¹. Будучи знатного происхождения, рожденная и воспитанная при дворе торгутских правителей, Юм-ага, помимо своей замечательной красоты, обладала еще твердым и решительным характером и пользовалась, судя по всему, большим влиянием при дворе джунгарских правителей. Об этом свидетельствуют приведенные в данном сочинении факты, которые не встречаются в других ойратских источниках.

15. *Байбагас* (*Байбагас-Баатур*). Главный хошутский тайша, председатель чулгана. Год его рождения в ойратских источниках не указывается. И. Я. Златкин ошибочно указывает 1599 год². Он был старшим сыном председателя Дурбэн-ойратского союза Хани-Нойон-Хонггора. Матерью его была Ахай-хатун, которая родила пятерых сыновей, прославившихся в ойратской истории как «пять барсов» («таван барс»). Кроме Байбагаса это были Түмэнтэй-Күндүлүнг-Дүүргэчи-Убаши, Гүши Номин-хан, Дзасакту Чинг-баатур и Буян-Хатан-баатур³. После гибели своего отца в 1577 или 1578 году в местности *Күбкэр Байр* в сражении с халха-монголами Байбагас возглавил ойратский чулган и стал именоваться Байбагас-ханом.

¹ Лыткин Ю. Материалы для истории... С. 99.

² Златкин И. Я. История Джунгарского ханства... С. 129.

³ Норбо Ш. Указ. соч. С. 158.

Он играл заметную роль в принятии ойратами буддизма. Как рассказывается в «Биографии Зая-пандиты», «когда все князья дурбэн-ойратов во главе с отцом Цэцэн-хана князем Байбагасом-Баатуром дали обет посвятить в банди (послушники) по одному сыну, то (все) другие князья посвятили в банди по одному сыну»¹. Тогда Байбагас, у которого в то время не было собственных детей, усыновил юношу из родственной знатной хошутской семьи для того, чтобы тот, приняв посвящение в монашеский сан, отправился на обучение в Тибет. Это был прославившийся впоследствии знаменитый ойратский первосвященник и просветитель, создатель ойратской письменности «тодо бичиг» («ясное письмо») Зая-пандита (1599–1662).

Во второй половине XVI и XVII в. ойратам пришлось вести продолжительные войны с восточными монголами, прежде всего, с княжеством Алтын-ханов, возникшим в 90-х гг. XVI в. в Халхе в процессе феодального дробления в Монголии. В результате военных поражений правителям ойратских улусов юго-восточной группировки пришлось признать свою зависимость от монгольского хана. Многие из них откочевали на запад, за линию Алтайских гор, а их прежние кочевья на реках Хунгуй и Дзабхан перешли к восточным монголам. Как установила японская исследовательница Дзюнко Мияваки, «господство халха-монголов продолжалось до 1623 года, когда объединенные войска дурбэн-ойратов сражались и убили халха-монгольского Убаши-хунтайджи, или Алтына-царя, как называют его в русских источниках, и таким образом вернули себе независимость»².

Ойраты, несмотря на раздиравшие их внутренние противоречия, выступили тогда единым фронтом против общего врага. Эти события нашли отражение в упоминавшейся ойратской героической песне, где говорится, что ойраты в сражении стояли «словно зубья пилы, или иглы ежа, сомкнутым строем в четыре

---

¹ Там же. С. 40.

² *Miyawaki Junko*. A Volga-Kalmyk family tree in the Ramstedt collection... P. 207.

ряда»¹. Командовал ими «первенствующий член» (*ахалагчи нойон*) Ойратского сейма (*чулгана*) Байбагас, который в песне характеризуется как «бранных потех он любитель большой», «в юрте-дворце своем дело ойратской державы и веры он судит», «страха не знает, живет без забот»². Обладая реальной военной силой этот хошутский правитель участвовал в войне со своим 30-тысячным войском, тогда как правители других улусов смогли выставить на поле брани гораздо меньшее количество воинов. Однако победа над внешним врагом не устранила внутренние противоречия в ойратском обществе. В 1625 г. междоусобие, начавшееся среди хошутской знати, переросло в большую междоусобную войну ойратских владетельных князей, в ходе которой Байбагас погиб.

16. *Очирту Цэцэн-хан* (?–1675). Известный ойратский государственный и религиозный деятель, хошутский владетельный князь, старший сын Байбагаса. После гибели отца занял главенствующее положение в хошутском улусе, в дальнейшем действовал в союзе с основателем Джунгарского ханства Баатуром-хунтайджи (правил в 1635–1653 гг.). Знаменитый съезд монгольских и ойратских князей 1640 г. состоялся в начале сентября в урочище *Улан-Бураа* на Тарбагатае, во владениях Очирту-гайджи. Так он звался до 1666 г., когда Далай-ламой ему был пожалован титул *Очирту Цэцэн-хан*. На этом съезде – чулгане, как сообщает ойратский источник «Биография Зая-пандиты», первенствовали (монгольский) Дзасакту-хан и двое ойратских тайджи³, под которыми имеются в виду джунгарский правитель Эрдэни-Баатур-хунтайджи и хошутский Очирту. Именно к правителю хошутов могли приехать монгольские князья-чингисиды, не умаляя своего достоинства, так как среди ойратов только хошутские князья по своему происхождению считались выходцами из «Золотого рода» *Борджигит*.

¹ Козин С.А. Ойратская историческая песнь... С. 97.

² Там же. С. 98.

³ Норбо Ш. Указ. соч. С. 14.

По авторитетному мнению И. Я. Златкина, «Очирту-гайджи оставался неизменным другом и союзником Батур-хунтайджи на протяжении всех лет правления последнего»¹. Это свидетельствует о том, что «в XVII столетии на Ойратском сейме были два первенствующие члена: один из Зюнгарских владельцев, а другой из Хошутовских»². Более или менее устойчивое равновесие между двумя крупными улусами в Джунгарском ханстве сохранялось и при преемнике Баатура-хунтайджи Сэнгэ (1653–1670), хотя среди хошутов не прекращались междоусобия, вызванные соперничеством за власть князей из их правящей династии. Это привело к ослаблению хошутской группировки.

Пришедший к власти в 1671 г. в Джунгарском ханстве Галдан проводил политику централизации и подавлял сопротивление крупных ойратских феодалов. На этой почве произошел конфликт между ним и вторым влиятельным правителем в ханстве — Очирту Цэцэн-ханом. Последний потерпел поражение и сошел с политической арены в 70-х гг. XVII в. Лишенный всех своих владений и полномочий, Очирту скончался в 1675 г., вместе с ним прекратил свое существование своеобразный дуумвират — союз хошутского правителя и джунгарских правителей из дома *Чорос*.

17. *Гүши-хан* (1582–1655). Хошутский владетельный князь, выдающийся ойратский государственный и религиозный деятель. Настоящее имя – *Төрүбайху*. Третий сын хошутского Хани-нойон-Хонггора (в «Илэтхэл шастир» сказано, что он был четвертым сыном). В 1607 г., когда ему исполнилось 25 лет, он способствовал мирному разрешению военного конфликта, начавшегося между ойратскими и халхаскими князьями, за что высшим иерархом Дунхэр-хутугтой, распространявшим буддизм в Халхе, он был удостоен почетного титула *Дай гүүши* (букв. «великий наставник»). С этого времени он стал называться *Гүши-ханом*. Он оставил о себе память как ревностный приверженец

¹ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства... С. 169.

² Лыткин Ю. Материалы для истории ойратов... С. 85.

ламаизма, по его приказу были переведены с тибетского языка сутра «Алтын гэрэл» и другие религиозные сочинения¹.

Төрүбайху с ранней молодости принимал участие в военных походах и отличился на военном поприще. В 1636 г. к ойратским князьям Джунгарии за помощью обратились Далай-лама и иерархи «желтошапочной» секты Гелуг, которые терпели поражение от своих противников из «красношапочной» секты в разгоревшейся в Тибете религиозной войне. Общее командование объединенным ойратским войском принял на себя Гүши-хан, который в 1637 г. прибыл в Кукунор и в большом сражении наголову разгромил 40-тысячную армию союзника «красношапочников» — восточномонгольского князя Цогту-тайджи. Когда Гүши-хан установил свое господство в Кукуноре, который как непосредственное преддверие в Тибет мог служить хорошим плацдармом для вторжения в эту страну, сюда прикочевала и поселилась здесь основная масса его подданных. В 1639 г. с большим войском, пополненным за счет войск джунгарского Баатура-хунтайджи, он вступил во внутренние районы Тибета и установил над ними свою власть, заняв «высокий трон тибетских царей»².

В 1642 г. Гүши-хан передал верховную власть над всем Тибетом V-му Далай-ламе. Таким образом, впервые Далай-лама стал и светским, и духовным главой Тибета. Столицей единого Тибета была официально провозглашена Лхаса, ставшая резиденцией Далай-ламы и его правительства. Сам хошутский князь при жизни сохранял за собой фактическую власть над страной, поскольку верховное командование над ойратскими и тибетскими войсками было сосредоточено в его руках. Гүши-хан умер в 1655 г. в возрасте 72 лет, но его преемникам не удалось сохранить свои позиции в Тибете.

¹ Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын түүх. Дэд боть, 1604–1917. Улаанбаатар, 1968. С. 61.

² См.: Санчилов В. П. Теократия в Тибете и роль Гуши-хана в ее окончательном утверждении // Ламаизм в Калмыкии. Элиста, 1977. С. 18–25.

18. *Буян-Отхон (Буян-Хатан-баатур)*. Хошутский князь, младший сын хошутского владетельного князя Хани-Нойон-Хонггора, один из «Пяти барсов». В 1637 г. после завоевания Кукунора поселился здесь со своими подданными людьми.

19. *Көндөлэнг-Убаши (Түмэдэй-Көндөлэнг-Дуургэчи-Убаши)*. Второй сын хошутского владетельного князя Хани-нойон-Хонггора, один из его сыновей — прославленных «Пяти барсов», младший брат Байбагаса. Был одной из ключевых фигур в политической жизни ойратов, его деятельность приходится на период со второго десятилетия и до конца 60-х гг. XVII в¹.

Көндөлэнг-Убаши был активным участником обращения ойратских князей в буддизм. По примеру других ойратских князей он отдал одного из своих сыновей для посвящения в духовное звание. В 1637–1638 гг. этот хошутский князь участвовал в тибетской кампании, когда на начальном ее этапе объединенное ойратское войско под командованием хошутского Гүши-хана и джунгарского Баатура-хунтайджи завоевало Кукунор. После этого оно вторглось в Тибет и разгромило здесь сторонников «красношапочной» секты. В 1640 г. Көндөлэнг-Убаши был одним из участников Джунгарского съезда монгольских и ойратских князей, на котором было принято «Великое уложение».

Несмотря на принятие съездом решений, призванных обеспечить относительное единство ойратских кочевых группировок, старые внутриойратские межфеодальные противоречия устранить не удалось. В 1640-х гг. зачинщиком смуты выступил Көндөлэнг-Убаши, развязавший междоусобную войну со своим племянником Очирту, сыном Байбагаса, оспаривая у него верховную власть в Хошутском улусе. Көндөлэнга-Убаши подерживали дэрбэтские князья, наследники дэрбэтского Далая-тайши, занятые борьбой за раздел отцовского наследства после его смерти в 1637 г. Они постоянно выступали вместе против «двух тайджи» — хошутского Очирту и джунгарского Баатура-

---

¹ *Норбо Ш.* Указ. соч. С. 184, 185; *Лыткин Ю.* Материалы для истории ойратов... С. 109–115.

хунтайджи, проводившего политику централизации. Как справедливо отметил в свое время Ю. Лыткин, Көндөлэнг-Убаши «как старший из братьев после Байбагас-Хана, неприязненно смотрел на замыслы и успехи Зюнгарского Батур-Хон-Тайчжия и связавшего с ним свою судьбу Хошутовского Цецен-Хана (имеется в виду Очирту. – В. С.), старшего сына Байбагас-Хана»¹.

Когда Баатур-хунтайджи умер в 1653 г., Көндөлэнг-Убаши продолжал враждовать со своим племянником. В конфликте, разгоревшемся между Очирту и его младшим братом Аблаем из-за наследства, он взял сторону Аблая, заключив с ним союз. В последние годы жизни его влияние ослабло, так как он разделил свой наследственный удел между сыновьями, которые и заняли его место, получив наследство. В 1660-х гг. Көндөлэнг-Убаши с 3000 подвластных кибиток прикочевал из Джунгарии на Волгу и присоединился к торгутам. Историк из Синьцзяна предположил, что он, потерпев поражение, прибыл сюда, спасаясь от воцарившихся в Джунгарии княжеских междоусобий².

---

¹ Лыткин Ю. Материалы для истории ойратов... С. 109.

² Норбо Ш. Указ. соч. С. 185.

V. ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК УПРАВЛЯЛИ ГОСУДАРСТВОМ ВЛАДЫКИ ЧИНГИСА И ПОДДЕРЖИВАЛИ ХАНСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ

V.1. Введение

Это сочинение «История о том, как управляли государством владыки Чингиса и поддерживали ханское правление» («Boγda Ćinggis-un törü-yi bariγad qaγan örgüge tedkügsen tuγuǰi») имеет и второе название — «Родословная владыки Чингиса, родословная дурбэн-ойратов, родословная хошутов» («Boγda Ćinggis-un уу, дөрбөн Оуирад-un уу, Qošud-un уу-un teüke biĉig»).

Рукопись сочинения на «ясном письме», сохранившаяся в Синьцзяне, была обнаружена и введена в научный оборот в 80-х гг. XX в. Оригинал, написанный волосяной кистью, переписал набело владелец рукописи З. Дүгэй и опубликовал с предисловием Алтан-Оргила в выходящем в Синьцзяне на «ясном письме» журнале «Хан-Тэнгри», в № 2 за 1983 г.

В 1992 г. китайские ученые Бадай, Алтан-Оргил и Эрдэнэ перепечатали этот текст в сборнике «Ойратские исторические памятники»¹, переложив его на старомонгольскую письменность, разбив его на абзацы и расставив знаки препинания. В 2002 г. монгольский ученый На. Сүхбаатар издал текст этого сочинения в переложении на кириллице в третьем выпуске своего многотомного издания «Источники по истории ойрат-монголов»². Таким образом, этот источник стал доступен для работы многим исследователям, на него ссылаются и используют в своих исследованиях. Тем не менее необходимо отметить, что содержащаяся в нем информация еще недостаточно проверена, поскольку не была подвергнута источниковедческой экспертизе.

Что же касается автора сочинения, то из его содержания видно, что это был хошут. Не случайно он называет его «историей происхождения хошутов» и говорит в первую очередь о

---

¹ Oйирад teüken surbulǰi biĉig... С. 6–21.

² Ойрад Монголын түүхэнд... III. С. 57–68.

хошутских князьях. Он критически относится к чоросским ханам, связывая их происхождение не с небесной девой, а с урянхайским Чжурчидаем.

Хотя в самом сочинении напрямую ничего не говорится о времени его написания, но, основываясь на встречающихся в нем сведениях, именах исторических персонажей, можно определить дату его написания. Издатели этого сочинения относят время написания к XIX в. В нем также приводится множество ценных и малоизвестных фактов о взаимной вражде и соперничестве между князьями, со знанием дела говорится о происхождении главных князей чоросов, торгутов, хойтов, дэрбэтов и хошутов, объясняется значение этнонима *хойт*. Особого внимания заслуживает упоминание о том, что Тогон-тайши является потомком урянхайского Чжурчидая, и то, что происхождение торгутов и хошутов связывается с периодом правления именно Тогона (1420–1439).

Хотя это сочинение было написано в 1850-х гг., из его содержания следует, что автор ставил целью закончить историю описанием событий 1750-х гг., приведших к крушению Джунгарского ханства. Автором всячески подчеркивается, что союзное государство дурбэн-ойратов связано родством с Чингис-ханом, а то, что считающиеся его непосредственными наследниками объединенные монголы раздробились и рассеялись, является ошибкой.

V.2. Транслитерация

Boγda Činggis qaγan-u uγ, Dörben Oyirad-un uγ, Qošud-un uγ-un teüke bičig //

Boγda Činggis qaγan bolqul-a Qošud-un uγ //

Dörben jüyl bolqul-a noqai toloγayitu kümün, üker toloγayitu kümün, öröče-degen nidu ama-tai kümün, gedesün-degen nüke-tei kümün // Tabun öngge bolqul-a Ulaγan Kitad, Köke Mongγol, Čaγan Solongγud, Qara Tangγud, Sir-a Qotong // Dörben jüyl tabun öngge bolqul-a ene yisun // Zambutib-un yeke qaγas mön //

Egün-i oroγulju abqu-dayan, Činggis Boγda-yin idi šidi-yin küčün, Qabatu Qasar-un qarbulγ-a, Böke Belgütei-yin aγuu yeke küčün, Očinaï baγatur-un jirüken, qaraču albatu Jarčiyudai Mergen // Činggis Boγda ene dörben baγatur-tai dayılaju oroγulju abuγad ejelebei //

Tere čay-tu, Boγda-yin yeke köbegün Čaγadai-yi Rum abču qaγan kibeï // Qoyaduγar köbegün Ongγodi-yi nutuγ-taγan abču qaγan kibeï // Gurbaduγar köbegün Kiristun saluγad yabuju doluγan üy-e damjiju Danjin blama-du kürču ireged, Danjin blam-a-ača dörben köbegün töröbei // Egün-ü uγ dörben ayimay-un Qalq-a noyad eden mön // Dörbedüger köbegün Lingjang Čaqar abču qaγan kibeï // Boγda-yin dörben köbegün doluγan ači-yi qubiyaju abuγad qaγan saγulyabai //

Qabatu Qasar-un uγ, Böke Belgütei-yin uγ, Aruγ Temür-ün uγ, Očini baγatur-un uγ, Šir-a tayiši-yin uγ, ede dörben degüü doluγan ači-yin uγ, egün-i qara Qorčin, öber döčin yisun qošiγun // Basa Baqar, Qoqon, Badayšan, Yarkiyeng (Yarken), Qašiqar, Qamil, Gulja, Turpan, Burud eden-ü qamuγ bügüde Qasaγ tayiži-nar-un uγ eden mön gedeg //

Qabatu Qasar, egün-ü köbegün Engketemür // Egün-ü köbegün Buraysanji, egün-ü köbegün Sabširma, egün-ü köbegün Aγsaqaltai noyan // Egün-ü köbegün Araytemür, degüü ni Ürügtemür-tü qošiγun qošiγun-ača sayin mayu albatu-bar ömči ögügsen-dü, degüü ni öčildegged šinggekü jüg-ün Ögeled-ün Toγon-tayiši-yi tüšijü odqul-a ni, Toγon-tayiši keüken-iyen öggüged kürgen kižu saγulyaba // Qošiγun geju neriyidbei //

Ürügtemür, egün-ü köbegün Dügüreng Döçin // Egün-ü köbegün Temür, Töküdei, Ĵinggis ene yurba // Töküdei-yin köbegün Samalaqu Čečen, egün-ü köbegün Adaqai // Egün-ü köbegün Nayatai // Egün-ü köbegün Oboĵ Ĵinggis, Buubei Mirče goyar // Oboĵ Ĵinggis-un köbegün Ĵoyotai Ĵinggis, egün-ü köbegün Sükür, egün-ü köbegün Noyan Erdeni, egün-ü köbegün Gumboširab //

Buubei Mirče-yin köbegün Qan Noyan Qongyor // Egün-ü köbegün Qayinaĵ Tüšiyetü, qoyaduĵar ni Bayibaĵas-noyan, yurbaduĵar ni Dügürgeçi-noyan, dörbedüger ni Töröbariqu-gegen Güši-qayan, tabuduĵar ni Čereng Qatan, ĵiryuduĵar ni Buyan Odqon // Baibaĵas-un köbegün Vcirtu Čečen qayan, Abalai qoyar // Včirtu Čečen-qayan-u aqa köbegün Erdeni qung-tayĵi, Galdama qoyar // Erdeni qung-tayĵi-yin köbegün Galdan Dorĵi, egün-ü köbegün Lubzang Gombo // Abalai-yin köbegün Čayan // Čečen qayan-u uy tasurayad, Abalai-yin uy Köke-naĵur-yin Qošud-tu bayina //

Dügürgeçi-noyan-u arban ĵiryuyan köbegün-eče, Yeke Badai aqatai yisun köbegün ni uy albatu-tai-ban Ĵegün ĵar-tu üledeged, qoyin-a ni Barkül, Ürümcü-du bayiyad qamtu ebderebei // Eden-ü uy-ača Buyankešig ĵasay ĵayčayar üledebei // Badai-yin uy-ača Yuldus-tu dörben qošiĵun beyise aqalaĵu Iĵil-ača irebei //

Güši qayan-u arban köbegün-ü aq-a Dayan gegçi Včir qayan // Egün-ü köbegün Pungsuy Dalai-qayan // Egün-ü köbegün Lhazung qayan, egün-ü köbegün Galsang Danĵin, egün-ü köbegün Balĵuur // Bišingkin-u uy Köke-naĵur, Alašan-du qorin nigen ĵasay bayina //

Iĵil-du doluyan noyan-u uy albatu-tai-ban üledebei gedeg //

Boĵda-yin kürgen Ĵarčiĵudai-ača törögsen köbegün Ĵelme-yi nige üy-e Begeĵing-dü ilgetei bolĵaĵu sayulĵayad, qoyin-a ni Ögeled Mongĵol-du dörben degüü doluyan ači-yin uy-ača noyan ese kürteged, Ĵelme-yi abču noyan kiĵu ilĵaĵu ĵaruĵad, qoyitu ĵüg-ün Altai, Qobay Sayiri, Tarbaĵatai, Eriyen Qabiry-a, Ili ĵerge ĵaĵar-tu bayıĵsan Qotong, Burud eden-i dayilaĵu abuĵad eĵelebei // Ĵelme-eče doluyan üy-e damĵiĵu Bo qayan-du kürcü ireged, Bo qayan Qormustan tngri-yin keüked ĵalayad Temür Toĵon tayiši törüged Ögeled-ün qayan bolĵu ĵaruĵsan bayin-a.

Temür Toγon-tayiši-yin köbegün Öštemür Darqan-noyan, egün-ü köbegün Bürin Ayalyu, egün-ü köbegün Esen // Esen-eče qoyar köbegün yaruba, aqa köbegün Ongyorqai, qoyaduγar köbegün ni Ongyoča //

Bürin Ayalyu-yin degüü Boronayal-un köbegün Yeke Ongyorqai gegči Išigei-tayiši-ača yarban üy-e damjıyad Dalai-tayiši-du kürcü ireged, Dalai-tayiši-ača doluyan köbegün yaruba // Egün-ü dörbedüger köbegün ni Ombo Dayičing Qošiγuči, egün-ü köbegün Išijab-un uy Dörbed qaγan čing-vang Γangdorji eden mön // Bišingkin-u uy yarban qošiγun beyise eden mön // Dalai-tayiši-yin degüü Bo Yeldeng-ün uy Bayad-un jiyung-vang (цзюнь-ван) eden mön // Bišingkin arban jasay bolqul-a bišingkin-u uy eden mön //

Esen-ü qoyaduγar köbegün Ongyoča, egün-ü köbegün Qamuγ tayiši // Qamuγ tayiši-yin yarban köbegün-ü aq-a ni Ragnan-čingsang, qoyaduγar ni Nusqanai, yarbaduγar ni Ongyoi, eden yarban noyan Ögeled gedeg // Oyrad-i aqalaγu abču negülgeged Šir-a Šimnu-du kötölegdejü odoγad qoyitu bey-e Ki Sekei ündüşütei Qarmasaq-a aγula-yi dabaγu nutuγlayad bayiγsan-du mösün urγuγu böglebei gedeg //

Kešig Örlög-ün köbegün Abutai Bulai-tayiši, egün-ü köbegün Qotoqočin Qar-a Qula čola ni Doγšin-noyan gedeg // Egün-ü dörben köbegün, aq-a köbegün Bayatur qung-tayiji // Qoyaduγar köbegün Mergen Dayičing Qošiγuči gedeg, egün-ü köbegün Danjin čola ni Γarma Dayičing, egün-ü uy Qalq-a-yin Ša beyise bayin-a // Γurbaduγar köbegün Aγanai, yarban üy-e damjiju Dašidaba Dambu kürüged uy tasuraba // Egün-ü albatu ni Čaqar-tu-čigi bayin-a // Basa dumdayur-ni Qubutu-yin albatu-du oroγulba // Bayatur qung-tayiji-yin bay-a degüü ni Čükür Ubaši, egün-ü ači ni Andau-du oroγu, Alašan-du beyise jerge-tei bayiγad, qoyin-a ni dakiju urbaγu Jęgün yar-tu qariγu ireged qamtu ebderebei //

Bayatur qung-tayiji-yin yeke qatun-ača dörben köbegün yaruba // Čečen-bayatur, Jodbu-bayatur, Joriγtu Qošiγuči, Bidarai // Bay-a qatun-ača doluyan köbegün yaruba, aq-a ni Senggerabtan // Qoyaduγar ni Galdan, čola ni Bošoγtu-qaγan gene // Γurbaduγar ni

Bom-noyan-u üren Dabači, Dabači-yin uy beyise Yamatai epu bolju Begejing-dü güng bayinam // Dörbedüger ni Dorjijab, Qalq-a-yin Tüšiyetü qaγan Čaquyidorji-du alaydaba // Tabuduyar ni Pungsuydaši, egün-ü ači köbegün Ǧalsangdorji qamuy-un segül-dü dayaγu oroγsan-du, Boyda eγen-eče Ǧegün γar-tu qaγan talbiγad, daray-a ni dakiju urbaγu odoyad yeke čerig-tü alaydaba // Jiryuduyar köbegün Darma, γurban üy-e damjiγu Sanjiab-tu kürüged dotor-a dayaγu oroγsan-du kiy-a talbiγad Mongγol qošiγun-du sayulyaba // Doluyan köbegün-ü nige ni ebedčin-iyer tayalal bolba //

Qung-tayiji-yin yeke qatun-u aq-a köbegün Čečen bayatur, bay-a qatun-u aq-a köbegün Senggerabdan ečige ni Bayatur qung-tayiji tayalal boluγsan-u qoyin-a qaγan sayuri buliyalduγu Čečen-bayatur, degüü Senggerabdan-i qoroγaysan-du nutuy čuy jöbčilejü toytayad, Juu-yin Ǧaldan keyid-ün šüm-e-dü surγayuli-du sayulyaγu blam-a boluγsan Ǧaldan-i qar-a kijü abču ireged qaγan bolyaba // Daray-a ni Čečen-bayatur-i nutuy-tu ni bariju qoroγaba // Čečen-bayatur-un nige eke-yin degüner Jodbu, Joriγtu, Badarai γurbayula urbaγu negüged Köke naγur-tu oduγsan-du, Boyda eγen-eče jiyüng-vang beyile beyise γurban noyan talbiγad sayulyaba // Tegün-eče (Ǧaldan-i) Dörben Oyirad čuy neyilejü, Ǧaldan-i Bošoγtu qaγan gejü čola ögčü ergümjilebei // Ǧaldamba-yin keüken Anuu-yi qatun kijü abču ögbei Anuu-ača nige köbegün γaruba, egün-ü ner-e-ni Sebdenbaljur //

Qoyin-a-ni, Bošoγtu qaγan-u beye Dörben Oyirad-un čerig-i abuyad Enedkeg-eče naγaruki γajar γajar-un Qotong, Burud, Anjiyan, Qasaγ eden qamuy-i nige üy-e dayilaγu oroγulju abuba // Nige tal-a-ban Čečen-qaγan-i qoroγaγu qaγan sayuri-du sayuγu bayiyad, basa dakiju čerig abču morduyad Qalq-a-yi dayilaγu oroγuluγsan-du, Qalq-a dotor-a dayaγu oroγsan-du // Engke Amuyulang qaγan qamuy mui-un čerig, basa Qalq-a-yin čerig bügüde dalan tümen čerig-i qaγan-u gegen bey-e-ber aqalaγu morilayad čuy Bayidaray-tu kürčü irebei // Yerü emün-e gekül-e, Bošoγtu qaγan-u ači köbegün Čevangrabdan gegči qung tayiji Bosoytu-qaγan-luy-a eb ügei boluyad, Čevangrabdan nutuy-iyen elči, Borotala-du negülgejü odba // Bošoγtu qaγan Qalq-a-luy-a dayilalduγ-a kijü oduγsan qoyin-a, aru-du bey-e-ber ni qung

tayiji qoyar tümen čerig abču uulyalan dabiraju ireged abay-a bergen-ü örküge kürtel-e oljalaju negülgeged Ili, Borotal-a-du abču oduysan-i Boşoytu qağan sonosuyad, emün-e gekül-e Kitad Qalq-a qoyar dayin daruyad bolba, aru-duni ači köbegün qung-tayiji dayin bolba geju čimeg-e bariysan-du, Boşoytu qağan-u bey-e jabqan-u berke čağan engge-tü tayalal bolba // Boşoytu qağan-u köbegün Sebdenbaljur aba abalaju keger-e yabuysan-i Qamil-un Tuke-begi bariyad Begejing-dü ögču alayulba // Boşoytu qağan-u uy tasuraba // Boşoytu qağan-i dayaju yabuysan nökur noyad-i Begejing-dü oroçulba //

Bayatur qung-tayiji-yin bay-a qatun-u aq-a köbegün Senggerabdan-u köbegün Čevangrabdan // Qoyaduqar köbegün Danjin Norbo, egün-u köbegün Čerendongyurub, yurban üy-e damjiyu Nemeküjiryal-du kürüged ebdereju dayusba // (Čevangdorji) [Čevangrabdan] gegči Joriytu qung-tayiji, egün-ü yeke qatun Qoşud Jinong-un keüken-eče qoyar köbegün yaruba // Aq-a ni Galdan Čeren, čola ni Degendü Noyad gene // Qoyaduqar ni Noyan Gambu, čola ni Lubsangpungsuy // Bay-a qatun Ayuki qağan-u keüken Seterjab-ača Šunai aqatai köbegün keüken doluyan yaruba //

Tere čay-tu qung-tayiji-yin bay-a qatun ni bey-e-eče yaruysan tayiji-nar-ıyan dayayulju abuyad, tümen čerig-tei yařar sakiju aba abalaju oduysan qoyin-a, Galdan Čeren qağan-du qayurmay qob üge kürüged «bay-a eke čini ečige-tei čini neyileged tümen čerig-ıyer čımayı alayuluqad, bey-e-eče-ben yaruysan Šunai-bar qağan sayulqay-a geju bayin-a //» dakiju kelegesen-dü itegeged keger-e yabuysan degüner-ıyen qoroqaqu geju šımdan süni düli čerig čuylayuluqad, Galdan Čeren qağan aqalaju odoqad bay-a eke köbegün degüner-ıyen čuy-i ni alaba // Tegün-eče yařča Šunai julaju oduysan-i ečige eke qoyar ni sonosuyad, naqaču-nar-tayan Ayuki qağan-du odba geju bayiysan-du, Šunai qurdun jegerde mori-ban unuyad, julaju yařču oduqad, Altai-yin Uriyangqai-du kürüged Bürküd gedeg kümün-ü ger-tü bultuju bayişad, Bürküd-ün keüken-lüge sedkil nigedču sayutal-a, basa darui-du bey-e-düni Galdan Čeren-dü qudal čimege sonosuytayad «Šunai ende-eče naqačunar-tayan kürüged, Ayuki qağan-du medegülju büm čerig abču ayisuna» geju kelegesen-dü, Galdan Čeren qağan ayuqad degüü noyan Gambu-yi qariyal kiju ög

gejü dakin kelejšü, «qariyal kişu ese ögkül-e üküne bi» gejü kelegensendü, Uriyangqai-du bayişan Şunai-du qariyal kikül-e genedte tayalal bolba // Şunai-yin neyilegsen keüken-eçe nige köbegün yaruba // Tere köbegün-ü Uriyangqai-yin Bayar Mangnai amban ene gedeg //

Galdan Čeren qağan-u yeke qatun Qoşud Čaydarmanji-yin keüken-eçe qoyar köbegün yaruba // Aq-a köbegün Čevang Dorjinamjil, čola ni Aja gedeg // Qoyaduñar köbegün ni Möküşi // Bay-a Burud qatun-ača nige köbegün yaruba, čola ni Lhama Erdeni //

Tere čay-tu Galdan Čeren qağan tayalal boluşsan-du qoyin-a ni, Aja-yi qağan sayulyayad, daray-a ni Aja-yi barişu qoroşaba // Möküşi-yi barişu ögbei // Blama boluşsan-u Lhama Erdeni-yi qağan sayulyayad, daray-a ni Dabaci, Amursana neyilejšü, Lhama Erdeni-yi qoroşayad, Dabaci-yi qağan sayulyaba //

Tere cay-tu Dörbed-ün noyad-ud Dabači-tai öčildeged, Erdeni qağan julaşu Qobaş Sayiri-du bayişan albatu-dayan odba // Qoyid-un tayiji Amursana basa Dabaci-tai ebderelčiged, Amursana dotor-a Begejing-dü oruşsan-du čin-vang jamu tusalaqu jangjun čola oşoyad, daray-a ni Amursana Liyang Guvang Zungduu aqatai yurban tümen čerig dayayulşu yarču ireged, «Dabači-yi barişu ögsü» gejü mekeleşü keleged tere čay-un uy ende bayişan Qoşud-un noyad-ud-tai neyilejšü Zungduu-yin yurban tümen čerig-i kiduşsan-du, dakijü dotor-a-ača yučin tümen čerig abču yurban jangjun aqalaşu morduyad Dabači-yi dayilaqu, Amursana-yi bariqu gejü ireged, Dabači qağan-i barişu Begejing-dü kürgebei // Amursana doluyan nököd-tei-ben Oros-tu oroba // Oyirad-un noyad-tu Boyda ejen-eçe keşig kürtegejšü ayučilan tübşidgebei // Falsangdorji-yi Čoros-un qağan, Čeren-i Dörbed-ün qağan, Čaydarmanji-yi Qoşud-un qağan, Bayar-i Qoyid-un qağan, ene dörben qağan-i talbibai // Qalq-a-yin qağan şiy dörben qağan bolşayad, ayımay büri tegşi bişi, dörben ayımay-tu čin-vang, jüyüng-vang arban ilegüü vang talbişad, basa yeke bay-a kedün jaşay talbişad, nige jil önggeregülüged Begejing-dü oduşsan-du Dörbed Čeren čin-vang, Čeren Ubaşi jiyün-vang Čeren Möngeke jiyün-vang qoyar, Qoyid arban jiryuyan jaşay Begejing-dü jisalaşu oduşsan qoyin-a, aru-duni üledeggen Engke gedeg čin-vang, Möngeke Temür gedeg jiyüng-vang aqatai, dörben ayımay-un arban kedün jaşay aqatai, basa

aru-duni ƒalsangdorĵi, Čaydar Manĵi, Bayar aqatai ĵurban vang čuy neyileĵü urbayad Ürümči, Barkül, Čonĵi ĵurban qota-yi dayılaysan-du, tegün-eče dakiĵu dotor-a-ača yeke čerig ĵarču ireged, meyiren-ü ĵanggi Yarıyaşı ĵurban tümen čerig-tei ireged, Čaydarmanĵi-yi Barküldü bariĵu qadaba // ƒalsangdorĵi-yi čaling čerig-tü ĵangĵun doluyan tümen čerig-tü oduyad bariĵu qadaba // Bayar-i Altai-yin bel-dü bariĵu qadaba // Nemekü aqatai-yi Ercis-ün ĵool-du, basa tus tus-ni bayiysan ĵaĵar ĵaĵar-tuni kiduysan-u toĵ-a Ĵegün ĵar, Qoşud, Qoyid ene ĵurban tümen ilegüü kürgeĵü kiduba gedeg // Odo egün-eče üledeĵü ĵaruysan ni, basa ĵaĵar ĵaĵar-tu miqači bolĵu bayiysan-i boyda eĵen-eče ĵarliĵ bayuĵu quriyaĵu ab, basa Qasaĵ-tu olĵa-du oduysan-i orĵoĵu iregsen-i orĵoĵu abuyad Ili, Tarbayatai qoyar-tu qorin kedün sumun bolyaĵu bayılyabai //

Dörbed Dalai-qayan arban ĵırĵuyan qoşıyun eden ebderel-dü orol ügei bayıĵu tübşin bolĵai // Sayin Ĵayayatu Dörbed geĵü bayiysan bayına gedeg //

Qoyid-un noyad-un uy, angqan-du Bo-qayan-u čay-tu Oyirad, Qalqa ilĵaraĵu ĵarču ireged Oyirad dotor-a-ban neyileĵü, qoyidu bey-e-deki Oyirad-i Qoyid geĵü ner-e ügbei //

Oyirad qoyar anggi bayıĵu bayiyad, Qoyid-un Yeke Mingyan gekü nigen ner-e-tei kümün ĵiyasun-du ĵuqali-bar şigüĵü yabutal-a, nige usun-u dolgiyan dotor-a nige nilq-a köbegün uruşču yabuysan-i yeke Mingyan ĵuqali-bar tataĵu abuysan-du, ĵuqali-yin iĵügür quĵuraĵu, köbegün-ü čikin-du mengge bayiysan-du Oyirad süyike ĵegükü yosun tegün-eče ĵaruba //

Tere köbegün-ü uy Yeke Mingyan uy-tai geĵü neriyedbei // Köbegün-dü Mergen geĵü nere ögbei // Ösčü yeke boluyad unuĵu morin daĵayaday ügei bolon bayatur ĵirüke-tei böke čidaltai bolĵu Qoyid-un noyan bolĵu bayiysan-du, Qar-a Kitad-un noyan elči ilegeĵü Bo-qayan, Yabuyan Mergen qoyar-tu bičig bariĵulĵu, Yabuyan Mergen-i Kitad-un oron-du ĵalaĵu oduyad ƒarudi şibayun-u ayalĵu-yi daĵuriyalayad, Kitad-un qayan maĵu-bar qar-a sanaĵu buruĵu em bariysan-du mön tayalal bolba // Kitad-un oron-ača edür süni ügei bum bum-iyar kümün şireg ebedčün-iyer üküĵü ĵaruysan-du, Kitad-un qayan ayuĵu Ĵang diyan ši-du ayiladqaysan-du ĵarliĵ boluysan

ni: «Та Ачитай Мergen-ü ачи-йи қариулул үгеи байижу qoor kigsen tula, tan-u Kitad-un oron-ača nige-čü kümün üledeši» gejü jarliq boluqsan-du, basa dakiju ayiladqaysan du «Ачиту Мergen-ü барayун dalu-yi ni abuyad süm-e bariju takituyai! Bišingki yasu-yi ni uy yaǵar-tu kürgegüлкүле tan-u Kitad-un oron-ača yurban šar үкер-үн noosun-u toy-a-bar үкүкед üledegseñ-ni örsün bolqu, dalu-yi-ni ese salıybasu amiduraǵu bosqu-du mayad ügei» gejü jarliq boluqsan du, dalu-yi Begejing-dü takibai // Batud gekü naiman jaǵun Kitad čerig nige amba-tai-yi yarıyad, Yabuǵan Mergen-ü yasu-yi nutuy-tu ni kürgegülbei // Jaǵur-a Ĵimši (Ĵimšayiri)-du kürüged yašu-ni yabuǵu ese ögbei // Mön tegün-duni Eriyen Qabırǵ-a-du yasu-yi ni talbiyad, naiman jaǵun Kitad-i möñ tere yaǵar-tuni bayılıyaysan-du, Betüd gedeg ögede boluqsan bayina // Yabuǵan Mergen uǵ naǵan-a-ača odqudayan Boyda-yin Alay aǵula-yi «yamar sayıqan yaǵar bui» gejü jarliq boluqsan-du, yasu ni yabul ügei bayıju gedeg // Tegün-eče ekilejü yaǵar-i sayıqan gejü keledeg ügei üge tegün-eče yarıba gedeg //

Ǵalsun qaǵan-u köbegün Yabuǵan Mergen // Yabuǵan Mergen-ü köbegün Erkeqar-a, egün-ü köbegün Oduñ-noyan, egün-ü köbegün Udaqu-noyan, edün-ü köbegün Elengqor // Egün-ü köbegün Očirmingyatu, Čidumingyatu, Ĵıyđumingyatu ene yurban bui // Očirmingyatu-yin köbegün Eselbei-yin Sayin Kiy-a, Erčisbi, Ĵoriyту yurban ene bui // Eselbei-yin Sayin Kiy-a-yin köbegün Nomdalai, Noyan Ubaši, Buyan Burqan ene yurban bui // Nomdalai-yin köbegün Sultan Ubaši, Sümer Tayiši ene qoyar bui // Sümer-ün köbegün Alay Nidun Ayuši, Naǵad, Qaraji, Čoyiǵi ene dörben bui // Alay Nidun Ayuši-yin köbegün Belegetei Ubaši // Egün-ü köbegün Günčügǵab, Ayurǵab ene qoyar bui //

İjaǵur yirtinči-yin kümün naiman tümen nasu-tai nayan toqoi bey-e-tei bayıqu čaǵ-tu, olan-du ergügdegsen qaǵan yarıyad tabun bum üy-e deger-e Burqan baǵši ögede bolju, Naran qaǵan-u nige köbegün ečiǵe-degen kögegegeđjü julaǵu oduyad Töbed-tü ireged, Maniy gedeg Tangyad-tu qaǵan sayuba // Tegün-eče Kitad-tu oroju qaǵan sayuba // Tegün-eče Kitad-un Dayičing qaǵan bolju sayuyad, Andau-ača Tangyad Kitad abču, tegün-eče Vang qaǵan yarıba //

Darui ni eke ni ügei boluyad Dayičing qaγan Kitad qatun abuyısan qoyin-a, Vang qaγan qoyitu eke ni ečiγe-düni maγudqaγu qob keleju kögelged tabun Kitad dayayulju ögküged naγaču-nar-tuni Tangγad-tu od geju ilegegsen-dü, odqul-a ni tan-u Kitad bidan qoyar oyir-a bayina terüi ni sonosuyad öšiγen bile geju keleged, Vang qaγan-du tabun Tangγad dayayulju ögküged jегün bey-e-dü Mongγol-un oron-du od geju ilegegsen-dü, Vang qaγan Qalq-a-du irekül-e ni Qalq-a-yin qaγan tan-u Kitad biden-ü qoyar oyir-a bayin-a geju kelebei // Mön šinggekü jüg-tü Qotong Anjıyan-u γaγar-tu oduγsan-du, egün-dü man-u Mongγol Oyirad nutuy bayıju, basa Qalq-a-yin tabun kümün dayayulju yabuylba // Vang qaγan arban tabun nököd-tei yabuju Oyirad-un Toyon-tayiši qaγan-du tüšijü irekül-e ni, Toyon-tayiši keüken qayiralaju sayulyaysan-du «nutuy-ača saluγsan noyan, egür-eče saluγsan šibayun geju keledег kögerüküi noyan yasutai» geju jarlıy boluyad, Toyon-tayiši keüken-iyen ögküged kürgen keju abuyad «turay görögesün šig öngge čirai sayıqan qoyar jayun tabin jalayu, qoyar jayun tabin keüken-tei-yi albatu keju ab» geju qayiralabai, tegün-eče ekilen Toryud geju üsbei [nere ögbei] //

Vang qaγan, egün-ü köbegün Kibeng, egün-ü köbegün Susai, egün-ü köbegün Maqači Mergen // Maqači Mergen-ü köbegün qoyar, nigen ni Buyıγu Örlög, qoyaduyar ni Ongqan // Buyıγu Örlög-ün köbegün dörben, yeke-ni Juljaya Örlög, qoyaduyar Ongqun Čabčiyači, yurbaduyar Boru Qaşıqa, dörbedüger Mangqai // Ongqun Čabčiyači, Boru Qaşıqa, Mangqai eden γurban-u uy Güši Gegen-qaγan-i dayaju negüged Köke nayur-tu nutuyłaju, γurban jasay boluγsan bayina gedeg // Mangqai-yin köbegün Abutai Buuči, egün-ü köbegün-ü uy Jегün γar-tu albatu bolju bayin-a gedeg // Ongqun Čabčiyači-yin köbegün Tenes Mergen Temene, egün-ü köbegün Mergen jinong, egün-ü köbegün Erke-jinong, egün-ü köbegün Danjin toyin, egün-ü uy Altai-yin jiyün vang eden mön //

Buyıγu Örlög-ün köbegün Juljaya Örlög // Juljaya Örlög-ün köbegün Qo-Örlög // Qo-Örlög-un köbegün jıryuyan, yeke köbegün Šükür Dayičing // Šükür Dayičing-eče qoyar köbegün γaruba, yeke ni Namčeren, qoyaduyar ni Pungsuy // Namčeren-u köbegün Najar // Najar-un köbegün Dorji Gümби, (Qo-Örlög-ün) qoyaduyar köbegün

Rabjur, yurbaduɣar ni Ubaši Dorji Gümbi, egün-ü uy çin-vang Batu nar eden mön // Rabjur-un uy Ejine-yin beyile eden mön // Qo-Örlög-ün qoyaduɣar köbegün Yeldeng-noyan, egün-ü köbegün Mergen-tayiji, egün-ü uy ni Qobay Šayiri-yin tayiji nar eden mön // Gurbaduɣar köbegün Luɣung-noyan, egün-ü köbegün Dorji, egün-ü uy ni Ğing-un beyile eden mön //

Šükür Dayičing-un aq-a (köbegün) Namçeren-dü Čečen qaɣan-u keüken-i abçu ögkübei // Baɣ-a köbegün Pungsuy-tu Baɣatur qung-tayiji keüken-i abçu ögküğšen qoyin-a, Baɣatur qung-tayiji albatu-ača-ban čerig daɣayulju Torɣud-i Ijlil-ača naɣaru negülgeju abur-a geju bayıqu-yi Šükür Dayičing sonosuyad, gedesü-tei bayıɣsan beriben törküm-düni ilegeged kelegülkü-degen «ečiğe çini man-i qaşıju negülgeye geju bayın-a» geju kelegülüged, beri-degen elbeg meke ɣarɣayad üge kelegülju Ğıɣaju ögküged negülgekü-yi oɣoraɣuluya geju kelegesen-dü, beri törküm-degen odoyad sara güyiçegsen köbegün-iyen ɣarɣayad tegün-düni asaraɣuluyad nutuy-taɣan qaribai //

Qariɣsan-u qoyin-a ni, tere köbegün-ü nere-yi Ayuki geju nere ögbei // Köbegün naɣaçu-nar-taɣan arban nigen nasu kürüged bayıju bayıɣsan-du, (Qo-Örlög) (Šükür Dayičing)-un bey-e ni Ğuu-du očiɣad qariqu-daɣan ači köbegün Ayuki-yi abçu qariqu-du-ban abçu yabuɣsan nige Ğaɣun köbegün-iyer ni inji geju ögbei // Nutuy-taɣan bayıju bayital-a qoyin-a ni, Ögeled-ün Bar Abalai noyan Qoşud, Ğegün ɣar, Dörbed, Qoyid dörben tümen čerig-i abçu morduyad Torɣud-i naɣaru negülgekü geju oduyad Šükür Dayičing-i bariju abuyad aq-a-daɣan Čečen-qaɣan-du ögbei // Bar Abalai-yin bey-e ni Torɣud-tu qaɣan saɣuba // Tere Bar Abalai-ača Ayuki-yi nutuy ni bultuyulju aɣula-du ɣarɣaju bayılyabai // Šükür Dayičing Čečen qaɣan-u oyir-a taɣalal bolbai // Daraɣaa ni Torɣud çuy neyileju Bar Abalai-yi bariɣsan-du Abalai-yin köbegün Čayan Ğulaju ɣaruyad Qasaɣ-tu yabuju yar ebedçin-iyer ügei bolbai gesen-i Torɣud sonosuyad, Bar Abalai-yi qoroɣaba // Ayuki-yi aɣula-ača baɣulyaju abçu ireged qaɣan saɣulyaba //

Tegün-eče ekileju Torɣud geju neriyedçü nutuy laba // Ongdon bayıbai baɣatur bolbai // Om šayın amuyulang boltuyai //

V.3. Русский перевод

Родословная августейшего Чингис-хана, родословная ойратов и родословная хошутов

Августейший Чингис-хан является родоначальником хошутов (*Qoʻshud uy*) [1].

Четыре вида (*дөрвөн зүйл*) — это люди с собачьими головами, люди с коровьими головами, люди, у которых на груди глаза и рот, люди с отверстиями на животе.

Пять цветных [народов] — это красные китайцы, синие монголы, белые корейцы (*солонгод*), черные тангуты, желтые уйгуры. Четыре чужих и пять цветных [народов] — всего девять [2]. Это — большая часть Замбутива [3].

Когда покоряли эти народы, то [использовали] волшебную силу (харизму) владыки Чингиса, стрельбу из лука Хабуту Хасара (искусного стрелка Хасара) [4], огромную силу силача Бэлгүтэя [5], храбрость Очина-баатура [6] и мудрость простолюдина-албату (*харц албат*) Зарчигудая [7]. Владыка Чингис воевал вместе с этими четырьмя богатырями, покорил и стал владеть этими народами.

В то время старший сын Владыки Чагатай (*Цагаадай*) [8] взял Рим, и он сделал его ханом. Второго сына Онгоди [9] он взял в свое владение и сделал ханом. Третий сын Киристон [10] отделился и кочевал [отдельно]. Через семь поколений после него следует Данджин-лама. У Данджин-ламы родилось четверо сыновей. К его роду принадлежат князья четырех аймаков Халхи. Четвертый сын Лингджан (*Лигдан*) [11] принял под свою власть чахаров (*Цахар*) и стал ханом. Разделив [потомство] четырех сыновей и семи внуков Владыки, он посадил их на ханский престол.

Род Хабуту Хасара, род силача Бэлгүтэя, род Арагтөмөра, род Очинай-баатура, род Шара-тайши [12], род этих четырех братьев и семерых внуков. Из них состоят, говорят, роды тайджиев черных хорчинов (*хара Хорчин*) [13], 49 хошунов Внутренней Монголии [14], а также потомки тайджиев Бухары, Коканда, Бадахшана, Яркенда (*Яргийенг, Яркэн*), Кашгара (*Хашихар*),

Хами (*Хамил*), Кульджи (Гулз), Турфана, киргизов (*буруд*) и всех всех казахов.

Хабуту Хасар, его сын Энгкэтөмөр [15]. Его сын Бурагсанджи, его сын Сабширма, его сын Агсахалтай-нойон. Его сын Арагтөмөр. Из-за того что он при разделе младшему брату своему Өрөгтөмөру выделил в долю из каждого хошуна хороших и плохих албату, младший брат остался недоволен. Когда он [отделившись от своего старшего брата] отправился к жившему на западе элётскому Тогону-тайши и попал под его покровительство, Тогон-тайши, отдав ему в жены свою дочь, сделав его своим зятем, поселил [в своих владениях]. Он назвал их хошутами [16].

Өрөгтөмөр, его сын Дүүрэнг Дөчин [17]. У него три сына: Төмөр, Төкүдэй, Джингис [18]. Сын Төкүдэя Самалаху Цэцэн, у него сын Адахай (Адхай), у него сын Нагадай. У него двое сыновей: Обог Джингис и Бүүбэй Мирзэ [19]. Сын Обог Джингиса — Йүүдэй Джингис, его сын Шүкүр, его сын Нойон Эрдэни, его сын Гомбошараб.

Сын Бүүбэй Мирзэ — Хан-нойон Хонггор [20]. У него сын Хайнаг-түшээтү. Второй сын — Байбагас-нойон [21]. Третий сын Дүүргэчи-нойон [22], четвертый сын — Төрүбариху-гэгэн Гүшихан [23], пятый сын — Цэрэнг Хатан, шестой сын — Буян-Отхон.

У Байбагаса — двое сыновей: Очирту Цэцэн-хан [24] и Аблай [25]. У Очирту Цэцэн-хана двое сыновей: старший сын Эрдэни-хунтайджи и Галдама [26]. Сын Эрдэни-хунтайджи Галдандорджи, его сын Лубзанг Гомбо. Сын Аблая — Цаган. Род Цэцэн-хана пресекался. Потомство Аблая есть среди кукунорских хошутов.

Из 16 сыновей Дүүргэчи-нойона девять сыновей вместе со старшим братом Бадаем и со своими родовыми албату остались в Джунгарии. Позже, находясь в Баркуле и Урумчи, все они погибли. Из их рода остался один только *засак* Буянкишиг. Из рода Бадая в Зултус с Волги прибыли [калмыки], управляемые четырьмя хошунными *бэйсэ*.

Старший из 12 сыновей Гүши-хана Даян гэгчи Очир-хан. Его сын Пўнгуек Далай-хан. Его сын Лхазунг-хан, его сын Галсанг Данджин, его сын Балджуур. Из потомков остальных [сыновей Гүши-хана] в Кукуноре и Алашани имеется 21 *засак*. Говорят, что на Волге остались потомки 7 князей со своими албату.

Рожденного от зятя Владыки (=Чингис-хана) Чжарчиудая [27] сына Джэлмэ [28] на некоторое время посадили наместником в Пекине, затем, поскольку элёт-монголам не достались князья из рода четырех братьев и семи внуков (т. е. чингисидов. – В. С.), выбрали Чжэлмэ и сделали его их ханом. Он завоевал уйгуров (*Хотон*), киргизов (*Буруд*), живших на севере, на Алтае в Хобог-Сайире, Тарбагатае, Эрээн-Хабирга, Или и других местностях, и стал управлять ими. Через семь поколений после Чжэлмэ следует Бо-хан (*Бу хан*) [29]. От брака Бо-хана с дочерью Хурмусты-тенгрия родился Төмөр Тогон-тайша [30], который стал элётским ханом.

Сын Төмөр Тогон-тайши — Өштөмөр-дархан-нойон, его сын Бүрэн Аялгуу, его сын Эсэн [31]. У Эсэна родилось двое сыновей. Старший сын — Онггорхай, второй сын — Онггоца.

Через семь поколений после сына Боронахала, младшего брата Бүрэн Аялгуу, Йэкэ Онггорхая, называемого Ишигэй-тайши, следует Далай-тайши. У Далай-тайши родилось 7 сыновей. Его четвертый сын — Омбо-Дайчинг- хошуучи, потомки его сына Ишджаба — это дэрбэтский хан, *чин-ван* Гангдорджи. Потомки остальных — три хошунных *бэйсэ*. Потомок Бу Йэлдэнга, младшего брата Далай-тайши, — баитский *цзюнь-ван*. Остальные 10 *засаков* — это потомки остальных.

Второй сын Эсэна — Онггоца, его сын — Хамаг-тайши. Из трех сыновей Хамаг-тайши старший — Рагнан-чинсанг, второй — Нуханай, третий — Онггой (Онгуй). Этих трех князей называют элэтами [32]. Став во главе ойратов, они откочевали по наущению Шара шулмы (Желтого демона. – В. С.). Когда они перебрались через гору Хармасаха, на северной стороне которой

[жил] народ Ки Сэкэй, кочевали там, образовался лед и загородил [им дорогу назад] [33].

Сын Кэшиг-Өрлөга [34] — Абудай Булай-тайши [35], его сын — Хотогочин Хара-Хула [36], его титул — Догшин-нойон. Его четыре сына: старший сын — Баатур-хунтайджи. Второй сын — Мэргэн Дайчин-Хошуучи, его сын — Данджин, его титул — Гарма-Дайчин, его потомок — халхаский Ша-бэйсэ. Третий сын — Агани, через три поколения, дойдя до Дашидавы Дамбо, род пресекся. Его албату есть даже в Чахаре. Еще половину разместили среди Кобдоских албату. Самый младший брат Баатура-хунтайджи — Чөкүр-Убаши, его внук перебрался в Амдо (*Andau*) и, имея в Алашани титул *бэйсэ*, затем снова изменил и вернулся назад к джунгарам. Погиб вместе с ними.

От старшей жены Баатура-хунтайджи родилось четыре сына: Цэцэн-баатур, Зодбо-баатур, Зоригту-Хошуучи, Бидарай. От младшей жены родилось семеро сыновей. Старший — Сэнггэрабдан. Второй сын — Галдан, его титул был, говорят, Бошогу-хан. Потомок третьего сына Бум-нойона — Дабачи (Даваач), потомок Дабачи *бэйсэ* Ямадай стал *эфу* (императорским зятем) и проживает в Пекине в чине *гуна*. Четвертый сын Доржиджаб был убит халхаским Түшету-ханом Чахуйидорджи (правильно: Чахундорджи. – В. С.). Пятый сын — Пүнгсүгдаши, его внук Галсангдорджи самым последним принял [цинское] подданство. Цинским императором был посажен на престол хана Джунгарии, затем он снова взбунтовался и был убит императорской армией. Шестой сын — Дарма, через три поколения после него следует Санджиджаб, который после принятия [цинского] подданства был произведен в хиа (пажи. – В. С.) и поселен в монгольском хошуне. Один из семи сыновей скончался от болезни.

Старший сын старшей жены хунтайджи Цэцэн-баатур после смерти своего отца Баатура-хунтайджи вступил в борьбу за престол со старшим сыном младшей жены [37] Сэнггэрабданом. Когда Цэцэн-баатур убил своего младшего брата Сэнггэрабдана, то вся страна посоветовалась и решила [призвать на власть]

Галдана, который находился на обучении в храме тибетского монастыря Галдан и стал ламой. Его побудили вернуться, сложив с себя духовное звание, и возвели на ханский престол.

Затем он захватил Цэцэн-баатура в его владениях и казнил. Единоутробные младшие братья Цэцэн-баатура — Зодбо, Зоригту и Бидарай — взбунтовались и откочевали. Когда они прибыли в Кукунор, то цинский император пожаловал им княжеские титулы *цзюнь-ван*, *бэйлэ* и *бэйсэ* и поселил [в своих владениях]. После этого все дурбэн-ойраты (Четыре Ойрата) объединились и провозгласили Галдана ханом, преподнеся ему титул Бошогу-хан. Дочь Галдамбы Ану выдали за него замуж и сделали ханшей. У Ану родился один сын. Его сына зовут Сэбдэнбалджир.

Затем Бошогу-хан лично с войском Четырех Ойратов одновременно завоевал всех живущих по сию сторону от Индии уйгуров, киргизов, узбеков, казахов и подчинил их своей власти. Прежде всего, он убил Цэцэн-хана и занял ханский престол, а также, взяв войско, отправился в поход. Когда он завоевал Халху и подчинил её своей власти, то Халха приняла цинское подданство.

Император Канси (Энгке Амугулан, 1662–1723) собрал войско со всех провинций, а также халхаское войско — всего в количестве 70 тысяч. Сам светлейший государь стал во главе его и, отправившись в поход, дошел до [местности] *Байдраг*. Вообще-то до этого племянник Бошогу-хана Цэван-Рабдан, именуемый хунтайджи, в то время когда Бошогу-хан начал войну с Халхой, откочевал в Или и Бороталу со своим нутуком (т. е. улусом. — В. С.).

Сам же хунтайджи, после того как Бошогу-хан отправился, чтобы завоевать Халху, совершил грабительский набег с двумя тумэнами [на его владения], разграбил их вплоть до ставки жены своего дяди и угнал [людей и скот]. Услышав об этом, Бошогу-хан, когда получил известие о том, что спереди ему нанесли поражение китайцы и халха-монголы, а сзади против него ведет войну его племянник хунтайджи, умер в [местности] *Завханы Бэрх Цагаан Энх*. Сына Бошогу-хана Сэбдэнбалджира,

когда тот находился на облавной охоте в степи, захватил в плен хамийский Гокэ-бек и отослал в Пекин, где его казнили. Род Бошогту-хана пресекался. Дружинники и князья, которые сопровождали Бошогту-хана, были отосланы в Пекин.

Цэван-Рабдан, сын Сэнгэрабдана (Сэнгэ. – В. С.), старшего сына Баатур-хунтайджи от младшей жены. Второй сын — Данджин-Норбо, его сын Цэрэндонггороб, через три поколения после него на Нэмэкүджиргале род его полностью пришел в упадок.

Цэвангдорджи, называемый Зоригту-хунтайджи. У него от старшей жены, дочери Хошуд-джинона, родилось двое сыновей. Старший Галдан-Цэрэн, его титул — *Дээдү-нойон*. Второй — Нойон Камбо, его титул — *Лубсангпунгсуг*. От младшей жены, дочери Аюки-хана Сэтэрджаб, родилось семеро сыновей и дочерей. Старшим сыном был Шунай.

В то время младшая жена хунтайджи в сопровождении привезенных с родины тайджиев, взяв один тумэн войска, отправилась инспектировать свои земли и провести облавную охоту. После этого до хана Галдан-Цэрэна дошли лживые и клеветнические слухи о том, что «будто бы младшая ханша, его мачеха, в сговоре с его отцом (т. е. Цэван-Рабданом. – В. С.) хочет с помощью этого 10-тысячного войска убить его и посадить на ханский престол рожденного ею сына Шуная». Хан Галдан-Цэрэн поверил [этому навету] и, стремясь погубить находившихся в степи своих младших братьев, собрал в полночь войско и, став во главе его, выступил в поход и расправился со своей мачехой — младшей ханшей и всеми её сыновьями. Из них только Шунай спасся бегством. Его отец и мать (видимо, Цэван-Рабдан и его старшая жена. – В. С.), услышав об этом, подумали, что он отправился к родным по матери и Аюке-хану. Когда Шунай на быстром рыжем коне ускакал, то он прибыл к алтайским урянхайцам и прятался в юрте одного человека по имени Бүргүд. [Там] он жил, сойдясь с дочерью Бүргүда, а затем также до самого Галдан-Цэрэна дошли ложные слухи о том, что будто бы «Шунай отсюда

добрался до своих родственников по матери, доложил [обо всем] Аюке-хану и возвращается вместе со 100-тысячным войском». Когда хану Галдан-Цэрэну сказали об этом, то он испугался и стал еще и еще раз говорить своему младшему брату, нойону Камбо, чтобы тот навел порчу [на Шуная]. Он сказал: «Если ты не наведешь порчу, то я умру». Тогда находившийся в Урянхае Шунай, когда против него произнесли заклинание, внезапно умер. У девушки Шуная, с которой он вступил в связь, родился сын. Говорят, что потомком того сына является урянхайский *амбань* Баяр Мангнай.

У хана Галдан-Цэрэна от его старшей жены, дочери хошутского Чагдарманджи родилось двое сыновей. Старший сын — Цэванг-Дорджидамджил, его титул, говорят, Аджа (Ажаа). Второй сын — Мёкёши. У него от бага-бурутской жены родился один сын, его титул — Лхама-Эрдэни.

В то время, после того как умер хан Галдан-Цэрэн, на ханский престол возвели Аджая, затем Аджая схватили и убили. Мёкёши схватили и выдали. Ставшего ламой Лхаму-Эрдэни возвели на ханский престол, затем Дабачи и Амурсана объединились и, убив Лхаму-Эрдэни, возвели в ханы Дабачи.

В то время дэрбэтские князья повздорили с Дабачи. Эрдэнихан сбежал и направился к своим подданным в Хобог-Сайир. Хойтский тайджи Амурсана также поссорился с Дабачи. Когда Амурсана прибыл в Китай, в Пекин, то ему были пожалованы звание *чин-вана* и должность помощника *цзянцзюня*. Затем Амурсана вернулся с 30-тысячным войском под командованием Лийанг Гуванг Дзундуу. Когда он говорил: «Давайте-ка я вам поймаю Дабачи», то он лукавил, а сам в то же время объединился с находившимися здесь хошутскими князьями и уничтожил 30-тысячное войско Дзундуу. Тогда из Китая снова выступили в поход 3 полководца с 300-тысячным войском. Когда они прибыли, чтобы вести войну с Дабачи и схватить Амурсану, то они захватили в плен Дабачи и доставили его в Пекин. Амурсана с семьёю дружинниками бежал в Россию. Ойратские нойоны

удостоились милости августейшего императора, были им помилованы и приведены в покорность.

Эти четверо были назначены ханами: Галсангдорджи — чоросским ханом, Цэрэн — дэрбэтским ханом, Чагдарманджи — хошутским ханом, а Баяр — хойтским ханом. Они по положению были уравнены с ханами Халхи, [хотя] племена были не одинаковы. Четырем аймакам были назначены *чин-ваны* и *цзюнь-ваны*, всего более 10 *ванов*, а также старшие и младшие владетельные князья. [Надо было] ездить в Пекин сроком на 1 год [для административной службы]. Когда в Пекин для несения административной службы отправились дэрбетские *чин-ван* Цэрэн, *цзюнь-ваны* Цэрэн-Убаши и Цэрэн-Мөнгкэ, 16 хойтских владетельных князей отправились на административную службу в Пекин, то остававшиеся на месте во главе с *чин-ваном* Энгкэ и *цзюнь-ваном* Мунгкэ-Тэмүром, во главе с более чем десятью владетельными князьями четырех племен, а так же остававшиеся на месте во главе с тремя *ванами* — Галсангдорджи, Чагдарманджи и Баяром, все сговорившись [между собой], взбунтовались. Они напали на три города — Урумчи, Баркуль и Цонджи. Поэтому из Китая снова выступила императорская армия, *мэйрэн-у дзанги* (помощник командира знаменного корпуса. — В. С.) Яргаши прибыл с 30-тысячным войском и, захватив в плен в Баркуле Чагдарманджи, казнил его. Против Галсангдорджи выступил полководец наемного войска с 70-тысячным войском, схватил его и казнил. Баяра схватили у подножия Алтая и казнили. Количество убитых во главе с Нэмэжү на р. Иртыш, а также в разных местах, говорят, доходило до более чем 30 тысяч джунгаров, хошутов и хойтов.

Сейчас уцелевших из них, а также в разных местах [бедствующих и] занимающихся людоедством светлейший император, издав указ, велел собрать вместе. А также велел принять под свое покровительство тех из них, которые сделались добычей казахов и бежали [из плена], и расселить в Или и Тарбагатае, сформировав из них около 20 сомонов.

Дэрбэтский Далай-хан [38] и 16 [дэрбэтских] хошунов не участвовали в смуте и остались, пребывая в мире и благополучии. [Поэтому] их стали называть *Сайн заята дөрвөд* («дэрбэты со счастливой судьбой»).

Происхождение хойтских князей [39]. Вначале, во времена Бо-хана, когда ойраты и Халха отделились друг от друга, ойраты объединились и стали называть ойратов северной стороны *хойтами*.

Ойраты жили, разделившись на две части. Когда некий хойт по имени Икэ Мингган ловил рыбу острогой, то он [увидел] плывущего по волнам новорожденного мальчика. Когда Икэ Мингган стал вытаскивать его острогой из воды, то острога воткнулась мальчику в ухо и кончик остроги сломался. Так как [на мочке] уха младенца была родинка (*мэнгэ*), то говорят, что отсюда пошел обычай носить серьгу [в ухе].

Потомков того мальчика стали считать принадлежащими к роду *Икэ Мингган*. Мальчику дали имя Мэргэн. Когда он вырос, то ни одна лошадь не могла выдержать [вес его тела], он обладал богатырской отвагой и силой и стал нойоном хойтов. Тогда нойон кара-киданей отправил посла, чтобы тот вручил послание Бо-хану и Йобогон Мэргэну. Йобогон Мэргэн по приглашению прибыл в Китай, он стал подражать клёкоту орла. Китайский хан затаил злобу и замыслил недоброе против него. Ему дали отраву вместо лекарства, и он умер.

Когда в Китае и днем и ночью по 100 тысяч человек стали умирать от эпидемии, китайский хан испугался и обратился [за помощью] к Зан Диян Ши. Тот ответил: «Так как вы не воздали за благодеяние благодетелю Мэргэну, а отравили его, то в вашей стране, Китае, не останется в живых ни один человек». Когда же снова обратились к нему [за помощью], то он повелел: «Возьмите правую лопатку благодетеля Мэргэна, постройте храм, [поместите в храм лопатку] и совершайте жертвоприношения! Если вы не доставите его останки на родину, то в вашей Китайской стране умрет [народу] столько, сколько волос у трех желтых коров, а

остальные дадут потомство. Если же не отделить лопатку, то они, пожалуй, не выживут и не восстановят численность». Тогда лопатке стали совершать жертвоприношения в Пекине.

Был выделен один *амбань* и 800 китайских воинов, называвшихся баатуы, чтобы доставить останки Йобогон Мэргэна на родину. Когда они достигли местности *Джимсай* (*Джимсайири*), останки не дали увезти себя дальше. Именно там, в [местности] *Эрээн Хабирга*, похоронив останки, поселили 800 китайцев, и они стали называться *бааутами*. Йобогон-Мэргэн, еще когда уезжал отсюда, о горе Богдын Алаг говорил: «какая красивая земля», поэтому-то, говорят, его останки не дали увезти отсюда. Начиная с этого времени, говорят, стало в обычае не называть словом местность *Сайхан* («прекрасная». – В. С.).

Сын Галсун-хана — Йобогон-Мэргэн. Сын Йобогон-Мэргэна — Эркэхара, его сын — Отно-нойон, его сын — Удаху-нойон, его сын — Элэнгхор, у него 3 сына — Очирминггату, Чидуминггату и Джигдуминггату.

У Очирминггату трое сыновей — Эсэлбэйин Сайн-Ка [40], Эрчисби и Зоригту. У Эсэлбэйин Сайн-Ка трое сыновей — Номдалай, Нойон-Убаши и Буян-Бурхан.

У Номдалая двое сыновей — Солтан-Убаши [41] и Сүмертайши. У Сүмера четверо сыновей — Алаг-нүден Аюши, Нагад, Хараджи и Чойджи. У Алаг-нүдена Аюши сын Бэлэгтэй-Убаши. У него двое сыновей — Гүнцүгджаб и Аюурджаб.

В то время, когда люди первоселенной были возрастом 80 тыс. лет, а ростом 80 тохой (1 тохой = 0,32 м. – В. С.), родился многими возведенный хан и через 500 тысяч поколений пришел [в этот мир] Будда Шакьямуни (Бурхан-багши). Один из сыновей Наран-хана, некто Маниг, был изгнан своим отцом, он бежал и прибыл в Тибет, где сделался ханом у тангутов. Оттуда он прибыл в Китай и взшел на ханский престол. Он правил Китаем под именем Дайчин-хан. Он женился на знатной тангутке и от нее у него родился Ван-хан [42].

Затем его мать умерла, а Дайчин-хан женился на китайке. После этого мачеха стала хулить Ван-хана, наговаривать на него отцу, чтобы тот прогнал его. Отец дал ему для сопровождения 5 китайцев и отправил [из Китая], сказав: «Езжай к своим родственникам по матери — тангутам». Когда он прибыл к ним, то тангуты сказали ему: «Китайцы и мы живем близко друг от друга. Они, услышав [о твоём приезде], затаили [на нас] злобу». Тангуты дали Ван-хану в сопровождение пятерых тангутов и отослали, сказав: «Езжай на восток, в Монголию». Когда Ван-хан прибыл в Халху, то халхаский хан сказал: «Ваш Китай и мы [слишком] близки друг от друга».

Когда он направился на запад, в страну уйгуров и узбеков, то там находились кочевья наших монголов — ойратов. Ему дали в сопровождение пять человек из Халхи и направили [туда]. Когда Ван-хан с 15 своими дружинниками, двигаясь [на запад], прибыл, чтобы отдаться под власть ойратского Тогон-тайши-хана, то Тогон-тайши поселил его [в своих владениях] и отдал ему в жены свою дочь. Он сказал [о нём]: «Это внушающий жалость нойон благородного происхождения, о котором говорят, что нойон, покинувший родину, подобен птице, покинувшей свое гнездо». Тогон-тайши выдал за него замуж свою дочь и сделал его своим зятем, приказав ему: «Отбери себе 250 мужчин красивой наружности, видом похожих на крупную антилопу, вместе с 250 девушками и сделай их своими крепостными». Начиная с этого времени, они стали называться *торгутами*.

Ван-хан, его сын Кибэнг, его сын Сусай, его сын Махачи-Мэргэн. У Махачи-Мэргэна было двое сыновей: один Буйгу-Орлөг, второй — Онгган.

У Буйгу-Орлөгa было четверо сыновей: Зулзаган-Орлөг, Онггон-Чабчачи, Боро-Хашиха, Мангхай.

Онггон-Чабчачи, Боро-Хашиха и Мангхай — потомки этих троих, последовав за Гүши-Гэгэн-ханом, откочевали и стали обитать в Кукуноре. Говорят, что среди них было учреждено 3 должности засака. Сын Мангхая — Абудай-Буучи, говорят, что

потомки его сына имеются среди джунгаров, превратившись в албату. Сын Онггона-Чабчачи — Тэнэс-Мэргэн-Тэмэнэ. Его сын — Мэргэн-джонон, его сын — Эркэ-джонон, его сын — Данджин-тойн, его потомками являются Алтайские *цзюнь-ваны*.

Сын Буйгу-Өрлөка — Хо-Өрлөг. У Хо-Өрлөга было 6 сыновей. Старший сын — Шүкүр-Дайчин [43]. У Шүкүр-Дайчина родилось двое сыновей. Старший из них — Намцэрэн. Второй — Пүнгсуг.

Сын Намцэрэна — Назар. Сын Назара — Дорджи-Гүмби. Второй сын — Раджур (Равжуур). Третий сын — Убаши Дорджи Гүмби. Его потомки — *чин-ван* Бату и другие. Потомки Раджура — эцзинейские *бэйлэ*.

Второй сын Хө-Өрлөка — Йэлдэнг-нойон. Его сын — Мэргэн-тайджи, его потомки — Хобог-Сайирские *тайджи*.

Третий сын — Луузанг-нойон, его сын Дорджи, его потомки — Джингские *бэйлэ*.

Старшего [сына] Шүкүр-Дайчина Намцэрэна женили на дочери Цэцэн-хана. После того как Баатур-хунтайджи выдал свою дочь замуж за младшего сына [Шүкүр-Дайчина] Пүнгсуга, тот собирался повести войска из числа своих подданных и вернуть торгутов с Волги обратно на родину. Шүкүр-Дайчин услышал об этом и свою невестку, бывшую беременной, послал к ее родственникам, сказав ей: «Твой отец собирается заставить нас переселиться». Он отдал своей невестке распоряжение прибегнуть к всевозможным уловкам, чтобы воспрепятствовать переселению. Невестка, приехав к своим родственникам, через месяц родила сына. Она оставила его у них на воспитание, а сама вернулась на родину [на Волгу].

После ее отъезда [на родину] этому мальчику дали имя Аюка. Мальчик пробыл у своих родственников по матери, пока ему не исполнилось 11 лет. Когда Хо-Өрлөг (надо: Шүкүр-Дайчин. — В. С.) ездил [на богомолье] в Тибет, то на обратном пути он взял с собой [на Волгу] своего внука Аюку. Аюке дали в свиту 100 мальчиков.

Когда они возвратились на родину, то следом элётский князь Бар Аблай с 40 тысячью воинов из хошутов, джунгаров, дэрбэтов и хойтов отправился в поход, чтобы вернуть торгутов в Джунгарию. Он взял в плен Шүкүр-Дайчина и выдал его своему старшему брату Цэцэну-хану. Сам же Бар Аблай занял место торгутского хана. Чтобы спрятать Аюку у него на родине от этого Бар Аблая, его вывезли в горы и держали там.

Шүкүр-Дайчин умер в ставке Цэцэн-хана. Затем все торгуты объединились и захватили в плен Бар Аблая. Тогда сын Аблая Цаган бежал и, находясь у казахов, умер от оспы. Услышав об этом, торгуты казнили Бар Аблая. Аюку привезли с гор и провозгласили ханом. Начиная с этого времени торгуты кочевали, называясь *торгутами*. Стали они жить отдельно и стали богатырями.

Да будет мир и благоденствие!

V.4. Комментарии

1. О хошутах см. ниже.

2. Выражение «четыре вида» и пять цветных (народов) восходит к монгольскому выражению «пять цветных и четыре чуждых народа (*tabun öngge dörben qari ulus*). Так расшифровывается формула фантастических средневековых представлений монголов о разных народах, входивших в состав Монгольской империи. Она констатировала широту монгольских завоеваний и употреблялась монгольскими летописцами вплоть до конца XIX века, отражая их представления о мире¹.

3. *Замбутиб* (от санскр. Джамбудвипа) — мир, вселенная.

4. *Хабуту Хасар* — младший брат Чингис-хана, у которого было три единокровных брата (Хасар, Хачиун и Тэмүгэ), рожденных от старшей жены его отца, и два единокровных брата (Бэктэр и Бэлгүтэй), рожденных от второй жены. Таким образом, у Чингиса было в общей сложности пятеро братьев, все они младше его. Хабуту-Хасар был младше Тэмүджина (будущего Чингис-хана) на два года².

5. *Бэлгүтей* — младший брат Чингис-хана.

6. *Очин-баатур* — ошибочное написание имени младшего брата Чингис-хана Тэмүгэ-отчигина (*отчигин* значит «младший брат»).

7. *Зарчигудай* (*Чжарчиудай*). Он принадлежал к племени урянхай, кочевавшего по соседству с отцом Чингис-хана Есугэем, в окрестностях горы Бурхан-Халдун. В данном сочинении он назван простолюдином–албату Чжарчиудай-Мэргэном (т. е. «мудрым»), возможно, за свой поступок, о котором рассказывается в «Гайной истории монголов». По случаю рождения Чингис-хана кузнец Чжарчиудай преподнес новорожденному младенцу Тэмүджину соболя пеленки³. Этот поступок свиде-

¹ Шара Туджи... С. 177–179.

² Лубсан Данзан. Указ. соч. С. 67.

³ Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М. –Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 96.

тельствует о том, что он был человеком зажиточным. Его сыну Чжэлмэ (Джэлмэ), которого Чжарчиудай в раннем детстве отдал в услужение семье Тэмуджина, суждено было стать знаменитым военачальником и ближайшим соратником Чингис-хана.

8. Сведения автора о сыновьях Чингис-хана неверны. Старшим сыном Чингис-хана был Джучи, о котором в этом сочинении ничего не сказано. Чагатай был вторым сыном монгольского хана. Он родился в 1184 г. и умер в 1242 г. Сообщение о том, что Чагатай взял Рим, не соответствует действительности. Офформившееся под его властью государство-улус в Средней Азии, известное в дальнейшем как Чагатайское ханство, просуществовало до середины XIV века.

9. *Онгоди* — неправильное написание имени *Өгөдэй*. *Өгөдэй* (Угэдэй) — третий сын Чингис-хана. Он родился в 1186 г. и умер в 1241 г. В сентябре 1229 г. после смерти своего отца на съезде монгольской знати был избран великим ханом (*хаганом*). Проявил себя способным администратором и умелым правителем, придавшим черты административной завершенности огромной империи Чингис-хана¹.

10. *Киристон*. У Чингис-хана не было сына с таким именем.

11. *Лингджан*. По-видимому, речь идет о Лигдан-хане (1594–1634), старшем в роду монгольских князей-чингисидов, последнем номинальном всемонгольском хане. Он был правителем Чахарского ханства (Чахаром называлась область в Южной Монголии), население которого насчитывало 100 с лишним тысяч человек². Чтобы укрепить единство и могущество своего ханства, проводил политику централизации в условиях нарастающей угрозы маньчжурской агрессии. Оказал решительное сопротивление захватническим планам маньчжурского хана Абатая в отношении Южной Монголии, заключив союз с Минской империей. Потерпев поражение в генеральном сражении с

---

¹ Санчилов В. П. Ойраты в эпоху монгольских завоеваний // История Калмыкии... Т. 1. С. 149.

² Монгол улсын түүх. Дөтгөөр боть. Улаанбаатар, 2003. С. 57.

маньчжурскими завоевателями, которые уничтожили Чахарское ханство, Лигдан с остатками своих войск отступил в Кукунор, где умер от оспы в 1634 г.¹

12. *Шара-тайши*. Возможно, здесь речь идет о потомке Хасара некоем Шара-хане, от которого, как сообщает средневековый монгольский историк Лубсан Данзан, вели свое происхождение нойоны хорчинов².

13. *Хорчины*. Одно из крупных монгольских племен в Южной Монголии. Их княжество находилось по соседству с маньчжурским государством. Правители хорчинов первыми установили дружественные отношения с маньчжурским правителем Нурхаци (1559–1626). В дальнейшем феодальная верхушка этого княжества вступила на путь предательства и заключила с Нурхаци союз, игравший «роль клина, нарушавшего единство рядов южных монголов и острием своим направленного против чахарского Лигдан-хана, который был самым непримиримым противником маньчжурских завоевателей»³.

14. *Сорок девять хошунов*. После завоевания и включения в состав Цинской империи княжеств Южной Монголии их население, управлявшееся независимыми друг от друга местными владетельными князьями-засаками, было распределено по 49 военно-административным единицам — *хошунам*, из которых, в свою очередь, сформировали 6 сеймов — *чулганов*. Из них «в состав Чжеримского сейма вошли 6 княжеств Хорчинских и те княжества, в которых княжеские роды по происхождению хорчины»⁴.

15. *Энгкэтмөр*. Он не мог быть сыном Хабуту Хасара. Это ошибка. Старшим сыном Хасара был известный принц Есункэ (1190–1270). О нем нам достоверно известно из надписи на кам-

¹ Санциров В. П. Начало вхождения... С. 295, 296.

² Oyirad teüken surbulji bičig. С. 294.

³ Внешняя политика государства Цин в XVII веке. М., 1987. С. 133.

⁴ Баранов А. Словарь монгольских терминов. А.–Н. Харбин, 1907. С. 120.

не, найденном на Хирхиринском городище в Бурятии, в которой монголо-уйгурской письменностью впервые сообщается о выдающемся выстреле из лука, произведенном им на состязаниях, устроенных им «после сартаульского похода», т. е. после завоевания государства хорезмшахов в Средней Азии¹.

Арагтöмбр и Öрöгтöмбр были потомками Хабуту Хасара в восьмом поколении, а не в пятом поколении, как указано в этом сочинении. Очевидно, что здесь в родословной пропущены несколько звеньев — имена хошутских князей Есункэ и его потомков.

16. *Хошуты*. Предки калмыков ойраты (западные монголы) в древности имели сложную родоплеменную структуру. Однако на рубеже XVI–XVII вв. ойратское общество представляло собой политический союз, куда входили 5 крупных этнополитических объединений: хошутов, дэрбэтов, джунгаров, торгутов и хойтов. В основе общности этих новых кочевых объединений лежали не кровнородственные, а социально-политические и территориальные связи. Они с течением времени поглотили и растворили в своем составе многие прежние родоплеменные группы средневековых ойратов, проявив себя как своеобразный этнообразующий фактор.

В послеюаньский период процесс консолидации западных монголов в ойратскую народность принял необратимый характер. На появление главных ойратских этнических компонентов и их названий решающее влияние, как отмечают многие исследователи, оказали существовавшие в их среде воинские подразделения. Еще Чингис-хан после включения ойратов в состав своего государства сформировал из них 4 военно-административные единицы — тысячи, впоследствии ставшие тумэнами. Как пишет Н. Л. Жуковская: «Именно в то время в их составе были организованы войсковые подразделения, которые со временем превратились в этнические группы. По мнению ряда ученых, на-

---

¹ История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. III. Улус Джучи (Золотая орда). XIII – середина XV века. Казань, 2009. С. 116.

звания этих групп сохранились у калмыков до сегодняшнего дня: торгуты — так называлась охрана, стража ставки монгольских ханов; хошуты — так называлась передовая часть войска, его авангард; хойты — задняя часть войска, его арьергард; дербеты — конница, построенная в каре, и другие»¹.

Содержащиеся в рассматриваемом нами сочинении сведения о времени появления главных этнических подразделений средневековых ойратов позволяют существенно уточнить сказанное Н. Л. Жуковской. Выясняется, что эти подразделения появились гораздо позже, только в послеоюаньский период, во времена так называемой «гегемонии ойратов» в Монголии. Об этом свидетельствуют и данные нашего источника о хошутах. Как указывал современный ойратский исследователь Ш. Норбо, «хошутская знать и часть их подданных первоначально входили в состав Урянхайского тумэна, владения которого находились в восточной части Внутренней Монголии, и кочевали в предгорьях Хингана вместе с хорчинами, ару-хорчинами, дэрбэтами [не ойратами. – В.С.], джалаитами, уратами и мууминганами»². Судя по рассказу анонимного автора сочинения, хошуты как особое этническое подразделение образовались среди ойратов в первой половине XV в. после перехода восточномонгольского князя представителя «Золотого рода» Борджигид со своими подданными людьми на службу к ойратскому Тогону-тайши. Тот отдал ему в жены свою дочь и пожаловал ему новых албату из числа собственных подданных ойратов. Так как они были собраны из разных хошунов, то и получили прозвище *хошуд* (множественное число от слова «хошун»).

17. *Дуүрэнг Дёчин* (букв. «полные сорок»). Вероятно, это не имя, а почетное прозвище, которое, как предположили монгольские ученые из КНР, указывает на его притязания иметь под своей властью всех монголов³. В послеоюаньский период в XV–

¹ Жуковская Н. Л. Введение // Калмыки. М., 2010. С. 8.

² Норбо Ш. Указ. соч. С. 147.

³ Oyirad teüke-yin durasqal-ud. С. 33. Прим. 33.

XVII вв. на территории Монголии сложились две родственные монголоязычные народности — восточные монголы и ойраты (западные монголы). Они вместе назывались *дöчин дөрбөн хойар* (букв. «Сорок и четыре»). Это выражение восходило к временам Монгольской империи, когда считалось, что всё монгольское войско состояло из сорока тумэнов (отсюда их обозначение *дöчин* «сорок»), а ойраты в дополнение к ним составляли еще четыре тумэна. Отсюда берет начало этноним *дурбэн-ойрат* или *дурбэн-тумэн-ойрат*. Данное обстоятельство свидетельствует о далеко зашедшем процессе этнической консолидации, когда, несмотря на языковую близость, общность происхождения и материальной культуры, каждая из этих народностей осознавала себя отдельным этносом.

18. *Джингис (Чингис)*. Имя великого завоевателя и основателя монгольской державы после падения династии Юань в Китае стало часто использоваться представителями знатной верхушки в Монголии и как личное имя, и как часть почетного титула. Так, например, в чрезвычайно пышный титул входил и такой — «обладающий величием Чингис Даймин Сэчэн»¹.

19. *Бүүбэй Мирзэ*, или *Бүүбэй-мирза*. Хошутский владетельный князь, известный государственный деятель, который первым из хошутских правителей стал председателем Ойратского сейма². Примечателен тот факт, что часть имени этого князя явно мусульманского происхождения. В персидском языке *мирза* называли сына князя или особу высокого происхождения. Мусульманские имена появляются у ойратов в XV в., что объясняется, по всей видимости, их близостью к мусульманским областям государства чагатаидов в Средней Азии и Восточном Туркестане и существовавшими у них в то время торговыми и дипломатическими отношениями с мусульманским миром. Не случайно, что живший несколькими десятилетиями раньше предок-родоначальник династии джунгарских и дэрбэтских правителей из знатного

¹ Лубсан Данзан. Указ. соч. С. 293.

² Норбо Ш. Указ. соч. С. 158.

рода Чорос имел имя Махмуд (погиб в 1416 или 1417 г.). Ниже в тексте упоминается хойтский князь по имени Солтан-тайши.

20. *Хан-Нойон-Хонгор*. В других ойратских сочинениях его имя пишется как Хани-нойон-Хонгор. Хошутский владетельный князь из рода Борджигид, потомок младшего брата Чингис-хана Хабуту Хасара в 17-м поколении, сын Бүбэй-мирзы. Известен как отец «Пятерых барсов» (*таван барс*), прославившихся своими деяниями пятерых хошутских князей, полные имена которых: Байбагас-Баатур, Түмэнтэй-Күндүлүнг-Убаши (его также называли Дүүргэгчи), Төрүбайху (Гүүши Номин-хан), Дзасагту Чинг-баатур (Шэрэнг Хатан-баатур), Буйян Отхон (Буяан Хатан-баатур)¹.

21. *Байбагас-нойон*. В других ойратских сочинениях его имя пишется по-разному: Байбагас-Баатур, Байбагас-Баатур-нойон. Хошутский владетельный князь из рода Борджигид, старший сын Хани-нойон-Хонгора. Его матерью была Ахай-хатун, которая родила пятерых сыновей, прославившихся как «Пять барсов». Пользовался наибольшим влиянием в светских и духовных делах. После гибели своего отца в 1577 или 1578 г. в местности Күбкэр Байр в сражении с халха-монголами Байбагас возглавил ойратский чулган и стал именоваться Байбагас-ханом.

Он играл заметную роль в принятии ойратами буддизма. Как рассказывается в «Биографии Зая-пандиты», «когда все князья дурбэн-ойратов во главе с отцом Цэцэн-хана князем Байбагасом-Баатуром дали обет посвятить в банди (послушники) по одному сыну, то (все) другие князья посвятили в банди по одному сыну»². Тогда Байбагас, у которого в то время не было собственных детей, усыновил юношу из родственной знатной хошутской семьи для того, чтобы тот, приняв посвящение в монашеский сан, отправился на обучение в Тибет. Это был прославившийся впоследствии знаменитый ойратский первосвященник и просветитель, создатель ойратской письменности «тодо бичиг» («ясное письмо») Зая-пандита (1599–1662).

¹ Там же. С. 158.

² Там же. С. 40.

Во второй половине XVI в. и в XVII в. ойратам пришлось вести продолжительные войны с восточными монголами, прежде всего, с княжеством Алтын-ханов, возникшим в 90-х гг. XVI в. в Халхе в процессе феодального дробления в Монголии. В результате военных поражений правителям ойратских улусов юго-восточной группировки пришлось признать свою зависимость от монгольского хана. Многие из них откочевали на запад, за линию Алтайских гор, а их прежние кочевья на реках Хунгуй и Дзабхан перешли к восточным монголам. Ойратам удалось вернуть себе независимость только в 1623 г., добившись решающего успеха в противостоянии халха-монгольскому Шолой Убаши-хунтайджи. Объединенное войско дурбэн-ойратов в сражении, в котором они стояли «словно зубья пилы, или иглы ежа, сомкнутые строем в четыре ряда»¹, разгромили войско выступившего против них монгольского правителя, а его самого убили. Командовал ойратами бывший «первенствующим членом» Ойратского сейма хошутский Байбагас. Он погиб в 1625 г. во время большой междоусобной войны, начавшейся среди ойратских владетельных князей².

22. *Дуургэчи-нойон (Көндөлэнг Убаши, Түмэдэй-Көндөлэнг-Дуургэчи-Убаши)*. Второй сын хошутского владетельного князя Хани-нойон-Хонгора, один из прославленных его сыновей — «Пяти барсов», младший брат Байбагаса. После смерти своего брата занял его место во главе Хошутского улуса. Был одной из ключевых фигур в политической жизни ойратов, его деятельность приходится на период со второго десятилетия и до конца 60-х гг. XVII в.³.

Көндөлэнг-Убаши был активным участником обращения ойратских князей в буддизм. По примеру других ойратских

¹ *Козин С.А.* Ойратская историческая песнь о разгроме халхасского Шолой-Убаши-хунтайджи в 1587 году // Советское востоковедение. Т. 4. М.-Л., 1947. С. 94–104.

² *Санчилов В. П.* Начало вхождения... С. 287.

³ *Норбо Ш.* Указ. соч. С. 184, 185; *Лыткин Ю.* Материалы для истории ойратов. С. 109.

князей он отдал одного из своих сыновей для посвящения в духовное звание. В 1637–1638 гг. этот хошутский князь участвовал в тибетской кампании, когда на начальном ее этапе объединенное ойратское войско под командованием хошутского Гүши-хана и джунгарского Баатура-хунтайджи завоевало Кукунор. После этого оно вторглось в Тибет и разгромило здесь сторонников «красношапочной» секты. В 1640 г. Көндөлэнг Убаши был одним из участников Джунгарского съезда монгольских и ойратских князей, на котором было принято «Великое уложение».

Несмотря на принятие съездом решений, призванных обеспечить относительное единство ойратских кочевых группировок, старые внутрийратские межфеодалные противоречия устранить не удалось. В 1640–х гг. зачинщиком смуты выступил Көндөлэнг Убаши, развязавший междоусобную войну со своим племянником Очирту, сыном Байбагаса, оспаривая у него верховную власть в Хошутском улусе. Көндөлэнга-Убаши поддерживали дэрбэтские князья, наследники дэрбэтского Далай-тайши, занятые борьбой за раздел отцовского наследства после его смерти в 1637 г. Они постоянно выступали вместе против «двух тайджи» — хошутского Очирту и джунгарского Баатура-хунтайджи, проводившего политику централизации. Как справедливо отметил в свое время Ю. Лыткин, Көндөлэнг-Убаши «как старший из братьев после Байбагас-Хана, неприязненно смотрел на замыслы и успехи Зюнгарского Баатур-Хон-Тайчжия и связавшего с ним свою судьбу Хошутского Цецен-Хана (имеется в виду Очирту. – В. С.), старшего сына Байбагас-Хана»¹.

Когда Баатур-хунтайджи умер в 1653 г., Көндөлэнг Убаши продолжал враждовать со своим племянником. В конфликте, разгоревшемся из-за наследства между Очирту и его младшим братом Аблаем, он взял сторону Аблая, заключив с ним союз. В последние годы жизни его влияние ослабло, так как он разделил свой наследственный удел между сыновьями, которые и заняли его место, получив наследство. В 1660-х гг. Көндөлэнг-Убаши с

¹ *Лыткин Ю.* Материалы для истории ойратов... С. 109.

3000 подвластных кибиток прикочевал из Джунгарии на Волгу и присоединился к торгутам. Историк из Синьцзяна предположил, что он, потерпев поражение, прибыл сюда, спасаясь от воцарившихся в Джунгарии княжеских междоусобий¹.

23. *Төрүбариху-гэгээн Гүши-хан*. Это единственное ойратское сочинение, в котором его имя называется Төрүбариху (*букв.* «тот, кто будет править государством»), а не Төрүбайху, как в других ойратских сочинениях. Годы его жизни — 1582–1655. Төрүбайху был четвертым сыном хошутского правителя Хани-нойон-Хонггора и вместе со своими старшими братьями — Байбагасом и Көндөлэнг Дүүргэчи-нойоном — пользовался среди ойратских князей большим влиянием. С ранней молодости он принимал участие в военных походах и отличился на военном поприще. В 1607 г., когда ему исполнилось 25 лет, между ойратскими и халхаскими князьями возник конфликт, и он способствовал его мирному разрешению, за что одним из ламаистских иерархов ему был преподнесен титул *Дай гүүши* (*букв.* «великий наставник»)². В дальнейшем за заслуги в деле защиты желтошапочной секты Гелугпа он удостоился от Далай-ламы титула Номин-хан (*санскр.* Дхармараджа «Князь веры»), дававшегося известным защитникам и покровителям буддизма³.

В 1635 г. иерархи желтошапочной секты, терпевшие поражение в религиозной войне в Тибете от своих противников — лам красношапочной секты, обратились за помощью к ойратским князьям Джунгарии. Те на своем съезде приняли решение отправить в Тибет объединенное войско Ойратского союза под командованием хошутского князя Төрүбайху, который после гибели своего старшего брата Байбагаса унаследовал должность главы Ойратского чулгана (сейма). Ойратское войско вступило в Кукунор и на его окраине в кровопролитном сражении наголову

¹ *Норбо Ш.* Указ. соч. С. 185.

² *Сумба-Хамбо.* История Кукунора, называемая «Прекрасные ноты Брахмы» / Пер. с тибет., введ. и примеч. Б. Д. Дандарона. М., 1972. С. 61, 62.

³ *Норбо Ш.* Указ. соч. С. 212, 213.

разбило 30-тысячную армию союзника красношапочной секты — восточномонгольского князя Цогту-тайджи.

В 1637–1638 гг. сюда переселилась основная часть подданных хошутов Гүши-хана, часть торгутов, остававшихся в Джунгарии, и часть хойтов. Откочевка хошутов в Кукунор была вызвана потребностями экономического развития ойратского общества того времени, необходимостью ввода в хозяйственный оборот новых пастбищных территорий. В этом отношении Кукунор полностью удовлетворял кочевников-ойратов: и климатические условия, пригодные для развития кочевого скотоводства, и привольные степи, богатые травами и водными источниками. Кроме того, Кукунор как непосредственное преддверие в Тибет мог служить хорошим плацдармом для вторжения во внутренние области этой страны и установления там своего влияния.

Затем в 1639 г. Гүши-хан с большим войском, пополненным за счет войск джунгарского Баатура-хунтайджи и других ойратских правителей, обрушился на противников желтошапочной секты и Далай-ламы в самом Тибете. В 1642 г. их сопротивление было полностью подавлено, и Гүши-хан смог установить свою власть над всеми районами Тибета и «занять высокий трон тибетских князей»¹. Однако, опасаясь выступлений тибетцев против чужеземных правителей, Гүши-хан в том же 1642 г. передал верховную власть над всем Тибетом Пятому Далай-ламе Агван Лубсан-чжамцо. Таким образом, впервые Далай-лама стал и светским, и духовным главой Тибета, а столицей единого Тибета была официально провозглашена Лхаса, ставшая резиденцией Далай-ламы и его правительства. Сам хошутский князь при жизни сохранял за собой фактическую власть над страной, поскольку верховное командование над ойратскими и тибетскими войсками было сосредоточено в его руках.

Гүши-хан свои владения в Кукуноре разделил на два крыла — правое и левое, во главе которых поставил своих десятерых

---

¹ *Сумба-Хамбо*. Указ. соч. С. 61.

сыновей. Он умер в 1655 г. в возрасте 73 лет, но его преемникам не удалось сохранить свою власть в Тибете.

24. *Очирту Цэцэн-хан* (?–1675). Известный ойратский государственный и религиозный деятель, хошутский владетельный князь, старший сын Байбагаса. После гибели отца занял главенствующее положение в хошутском улусе, в дальнейшем действовал в союзе с основателем Джунгарского ханства Баатуром-хунтайджи (правил в 1635–1653 гг.). Знаменитый съезд монгольских и ойратских князей 1640 г. состоялся в начале сентября в урочище Улан-Бураа на Тарбагатае, во владениях Очирту-тайджи. Так он звался до 1666 г., когда Далай-ламой ему был пожалован титул *Очирту Цэцэн-хан*. На этом съезде — чулгане, как сообщает ойратский источник «Биография Зая-пандиты», первенствовали (монгольский) Дзасакту-хан и двое ойратских тайджи¹, под которыми имеются в виду джунгарский правитель Эрдэни-Баатур-хунтайджи и хошутский Очирту. Именно к правителю хошутов могли приехать монгольские князья-чингисиды, не умаляя своего достоинства, так как среди ойратов только хошутские князья по своему происхождению считались выходцами из «Золотого рода» Борджигит.

По авторитетному мнению И. Я. Златкина, «Очирту-тайджи оставался неизменным другом и союзником Батур-хунтайджи на протяжении всех лет правления последнего»². Это свидетельствует о том, что «в XVII столетии на Ойратском сейме были два первенствующие члена: один из Зюнгарских владельцев, а другой из Хошутовских»³. Более или менее устойчивое равновесие между двумя крупными улусами в Джунгарском ханстве сохранялось и при преемнике Баатура-хунтайджи Сэнгэ (1653–1670), хотя среди хошутов не прекращались междоусобия, вызванные соперничеством за власть князей из их правящей династии. Это привело к ослаблению хошутской группировки.

---

¹ *Норбо Ш.* Указ. соч. С. 14.

² *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства... С. 169.

³ *Лыткин Ю.* Материалы для истории ойратов... С. 85. Примеч.

Пришедший к власти в 1671 г. в Джунгарском ханстве Галдан проводил политику централизации и подавлял сопротивление крупных ойратских феодалов. На этой почве произошел конфликт между ним и вторым влиятельным правителем в ханстве — Очирту Цэцэн-ханом. Последний потерпел поражение и сошел с политической арены в 70-х гг. XVII в. Лишенный всех своих владений и полномочий, Очирту скончался в 1675 г., вместе с ним прекратил свое существование своеобразный дуум-вират — союз хошутского правителя и джунгарских правителей из дома *Чорос*.

25. *Абла́й* (в другом месте он называется *Бар Аблай*). (?–1674). Второй сын хошутского правителя Байбагаса, единокровный брат Очирту Цэцэн-хана, рожденный от другой матери¹. При дележе отцовского наследства Аблай поссорился со своим старшим братом и долгие годы воевал с ним в коалиции с князьями других ойратских объединений. В 1669 г. Аблай во главе своих войск вместе с младшими дэрбэтскими князьями вторгся в междуречье Волги и Яика и начал военные действия против торгутов, которых он якобы собирался вернуть в Джунгарию, но был разбит Аюкой и захвачен им в плен. Согласно русским источникам, он был отправлен в Москву, где в 1674 г. умер².

26. *Галдама* (в других ойратских источниках *Галдамба*) (1635–1667). Второй сын хошутского правителя Очирту Цэцэн-хана. Прославился в народе как великий воин и миротворец, не жалевший усилий для улаживания конфликтов внутри ойратского общества. Умер от болезни в молодом возрасте в 1667 г.³

27. *Чжарчиудай* (см. также примеч. 7). Сообщение данного сочинения о том, что Чжарчиудай был зятем Чингис-хана, не подтверждается данными других источников. В «Гайной истории монголов» говорится только о том, что он был кузнецом и при

¹ *Норбо Ш.* Указ. соч. С. 166–168.

² Русско-монгольские отношения. 1654–1656. Сборник документов. М., 1996. С. 445.

³ *Лыткин Ю.* Материалы для истории ойратов... С. 81–90; *Норбо Ш.* Указ. соч. С. 198–200.

рождении Чингис-хана преподнес младенцу собольи пеленки. Тогда же он хотел отдать в услужение семье Тэмуджина своего сына, но из-за малолетства Чжэлмэ его пришлось увезти обратно. Когда Чжэлмэ повзрослел, то отец снова привел сына к Тэмуджину и определил его на службу со словами: «Вели ему коней седлать, вели ему дверь открывать»¹.

28. *Джэлмэ*. Знаменитый военачальник и ближайший соратник Чингис-хана, известный своей верностью и с детства беззаветно служивший своему повелителю. Как и его отец Чжарчиудай, он принадлежал к племени урянхай, но вырос и воспитывался в окружении монгольского хана, в его дружине. Впоследствии Чингис-хан так отозвался в своем похвальном слове о заслугах Джэлмэ: «О счастья предвестник святой, в собольих пеленках рожден. Родиться — со мной ты родился, расти — так со мною ты рос. За девять проступков взысканья минуют тебя, мой Чжельме!»².

Он спас жизнь Чингис-хану в одном из сражений с тайчиутами, когда тот был ранен в шейную артерию, а кровотечение никак не удавалось остановить. Тогда, как сообщается в «Тайной истории монголов», раненого сильно лихорадило и Джэлмэ «все время отсасывал запекавшуюся кровь. С окровавленным ртом он сидел при больном, никому не доверяя сменить его». Когда Чингис-хан пришел в себя и захотел пить, то Джэлмэ, рискуя жизнью, пробрался во вражеский стан, «снял... с какой-то телеги огромный рог кислого молока и притащил его»³. Напоив страдающего от жажды Чингис-хана, он вернул его к жизни.

Со временем Джэлмэ стал одним из выдающихся военачальников монгольского войска. Он назван первым в группе элитных воинов, которые с Хубилаем, Джэбэ и Сүбээтэем образно именуются «четырьмя псами»⁴. Другие его родственники также принадлежали к высшим кругам Монгольской империи. Из двух младших

¹ *Козин С. А.* Сокровенное сказание... С. 96.

² Там же. С. 164.

³ Там же. С. 118.

⁴ Там же. С. 162.

братьев Джэлмэ, которых звали Чаурхан и Сүбээтэй-баатур, последний знаменит как один из главных полководцев Чингис-хана. Через несколько столетий потомки Джэлмэ продолжали оставаться урянхайскими нойонами, отмечал автор монгольской летописи «Алтан Тобчи» Лубсан Данзан, писавший в XVII в.¹

Для нас представляет интерес сообщение данного источника о том, что знаменитый ойратский правитель Тогон-тайши, живший в первой половине XV в., является потомком Джэлмэ в восьмом поколении. Этот факт не находит подтверждения в других ойратских родословных и поэтому нуждается в дополнительном изучении. Как нам известно, Чжарчиудай и Джэлмэ, отец и сын, принадлежали к племени Урянхай, которое обитало в окрестностях священной горы Бурхан-Халдун. Сейчас установлено, что это гора Хэнтэй-Хан в Большом Хэнтэйском хребте на северо-востоке Монголии. После смерти Чингис-хана урянхайцы сделались хранителями особой заповедной территории на этой горе, где были похоронены Чингис-хан и другие правители-чингисиды. Это племя в дочингисовскую эпоху занимало подчиненное положение по отношению к монголам, тем племенам, которые группировались вокруг отца Чингис-хана Есугэй-баатура и его самого во второй половине XII – начале XIII в.

Если принять как данность высказанное утверждение о том, что Джэлмэ является далеким предком Тогон-тайши, о котором достоверно известно, что он принадлежал к знатному роду Чорос позднейших джунгаров и дэрбэтов, то и их предки были выходцами из племени Урянхай. Возможно, здесь нашли отражение отголоски каких-то полузабытых преданий о генеалогических связях предков правящих родов ойратских племен с древнемонгольскими племенами.

29. *Бо-хан (Бу-хан)*. Это искаженное имя от Бёё-хан (*букв.* «хан-шаман»). Согласно самому известному и широко распространенному ойратскому этногенетическому мифу, Бёё-хан является прародителем правящего рода Чорос у джунгаров

¹ Лубсан Данзан. Указ. соч. С. 294.

и дэрбэтов. Он представлен как в устной, так и письменной традиции, хотя она расходится в передаче деталей. Наиболее далекой и противоречащей всем другим ойратским сочинениям является версия автора о том, что у Бёё-хана в браке с дочерью Хормустой-тэнгрия родился Тогон.

Обратимся к фактам истории. Уже одно имя этого персонажа Бёё-хан («хан-шаман») переносит нас в далекие языческие времена, когда вожди ойратских племен управляли своим племенем и одновременно выполняли сакральную функцию верховных шаманов. Таким был, например, современник Чингис-хана ойратский правитель Хутуга-бэки. Титул «бэки» первоначально обозначал «первосвященников», волхвов — предводителей в шаманском значении этого слова¹. В мифе о родоначальнике чоросов есть явная мифологическая подоплека, но в сообщении о браке Бо-хана с дочерью Хормусты-тенгрия заметно и позднейшее буддийское влияние, призванное легитимизировать власть правящей династии.

30. *Тёмёр Тогон-тайши*, или *Тогон-тайши* (умер в 1439 г.). Выдающийся государственный деятель средневековой Монголии. С его именем и именем его сына Эсэна связана первая, предпринятая в послеюаньский период, попытка нового объединения Монголии, создания единого государства монголов и ойратов (государства «Сорока и четырех»), как образно называются в монгольских источниках восточные и западные монголы (ойраты). Приведенные автором сочинения сведения о Тогоне не выдерживают критики в сравнении с данными ойратских родословных: он не был сыном Бо-хана и элётским ханом, а знаменитый Эсэн был его сыном, а не правнуком.

По свидетельству монгольской летописи «Болор эрихэ» («Хрустальные четки») монгольского историка Рашипунцуга, настоящее имя Тогона было Богума². Он был сыном Батула-чин-

¹ Владимирцов Б. Я. Общественный строй... С. 50.

² Монгольские источники о Даян-хане / Введ., вступит. часть, коммент. Г. С. Гороховой. М., 1986. С. 52.

санга (под таким именем фигурирует в монгольских источниках ойратский правитель Махмуд) и монгольской принцессы Самургунджин. Верховный хан Монголии Элбэг выдал замуж за сына ойратского сановника Хутхай-Тайю Батулу принцессу Самур и отдал ему в управление всех ойратов. После одного из сражений с восточными монголами, в котором ойраты потерпели поражение и погиб его отец Махмуд, Богума спасся только благодаря тому, что был накрыт котлом. Поэтому он и получил прозвище Тогон (по-монгольски «котёл»).

Это произошло уже после падения династии Юань в Китае и изгнания из страны монгольских завоевателей. В первые два десятилетия после 1368 г., когда монгольские ханы были заняты кровопролитной войной с Минской империей, правители западномонгольских (ойратских) племен смогли укрепить независимость своих владений и установить контроль над соседними территориями Монголии. Населявшие их племена стали уходить из-под власти монгольских ханов и присоединяться к ойратам. Возникшее новое кочевое объединение представляло собой антимонгольский кочевой союз. Японская исследовательница Дзюнко Мияваки справедливо указывает, что «те кочевые племена, которые не были монголами в истинном смысле (т. е. ойраты. – В. С.), объединились против монголов в более узком смысле, поддерживавших династию чингисханидов, а их новый племенной союз стал именоваться «Дурбэн ойрат» по имени главного племени¹. Тогда-то, вероятно, и появилось выражение «дөрбөн хари улус», что означало «четыре чуждых, неродственных народа».

Первая половина XVI в. известна как период так называемой «гегемонии ойратов» в Монголии, когда ойратские правители пытались установить свою власть над всей территорией Монголии. Они занимали при дворе всемонгольского хана влиятельную должность *тайши*, нечто вроде главного или первого министра (одновременно исполнявшего обязанности военного министра).

¹ Miyawaki J. A Volga-Kalmyk family tree... С. 206.

Это давало возможность деятельным и энергичным ойратским правителям Тогону, а затем и его сыну Эсэну, опираясь на находившиеся в их подчинении военные силы, значительно расширить свое влияние в государстве и узурпировать ханскую власть, превратив верховного хана Монголии в простую марионетку на троне.

В 1430-х гг. Тогон смог утвердить свою власть над всеми ойратскими феодальными владениями, расправившись с двумя другими соперниками — ойратскими правителями, носившими китайские титулы *Сян-и-вана* и *Ань-лэ-вана*. Он провозгласил верховным ханом Монголии своего ставленника — одного из чингисидов, молодого хана Тогтобуху, который стал править под именем Дайсун-хан. Сам Тогон, не будучи прямым потомком монгольского «Золотого ханского рода» Борджигид, восходящего к Чингису, должен был довольствоваться влиятельной должностью первого министра (тайши) при дворе нового хана. Он отдал в жены Дайсун-хату свою дочь, старшую сестру Эсэна, и стал фактическим правителем Монголии. Тогон вел успешную войну с влиятельным монгольским феодалом Аругтаем, также претендовавшим на власть над Монголией. В 1431 г. Аругтай потерпел сокрушительное поражение от ойратов, а в 1434 г. в сражении у горы Муна был убит.

Политика централизации, проводившаяся Тогоном, ставила целью объединение Монголии под властью ойратских правителей из дома Чорос, но она привела к резкому ухудшению отношений между ними и Минской империей. Он умер в 1439 г. накануне большой войны с Китаем. Осуществление его завоевательных планов выпало на долю его сына Эсэна.

31. *Эсэн* (1407–1455) — сын тайши Тогона, выдающийся ойратский правитель, объединивший Монголию в рамках одного государства и провозгласивший себя к концу жизни верховным ханом Монголии¹.

---

¹ *Rossabi M. Esen // Dictionary of Ming biography. Vol. 1. New York, 1976. С. 416–420.*]

Эсэн проявил себя искусным военачальником еще при жизни своего отца. В 1420-х гг. он предпринял несколько успешных походов на запад против Восточного Могулистана, правитель которого чагатаид Вайс-хан (1418–1428) «ополчился на неверие калмаков (т. е. ойратов. – В. С.) и постоянно вел борьбу с теми кафирами»¹. При нем границы ойратских владений на западе раздвинулись до Бишбалыка. В 1430-х гг. он помогал своему отцу в войне с восточными монголами и разгроме их предводителя Аругтая.

Как известно, его отец Тогон-тайши умер в 1439 г. Эсэн унаследовал титул *тайши* и *Хуай-вана* и продолжил политику своего отца по объединению Западной и Восточной Монголии и воссозданию Юаньской империи. Поэтому в дальнейшем главной своей задачей Эсэн считал покорение Китая. С этой целью он предпринял большой поход в Китай в 1449 г. и разгромил отправленную против него огромную китайскую армию. Командовавший этой армией минский император Чжу Ци-чжэнь попал в руки Эсэна и провел в ойратском плену больше года. О пребывании знатного пленника в ставке ойратского тайши автор биографии Эсэна в «Словаре биографии выдающихся деятелей минского периода» сообщает следующее: «Сообщения китайских пленников Эсэна так же, как и сообщения китайских послов, ездивших к ойратам, все сходятся на том, что Эсэн, возможно, по скрытым мотивам был внимательным к Чжу Ци-чжэню. Он устраивал пиры для бывшего китайского государя, предоставлял ему слуг и даже предлагал отдать в жены свою сестру. Он также отправлял одного за другим послов (в Китай. – В. С.), чтобы представить дань и договориться о его освобождении»².

Эсэн полагал, что поскольку китайский император взят в плен, то правительство в Пекине безропотно примет все его тре-

---

¹ Санчиров В. П. «Калмаки» в «Истории» турецкого автора XVI в. Сейфи Челеби // Малоисследованные источники по истории дореволюционной Калмыкии. Элиста, 1987. С. 12, 13.

² Rossabi M. Указ. соч. С. 419.

бования, но его расчеты не оправдались. При дворе взяла верх патриотическая партия во главе с талантливым полководцем Юй Цянем, которая посадила на трон младшего брата императора и решительно отвергла всякие предложения пойти на уступки требованиям Эсэна. Из южных провинций страны в столицу были стянуты войска, а сам город подготовлен к длительной обороне. Когда Эсэн подступил к Пекину, он не смог взять приступом хорошо укрепленный город и вынужден был отступить. В 1450 г. был заключен мирный договор с Китаем, и пленный император возвратился на родину.

Отношения Эсэна с минским двором после этого внешне продолжали оставаться дружественными, он регулярно присылал посольства с «данью» в столицу Китая. Но в то же время минское правительство готовилось нанести ему сокрушительный удар: с одной стороны, оно укрепляло оборону северных границ империи, а с другой, стремясь отколоть их от Эсэна, осыпало богатыми и щедрыми подарками хана Тогтобуху и других крупных монгольских и ойратских феодалов. Отношения Эсэна с ханом резко ухудшились из-за того, что он хотел, чтобы Тогтобуху объявил своим наследником племянника Эсэна, сына, рожденного от его старшей сестры. Отказ хана выполнить это требование грозного тайши вызвал вооруженный конфликт, в котором верховный хан Монголии погиб.

Эсэн находился в зените своего могущества и провозгласил себя в 1454 г. всемонгольским ханом, приняв титул «Августейшего и великого хагана великой (династии) Юань». «О своем восшествии на престол он уведомил пекинский двор, который в ответной грамоте называл его ойратским хаганом»¹. Созданное Эсэном единое монголо-ойратское государство занимало обширную территорию — от реки Амур на востоке до пределов Средней Азии на западе. Как говорится в монгольских источниках, «Сорок

---

¹ *Покотиллов Д. Д.* История восточных монголов в период династии Мин (1368–1634) (по китайским источникам). СПб., 1893. С. 83.

и четыре» (т. е. монголы и ойраты) стали славою одного хана»¹.

Однако этот шаг ойратского тайши привел к его падению. Против него выступили не только монгольские феодалы, недовольные возвышением Эсэнна, но и некоторые ойратские князья. Их недовольство во многом было инспирировано минской дипломатией, натравливавшей одних князей против других. Растущее сопротивление Эсэнну было вызвано отнюдь не его беспутным поведением и пристрастием к спиртным напиткам, как об этом нам сообщают авторы «Мин ши», а гораздо более глубокими причинами. В тогдашнем монгольском и ойратском обществе отсутствовали силы, на которые он мог бы опереться, проводя свою политику централизации.

В 1455 г. Эсэн потерпел поражение в междоусобной войне и погиб. Вместе с ним закончился период ойратской гегемонии в Монголии.

32. *Элёт* (современное написание на монгольском языке *өөлд*). В современном монголоведении до сих пор остается неизвестным происхождение этого этнонима. Сложность толкования значения данного термина заключается в его многозначности, так как в разные периоды истории он имел разное значение и прилагался к разным этническим подразделениям ойратов. В послеоаньский период этноним «ойрат» исчезает из употребления и встречается только в сочетании *дурбэн-ойрат* (букв. «четыре ойрата»), ему на смену пришел другой этноним — *элёт*. В дальнейшем это слово перестало быть названием только одного племени и превратилось в собирательное название всех ойратов. Особенно это характерно для китайских источников цинского периода, когда оба этнонима со второй половины XVII в. стали выступать как синонимы и могли взаимно заменять друг друга.

Только в сочинении «История о том, как управляли государством владыки Чингиса и поддерживали ханское правление» конкретно сообщается о времени появления у ойратов этнического подразделения *элёт*. О них там сказано, что после гибели

¹ Бугд Найрамдах Монгол... С. 426.

Ээсна трое его внуков-князей стали называться элэтами и во главе ойратов «по наущению Шара шулмы (Желтого демона)» откочевали из родных мест. В этом можно видеть глухое упоминание о каких-то реальных событиях, происходивших в то время. О них сказано в «Истории Калмыкии»: «... в обстановке междоусобиц, военных действий и грабежей начался отток ойратского населения с занимаемой территории в Западной Монголии на юг Гоби, в район Хами в Восточном Туркестане»¹.

Что же касается семантики самого термина *элёт*, то известный калмыцкий этнограф Г. О. Авляев, следуя народной этимологии, объяснял, что *өлёт* в переводе с ойратского и калмыцкого языков означает буквально «обидевшиеся» или «обиженные» и происходит от глагола *өөлх* («обижаться, быть недовольным»)².

В середине 60-х гг. XX в. видный американский монголист и китаист Генри Сэррайс в рецензии на книгу И. Я. Златкина «История Джунгарского ханства» высказал предположение о том, что существовали «два племенных подразделения (subtribes) ойратов, которые некоторое время спустя дали название целой группе ойратов, – это элэты (*the Ögeled*) и джунгары (*the Jungyar*)». Само же слово «элёт» (*Ögeled, Eleuth*), по его мнению, является в действительности формой множественного числа имени, которая носила мать Чингис-хана: *Hö'elün/Ögelün*³.

Крупное племенное объединение элэтов сформировалось под властью выходцев из аристократического рода Чорос (Цорос) в XV в., когда в Монголии происходили крупные изменения, связанные с «гегемонией ойратов», а среди ойратов выделились новые этнические подразделения. Современный историк

---

¹ Санчилов В. П. Ойраты в составе единого монголо-ойратского государства в послеюаньский период (XV–XVI вв.) // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Т. 1. Элиста, 2009. С. 198.

² Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа... С. 192.

³ Serruys H. Рецензия на кн.: Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: 1964 // Journal of the American Oriental Society. Vol. 85 (3). New Haven (Conn.), 1965. С. 225.

монгольского происхождения из КНР Алтаноргил считает, что корень слова *өлөт* (*өлөд*) происходит от монгольского слова *өвлий* («крупный, мощный»), и поэтому этот этноним имеет значение «главное большое племя дурбэн-ойратов»¹.

33. Этот рассказ повторяется и в сочинениях калмыцких авторов Габан Шараба и Батур-Убаши Тюменя. Хошутский нойон Батур-Убаши Тюмень в своей «Истории дурбэн-ойратов», написанной в 1819 г., говоря об этническом составе дурбэн-ойратов, указал: «Одним из [подразделений] тех, кого называют дурбэн-ойратами являются элэты (*öyilööd*). Так как они, подстрекаемые желтым демоном (*šara šulma*), неизвестно куда удалились от ойратов, то их стали называть «элётами»². В приведенном отрывке ничего не сказано о том, к какому времени относятся сведения о составе дурбэн-ойратов, и о возникновении Ойратского союза. Однако упоминание в нем дэрбэтов и джунгаров (крупных кочевых объединений у ойратов позднего средневековья), включенных в четвертое подразделение союза, позволяет отнести приведенные сведения к более позднему периоду, не ранее XVII в.

Элэты, ушедшие в неизвестном направлении, очевидно, составляли лишь некоторую часть этого родоплеменного подразделения, другая же их часть осталась на родине, а позднее в первой половине XVII в. разделилась на дэрбэтов и джунгаров. Батур-Убаши Тюмень особо подчеркивал, что «нойоны дербетовские имеют одно происхождение с зюнгарскими (т. е. джунгарскими. – В. С.) нойонами»³.

Этноним «элёт» в форме *Eleuth* (от кит. о-лу-тэ) «ойраты» впервые стал употребляться в европейской востоковедной литературе католическими миссионерами-иезуитами, действовавшими в Китае в XVII–XVIII вв. Термин «джунгар» исчез из употребления после разгрома Джунгарского ханства цинскими

¹ *Altanorgil*. Указ. соч. С. 145.

² *Позднеев А. М.* Указ. соч. С. 25.

³ Сказание о дербен-ойратах... С. 25.

войсками в 1755–1758 гг. и расправы над его населением, немногим оставшимся в живых джунгарам цинские власти официально приказали называть себя элётами, чтобы стереть саму память об этом мятежном народе¹.

34. *Кэшиг-Öрлök*. Как уже говорилось раньше, автор сочинения выказывает слабое знакомство с предками джунгарских князей. Его указание на то, что Кэшиг Öрлök является отцом Абудай Булай-тайши, противоречит родословным из историко-генеалогических сочинений калмыцких авторов Габан Шараба и Батур-Убаши Тюменя. От них достоверно известно, что отцом этого прародителя династии правителей Джунгарского ханства был некто Онгоцо, сын Архая, или Архан-Чингиса².

35. *Абудай Булай-тайши*. Габан Шараб называет его Абидай-Булай-тайши, а Батур-Убаши Тюмень — Абида-Булу-тайши. Далее следует довольно подробный рассказ о джунгарских правителях и событиях, связанных с их правлением в Джунгарском ханстве вплоть до трагического конца ойратского государства. Примечательно, что автор не называет их «джунгарами», вероятно, помня об официальном запрете использовать этот этноним. Как уже было сказано, крупное этнополитическое объединение в составе ойратов, которое называлось элётами, со второй половины 30-х гг. XVII в. стало называться «зюнгарами» (в русской литературе за ними утвердилось название «джунгары»). О том, как это произошло, мы находим сообщение в анонимном ойратском сочинении на «ясном письме» «История Хо-Öрлöка». В нем рассказывается о крупном общеойратском мероприятии — военном походе в 1636–1637 гг. в Тибет, в котором вместе со своими войсками участвовали князья крупных этнополитических объединений ойратов. Традиционное построение ойратского войска в сражении с 30-тысячным войском восточномонголь-

¹ Eminent Chinese of Ch'ing Period (1644–1912). Edited by Arthur W. Hummel. Vol. I. A–O. Washington, 1943. С. 11.

² Сказание о дербен-ойратах... С. 25; *Габан Шараб*. Сказание об ойратах... 144.

ского феодала Цогту-тайджи на окраине Кукунора в 1637 г. описывается следующим образом: «В центре находилось войско хошутов. На левом фланге (*зүүн биед*) войско элэтов, которое называли *зүүнгарын цэрэг* (войско левого крыла, «джунгарским войском». – В. С.). На правом фланге торгутское войско называли войском правого крыла (*баруун гарын цэрэг*). В хвосте (арьергарде. – В. С.) шли войска дэрбэтов и хойтов. Говорят, что с этого времени за элэтами закрепилось название «джунгары»¹.

Их возвышение, когда они превратились в ведущую силу среди ойратских кочевых группировок, было отмечено в русских источниках как образование Джунгарского ханства. Сибирский летописец Илья Черепанов об этом знаменательном событии писал: «В сих летах начало свое возымело в калмыцких тайшах Зенгорское владение, ибо Кара-кулы тайши сын Батур тайша благоразумием и храбростью своей, как рассеянные калмыцкие республики (имеются в виду независимые улусы ойратских правителей. – В. С.) с их тайшами вместе совокупил, часть Бухарии завоевал и с того времени как в 1635 г. он, Батур тайша, стал именоваться контайша (искаженное от «хунтайджи». – В. С.)»².

Согласно ойратским источникам, обстоятельства получения джунгарским правителем своего титула *хунтайджи* связаны с внешнеполитической деятельностью хошутского Гүши-хана и его ролью в утверждении теократии в Тибете³. Обращает на себя внимание тот факт, что и титул *тайши* (в русском языке он принял форму *тайша*) изменил свое значение и стал прилагаться к крупным ойратским феодалам, правителям больших улусов, что видно из рассказа И. Черепанова. В XVII в. он сделался весьма распространенным среди знатной верхушки ойратов, когда в условиях феодальной раздробленности большое влияние в обществе приобрели предводители крупных кочевых объединений: хошутов, джунгаров, дэрбэтов, торгутов и хойтов. Они-то и по-

¹ Санциров В. П. Ойраты в составе... С. 185.

² Златкин И. Я. История Джунгарского ханства... С. 151.

³ Санциров В. П. Начало вхождения... С. 296–298.

старались поднять свой авторитет, присвоив себе высокий титул тайши. Русское слово «контайша» происходит от контаминации монголо-ойратских терминов *хунтайджи* и *тайши*¹.

В послеюаньский период это была уже новая ойратская феодальная аристократия, из среды которой в XV в. вышли тайши Тогон и его сын Эсэн, а в XVII в. — джунгарские правители Хара-Хула, Баатур-хунтайджи и др. В основе вышеперечисленных новых кочевых объединений лежали не кровнородственные, а социально-политические и территориальные связи. Они с течением времени поглотили и растворили в своем составе прежние родоплеменные группы средневековых ойратов, проявив себя как своеобразный этнообразующий фактор.

36. *Хара-Хула*. Джунгарский владетельный князь из знатного ойратского рода Чорос, родоначальник династии правителей Джунгарского ханства, отец основателя ханства Эрдэни-Батура-хунтайджи. Умер в 1634 г. Имел почетное прозвище Догшин-нойон. Прозвище Хара-Хула, с которым он вошел историю, он получил за то, что убил такого зверя. П. С. Паллас дал следующее его описание: «Зверь, как полагают, водится в Алтайских горах; калмыки знают его только по описаниям и представляют себе его очень свирепым, почти таким же свирепым, как лев. От головы и шеи он будто бы зарос густой и длинной шерстью, причем темно-коричневого цвета»². В современном монгольском языке *хар хул* имеет значение «маньчжурский тигр, леопард»³.

Приняв власть в Джунгарском улусе в конце XVI в., Хара-Хула сделался одним из признанных и авторитетных ойратских правителей, принимавших активное участие в общеойратских мероприятиях первой трети XVII в. В 1623 г. в составе объединенного ойратского войска он участвовал в отражении нападения халха-монгольского Шолой-Убаши-хунтайджи. Война с ним

¹ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. С. 156. Примеч. 2.

² Pallas P. S. Указ. соч. С. 36.

³ Большой академический монгольско-русский словарь. Т. IV. С. 162.

явилась кульминационным моментом военного противостояния ойратов восточным монголам. В решающем сражении дурбэн-ойраты нанесли поражение и убили этого восточномонгольского правителя из династии Алтан-ханов, находившегося на вершине своего могущества. О Хара-Хуле, под началом которого находилось «шесть тысяч удалых молодцов», в ойратском источнике говорится: «Взглядом похож на голодного коршуна, всею повадкой на куцего волка, как на заре он в отару ворвется. Да и дружина нойону под стать»¹.

Успехи Джунгарской группировки в войне с Алтан-ханом и в последующих военных столкновениях с восточными монголами снискали Хара-Хуле авторитет среди других ойратских правителей других ойратских улусов. Они окончательно освободились от зависимости монгольских ханов. Вскоре после этого в 1625 г. начавшаяся среди хошутов междоусобица переросла в большую войну между ойратскими владетельными князьями. Хара-Хула, первоначально выступавший на стороне хошутского главного тайши Байбагаса, затем прекратил участвовать в общеойратском конфликте.

Он сумел извлечь выгоду из междоусобиц в стане своих соперников из числа «больших тайшей» других улусов и занялся укреплением собственной власти в своих владениях. У себя в улусе Хара-Хула, располагая значительными военными силами, превосходившими силы других джунгарских нойонов вместе взятых, заставил их повиноваться и признать его верховную власть. В середине 30-х гг. XVII в. в результате проводимой им централизаторской политики сила и влияние джунгаров среди ойратских группировок позволили им занять доминирующее положение в Ойратском союзе. В своей «Истории дурбэн-ойратов» Габан Шараб приводит оценку личных качеств Хара-Хулы, где он сравнивается со зрелым и полным сил верблюдом в то время, как его противники уподобляются слабым и малосильным верблюдом². Он умер в 1634 г., его политика была продолжена

¹ Козин С. А. Ойратская историческая песнь... С. 98.

² Габан Шараб. Сказание об ойратах... С. 157.

его сыном Эрдэни-Баатуром-хунтайджи, вошедшем в историю Центральной Азии как основатель Джунгарского ханства.

37. Имеется в виду Юм-Ага (*ага* – титул знатной женщины). Одна из пяти жен джунгарского правителя Батура-хунтайджи, была дочерью торгутского тайши Шүкүр Дайчина и матерью Сэнгэ и Галдана (о ней смотрите подробно в комментарии № 14 к «Родословной монголов»).

38. *Дэрбэтский Далай-хан и 16 [дэрбэтских] хошунов не участвовали в смуте...* Здесь речь идет о последнем десятилетии существования независимого ойратского государства и гибели Джунгарского ханства в 1755–1758 гг. под ударами войск Цинской империи. Как известно, это ханство после гибели его правителя Галдан-Цэрэна (1727–1745) вступило в полосу глубокого кризиса, вызванного междоусобной борьбой наследников и претендентов на ханский трон. Оно было предметом давней ненависти маньчжурских завоевателей Китая, которые в течение нескольких десятилетий вели войну с ойратами и теперь не преминули воспользоваться сложившимся положением в ханстве. В условиях распада и крушения ойратской государственности началось бегство отдельных князей со своими улусами на территорию Цинской империи. Как писал Иакинф Бичурин: «Когда Давац (последний правитель ханства. – В. С.) похитил престол, и по сему случаю Дурботский Тайцзи Церын, еще Церын-Убаши и Церын-Мункэ поддались со своими уделами Китаю, то князья сии удостоверили Китайский Двор, что Чжунгария через внутренние неурядица действительно приближается к падению»¹.

Этими тремя дэрбэтскими князьями были известные нам из цинских источников так называемые «Три Цэрэна»: Цэрэн, Цэрэн-Убаши и Цэрэн-Мөнгкэ². В «Илэтхэл шастир» указывается: «Когда среди джунгаров началась смута, дэрбэты прибыли [во владения Цинской империи] и приняли подданство, у них было

¹ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста, 1991. С. 62.

² Мэн-гу-ю-му-цзи. С. 131–148.

учреждено 14 засаков и 2 засака причисленных к ним хойтов. Они все получили название Дэрбэтовского аймака *Сайн Заягату* («Имеющий хорошую судьбу»)¹. О старшем из дэрбэтских князей Цэрэне в «Мэн-гу-ю-му-цзи» сказано, что «в 1753 году, находя недостойным служить Даваца, он со своими подданными в числе 3170 семейств, составлявших более 10 000 душ, подчинился Китаю и был пожалован в чжасаки цинь-ваны; в 1755 году назначен советником и в западном отряде участвовал в походе против Даваца (т. е. в войне с Джунгарским ханством. – В. С.)»². За свои заслуги при «усмирении Или» (т. е. в военных действиях против джунгаров. – В. С.) он был пожалован в дэрбэтские ханы с почетным наименованием *Тэгүс-күлүк-далай-хан*, отсюда и его краткое имя Далай-хан. Он умер в 1758 г³.

В этом сочинении не приводится никаких подробностей ни о биографии этого Далай-хана, ни о его родословной. Утверждение калмыцкого нойона Батур-Убаши Тюменя о том, что «нойоны дербэтовские имеют одно происхождение с зюнгарскими нойонами»⁴, подтверждаются данными «Илэтхэл шастир», где говорится, что «элэты племени дэрбэтов суть потомки чоросов»⁵. Чорос — это название аристократического правящего рода у позднейших джунгаров и дэрбэтов. Это слово пришло в ойратский язык из языка живших с ними по соседству киргизов. В их эпосе «Манас» оно означало «сподвижник богатыря» (выражение *кырк чоро* означало «сорок сподвижников богатыря Манаса»).

Термин *чорос* своими корнями восходит к древнетюркской титулатуре, где он прилагался к представителям знати, стоявшим во главе племени во времена Тюркского и Уйгурского каганатов (VI–IX вв.). Отсутствие репрезентивных источников не позволяет установить, когда именно он был заимствован ойратами. Во всяком случае к концу XVI в. он приобрел четко выраженное

¹ Санциров В. П. «Илэтхэл шастир»... С. 58.

² Мэн-гу-ю-му-цзи. С. 138.

³ Там же. С. 158.

⁴ Сказание о дербен-ойратах... С. 25.

⁵ Санциров В. П. «Илэтхэл шастир»... С. 57.

этническое значение, превратившись у них в этноним путем прибавления окончания множественного числа. В форме «чурас» он фиксируется также в среднеазиатских персо- и тюркоязычных источниках XV–XVII вв. как название одного из отюречившихся монгольских племен Могулистана¹.

Специально изучавший проблемы этнической истории ойратов Г. О. Авляев особо отмечал, что чоросы — «один из тюркских компонентов в составе ойратов домонгольской эпохи» — сыграли определенную роль в этногенезе ранних ойратов с начала XIV в. и позже в формировании этнических подразделений позднейших джунгаров и дэрбэтов. Это был, по его словам, «пришлый (*оруд улс*) правящий клан племени “зюнгар”, ассимилировавшийся среди ойратов»².

39. *Происхождение хойтских князей*. Хойты были одним из древнейших этнических подразделений в составе средневековых ойратов, по происхождению связанных с древними ойратами Восьмиречья³. Весьма превратные представления о начальном периоде истории хойтов встречаются в сочинениях позднейших калмыцких авторов — Габан Шараба и Батур-Убаши Тюменя⁴. Однако еще П. С. Паллас, собравший во второй половине XVIII в. из калмыцких источников в устном пересказе сведения об этническом составе ойратов, справедливо отметил, что князья хойтов, подобно «другим элётским княжеским родам» не возводят свою родословную к Чингис-хану, и что «следует в качестве самого древнего поставить впереди княжеский дом хойтов (*Choit*)»⁵.

Этимология названия *хойт* еще окончательно не выяснена. Г. О. Авляев относил данный этноним к группе этнонимов-тоте-

---

¹ Юдин В. П. О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахами и соседними народами // Юдин В. П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы, 2001. С. 75, 76.

² Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа... С. 136.

³ Санчилов В. П. «Илэтхэл шастир»... С. 68–72.

⁴ Там же. С. 70.

⁵ Pallas P. S. Указ. соч. С. 31.

мов, сохранявшихся у калмыков с незапамятных времен наряду с несколькими тотемистическими названиями зооморфного и орнитоморфного происхождения. Он считал его производным от *хэн* «овца»¹. Лингвист Н. Н. Убушаев, предлагая свою этимологию слова *хойт*, допускает возможность его сближения с «названием древних самодийских групп сойот-сойит»².

Еще одно объяснение того, когда появился этноним *хойт*, мы находим в данном сочинении. Его автор появление этого слова относит ко временам легендарного прародителя джунгарских и дэрбэтских князей — Бо-хана, т. е. к языческим временам, еще до принятия буддизма, «когда ойраты и Халха отделились друг от друга». Именно тогда, по его словам, объединившиеся ойраты «стали называть ойратов северной стороны хойтами».

Любопытен приведенный затем легендарный рассказ о предке хойтов Йобогон-Мэргэне и происхождении родственного хойтам этнического подразделения баатутов. В ойратских источниках похожий, но различающийся в деталях рассказ содержится только в книге П. С. Палласа³.

40. *Эсэлбэйн Сайн-Ка* (букв. Сайн-Ка, [сын] Эсэлбэя). Сын хойтского правителя Мани Мингату из рода *Икэ Минган*⁴. После того, как его отец Сумтай Мингату был убит во время ойратско-ордосской войны с восточномонгольским Алтан-ханом, он после 1574 г. стал управлять улусом Найман Минган Хойт («восьмитысячных хойтов»). Этот главный правитель племени хойтов отличился в войнах с восточными монголами и, будучи одним из влиятельных ойратских нойонов, много сделал для объединения дурбэн-ойратов. Вот как он характеризуется в ойратской исторической песне о разгроме халхаского Шолой-Убаши-хунтайджи: «Так выдается меж всеми Сайн-хя

¹ Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа... С. 38, 134.

² Убушаев Н. Н. К проблеме этногенеза хойтов // Проблема этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Сб. науч. трудов. Вып. 2. Элиста, 2008. С. 102.

³ Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten... С. 222.

⁴ Лыткин Ю. Материалы для истории ойратов... С. 92, 96.

(Сайн-Ка. – В. С.), как белизна по бокам у быка вороного. Тысяч в дружине [его] будет четыре. Столько же в землю вонзается копий, столько же сытых коней на приколе. Зубы скрежещут, глотают слюну: где неприятель для смертного боя, молвит он, где молодец, чтоб поспорить?»¹.

Он стяжал особую ненависть у своих врагов. Ордосский правитель Хутугтай-Сэцэн-хунтайджи говорил о нем так: «Глаза у Эсэлбэя-Ка как у коршуна. Он не тот человек, который ведет себя правильно. Давайте разделим улус «восьмитысячных хойтов» и уничтожим их силу»². Эсэлбэйн Сайн-Ка, «воин старый, разумный, красноречивый, хитрый и опытный в боях», как описывает его Юрий Лыткин, умер до 1636 г. в возрасте 62 лет³.

41. *Солтан-Убаши*. Речь идет о хойтском князе, который в «Биографии Зая-пандиты» называется Султан-тайши⁴. В «Истории дурбэн-ойратов» хошутского нойона Батур-Убаши Тюменя и других исторических сочинениях его называют сыном Сайнка, отцом которого был Эсэльбэй, потомок Йобогон-Мэргэна. В данном сочинении Солтан-Убаши (Султан-тайши) назван сыном Номдалая, который приходился сыном Сайнка. Установлено, что подлинное имя Султан-тайши было Илдэнг-тайша. Его кочевья соседствовали с территорией Восточного Туркестана, а за участие в междоусобной войне в этой стране он получил от ее мусульманских правителей почетный титул «султан».

42. *Ван-хан*. В большинстве ойратских, в том числе и в сочинениях калмыцких историков, предками торгутов — этнического подразделения средневековых ойратов — называли древнемонгольское племя керейтов, их предводителя Ван-хана Тогорила, соперника Чингис-хана в борьбе за власть в Монголии. Он жил во второй половине XII в. и погиб в 1203 г. Наиболее раннее упоминание о предках торгутов в монгольских источниках со-

¹ Козин С. А. Ойратская историческая песнь... С. 97, 98.

² *Sayang Sečen*. Erdeni-yin tobči. Ulan-Bator, 1958. С. 234, 235.

³ См.: Пэрлээ Х. Увш хун тайжийн туужид гарах түүхэн хүн, он цагийг судалсан тухай // *Studia Mongolica*. Т. 6 (14). Fasc. 1–18. С. 95.)

⁴ *Норбо Ш*. Указ. соч. С. 246–249.

держится в монгольской летописи XVII в., где утверждается, что «торгуты — потомки кереитского Онг-хана (Ван-хана. — В. С.)»¹.

Хотя авторы калмыцких историко-литературных сочинений также говорят об этом как о чем-то само собой разумеющемся, но они за давностью лет, по-видимому, имели уже довольно смутное представление о джунгарском периоде истории торгутов. Они не приводят никаких подробностей, ссылаясь на то, что соответствующие письменные известия находятся у монголов. Такое мнение о своем происхождении, бытовавшее среди правящей верхушки торгутов, является отголоском реальных событий, имевших место в прошлом. Известно, что кереиты принимали активное участие в этногенезе торгутов, и в наше время автором монографического исследования, посвященного этногенезу калмыков, Г. О. Авляевым они отмечаются «как один из древних, субстратных и постоянных этнических элементов в составе Торгоутовских улусов, оставшихся на Волге после 1771 г.»².

Легенду о происхождении торгутов от Ван-хана Кереитского следует признать недостоверной: исторический Ван-хан и Ван-хан из родословных торгутских князей — это два разных человека, живших в разное время³.

43. *Шужур-Дайчин*. Старший сын торгутского тайши Хо-Öрлөка, откочевавший в Поволжье в 30-х гг. XVII в. вместе со своим отцом. Упоминается в русских документах начиная с 1628 г., когда он уже был взрослым человеком⁴. После гибели в 1664 г. своего отца он наследовал ему и занял главенствующее положение среди калмыцких тайшей, но не все из них поначалу признавали его верховную власть. Поэтому он, по-видимому, вынужден был, как пишет Габан Шараб, отказаться принять присланные Далай-ламой грамоту и печать на ханское достоинств,

¹ Шара Туджи. С. 100, 160.

² Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа... С. 73.

³ Санциров В. П. О происхождении этнонима торгут и народа, носившего это название // Монголо-бурятские этнонимы: Сб. ст. Улан-Удэ, 1996. С. 31–50.

⁴ Санциров В. П. Начало вхождения... С. 308.

отослав их обратно со словами: «Подобных мне нойонов много, как я буду ханом?»¹. Тем не менее в своей внутренней политике Шүкүр-Дайчин неуклонно придерживался курса, направленного на усиление личной власти и подчинение себе оппозиционно настроенных владельцев калмыцких улусов. Он дважды в 1646–1647 и в 1653–1654 годах совершил паломничество в Тибет («на богомолье», как сообщается в русских документах), посещая по пути Джунгарию и подолгу гостя у своих собратьев — джунгарских и хошутских тайшей. Близкое знакомство с внутренней обстановкой в Джунгарском ханстве не вызвало у него желания вернуться со всеми своими улусами в Джунгарию, хотя, как отмечают исследователи, «централизаторская политика Батур-хунтайджи стала для Дайчина своего рода образцом при создании калмыцкого территориально-политического объединения под верховенством России»².

В проведении внешней политики Шүкүр-Дайчин также добился значительных успехов. Политическая трезвость и дальновидность позволили ему коренным образом изменить отношения с Русским государством и придать им форму военно-политического союза. Шерти 1655 и 1657 гг. завершили процесс добровольного вхождения калмыков в состав России. Прочное освоение ими степных пространств Нижней Волги и Предкавказья создало благоприятные условия для образования Калмыцкого ханства в составе России во второй половине 50-х — в первой половине 60-х гг. XVII в. Шүкүр-Дайчин по старости отошел от дел в ханстве в 1661 г., передав власть своему старшему сыну Пунгцуку (Мончаку, как он именуется в русских документах).

---

¹ Сказание о дербен-ойратах... С. 31, 32.

² Навеки вместе. С. 27.

VI. ИСТОРИЯ (ПРОИСХОЖДЕНИЕ) ЭЛЁТСКИХ КНЯЗЕЙ. КНИГА ЖИЗНЕОПИСАНИЙ ХАНОВ И НОЙОНОВ С ДРЕВНОСТИ ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

VI.1. Введение

Написанное на монгольском языке сочинение *Өөлдийн уг эх [түүх]* («Происхождение [история] элётских князей») представляет собой одну из княжеских родословных ойратов, а именно элёттов, или джунгаров, некогда самого многочисленного субэтнического подразделения в Джунгарском ханстве (1644–1758). Однако в нем перечислены не все потомки элётских князей, в сочинении говорится только о происхождении и последовательности поколений князей лишь одного из двух элётских хошунов Северной Монголии — Южного хошуна Сайн-нойон-хановского аймака Халхи.

Эта сравнительно небольшая группа джунгаров оказалась там еще в конце XVII в., оставшись в Халхе во времена джунгарского правителя Галдана Бошогту-хана после его поражения в ойрато-халхаской войне. В дальнейшем в результате агрессивной внешней политики Цинской империи независимое ойратское государство Джунгарское ханство было уничтожено и почти полностью истреблены джунгары — основное население ханства. Уцелевшие джунгары официально стали именоваться элёттами, а их прежнее название было упразднено цинскими властями¹.

Данный источник, хотя и хранился в фонде Монгольской Национальной библиотеки, но до недавнего времени был мало известен исследователям. Их вводило в заблуждение еще и существование четырех рукописных версий этого сочинения под разными названиями, что исключало возможность их идентификации без тщательного и основательного изучения. Такую работу выполнил в недавнем прошлом монгольский историк

---

¹ Eminent Chinese of Ch'ing Period (1644–1912). Edited by Arthur W. Hummer. Vol. 1. A–O. Washington, 1943. P. 11.

Ц. Цэрэндорж, изучавший это сочинение в течение многих лет. После сличения всех версий с подлинником он опубликовал его со своими комментариями в т. 14 серии «Bibliotheca Oiratica» в Улан-Баторе в 2010 г.¹ Эта его публикация включает:

1) обширное предисловие автора с библиографией, в котором излагаются результаты проведенного им исследования данного сочинения;

2) переложенный на кириллицу оригинальный сводный монгольский текст сочинения с комментариями автора-издателя;

3) фотокопию взятой за основу рукописи оригинала с различиями и поправками по двум другим спискам;

4) индекс слов;

5) приложение: биография цзюнь-вана Арабтана из главы 77 «Илэтхэл шастир» и биография тусалагчи гуна Данджилы из главы 78 «Илэтхэл шастир».

В начале сочинения помещены предисловие автора (*зохиолчийн үг*) и благопожелания (*тахил үг*). Автор сообщает, что он описывает «сведя воедино обстоятельства и причины, кратко и правдиво всё, что слышал и видел, то, что совпадает с содержанием исторических сочинений многих земель, добавив [сюда] [данные] из составленных по императорскому указу родословных и биографий». Свое имя он не указывает, но, как предполагает Ц. Цэрэндорж, он был, по-видимому, знатным элэтом из элётского Южного хошуна Халхи, написавшим свое сочинение в период между 1842–1886 гг. События изложены им только до 1761 г. в хронологическом порядке, начиная с древности («от сотворения материального мира», по его словам). В самом сочинении отсутствует деление на разделы, поэтому издавший его Ц. Цэрэндорж в его содержании выделил 7 частей, дав им названия и указав, какое место в процентном отношении занимает каждая из них в тексте:

---

¹ Өөлдийн ноёдын уг эх [түүх] / Монгол бичгээс хөрвүүлж, тайлбар, галиг, үгийн хэлхээ хийсэн Ц. Цэрэндорж. Улаанбаатар, 2010.

1. Сотворение материального мира и образование одушевленных существ, населяющих мир (8 %);
2. Возникновение царских родов (4 %);
3. Рождение Будды (7,2 %);
4. Распространение царского рода в Тибете (13 %);
5. Распространение царского рода в Индии (6,4 %);
6. Распространение родов ойратских князей (30,6 %);
7. Принятие маньчжурского подданства князьями элétов (25,8 %)¹.

Сочинение «История [происхождение] элétских князей», хотя и написано ойратским автором, но следует традициям монгольской средневековой историографии, свидетельством чему служит генеалогический принцип построения текста и содержащаяся в нем родоплеменная история. После обращения в буддизм монгольские авторы под влиянием тибетской историографии при написании истории родного края начинали ее с изложения всеобщей истории в ее буддийском понимании и только затем переходили к рассказу о местной истории. Этого правила придерживается и анонимный автор сочинения, хотя он не самостоятелен в этом вопросе. Ц. Цэрэндорж установил, что с 1-й по 5-ю части своего сочинения он позаимствовал, по видимому, из известной летописи XVII в. «Эрдэнийн Тобчи» («Драгоценное сказание»), составленной потомком знатного рода ордосских князей Саган-Сэцэном. По словам исследователя, «при этом некоторые места опущены, а процитированы только нужные с разночтениями в написании отдельных слов и букв, а также в расположении [изложенного материала]»². Он приводит на стр. 12 – начале стр. 14 десять таких разночтений. Одно единственное сообщение, которое отсутствует в «Эрдэнийн Тобчи», но встречается в ойратском сочинении, такое: «Бурхан багши (т. е. Будда Шакьямуни. – В. С.) усмирил шестерых еретических вероучителей».

¹ Өөлдийн ноёдын уг эх [түүх]... С. 11.

² Там же. С. 12.

Заключительная часть его, т. е. 7-я часть сочинения, как установил издатель рукописи Ц. Цэрэндорж, списана с главы 77-й и 78-й (глава 61 и 62 раздела «Биографий») одного из важных китайских источников цинского периода, известного в монголоведении под названием «Илэтхэл шастир». Полное его название в переводе с монгольского значит «Высочайше утвержденные родословные и биографии ванов и гунов (князья различных степеней. – В. С.) Внешней Монголии и Туркестана». Он представляет собой своеобразный справочник по генеалогии и биографиям монгольских, ойратских и восточнотуркестанских князей, выходящий на трех официальных языках Цинской империи: маньчжурском, китайском и монгольском¹. В Приложении к своей публикации Ц. Цэрэндорж поместил две биографии элётских князей и их потомков, поселенных в Халхе, из глав 61 и 62 «Илэтхэл шастир» в переложении на современный монгольский язык кириллицей². При ближайшем рассмотрении, как он выяснил, раздел ойратского сочинения, где также говорится об этих князьях, был заимствован из «Илэтхэл шастир». При этом текст слегка дополнен и в него внесены отдельные изменения. В нем из-за этого обнаруживаются разночтения в отдельных словах и их написании (*үг үгсийн зөрөө*), к тому же это часто приводит к несоответствию в содержании указанных сочинений³.

Однако исследователей ойратской истории может привлечь родоплеменная история, содержащаяся в 6-й части, в которой говорится о родословной элётских (джунгарских) князей. Правда, в ней речь идет не обо всех князьях элётских и их потомках, а только о той небольшой ветви ойратов-джунгаров, которой удалось уцелеть, оказавшись в силу исторических обстоятельств на территории Халхи. В основном это потомки князей элётского Южного хошуна, присоединенного цинскими властями к Сайнойон-хановскому аймаку Халхи. Автора интересует история

¹ Санциров В.П. «Илэтхэл шастир» как источник...

² Өөлдийн ноёдын уг эх [түүх]... С. 134–149.

³ Там же. С. 14, 15.

князей только двух элётских хошунов Халхи, и он опирается только на их родовые генеалогии.

Данное обстоятельство, очевидно, повлияло и на авторскую позицию, побудив его назвать в своем сочинении, написанном в Халхе, князей ойратов-элётов потомками Дува-Сохора, чего нет в сочинениях других монгольских и ойратских авторов, в том числе и калмыцких. В соответствии с древнейшими традициями в степном поясе Центральной Азии правители кочевников легитимизировали свою власть посредством этногенетических мифов. Аристократический род монголов, согласно их древним родословным, вел свое происхождение от Бодончара (в нашем источнике он назван Борджигидай-мэргэном), у которого было двое сыновей: старший Дува-Сохор и младший Добу-Мэргэн. Как сообщает автор сочинения, «беря начало от Добу-Мэргэна, возрождавшись в образе Чингис-хана, развивался род князей Халхи», а «беря начало от Дува-Сохора — род князей ойратов-элётов». Здесь явно проглядывает желание автора возвеличить происхождение собственных князей и уравнивать их в знатности с князьями-чингисидами Халхи.

Известно, что самым общеизвестным и широко распространенным из ойратских этногенетических мифов является миф о происхождении рода *Чорос* (*Цорос*), правящего рода средневековых джунгаров и дэрбэтов. Он передан в разных, близких по содержанию вариантах в письменных и устных преданиях, что свидетельствует о глубинном родстве двух видов словесного искусства — архаичного историописания и эпоса. Одну из таких легенд, имевших широкое распространение в Северо-Западной Монголии еще в начале XX в., записал и опубликовал в русском переводе в своей статье монголист А. В. Бурдуков¹.

Собственно джунгарские исторические сочинения не сохранились, но легенда о происхождении знатного рода джунгаров и

¹ Бурдуков А. В. Предание о происхождении дэрбэтских князей кости Цорос // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества. Т. XIV, вып. 1–2 (1911). С. 54–59.

дэрбэтов была известна и волжским калмыкам. Ее поместили в своих сочинениях калмыцкие историки Габан Шараб (в XVIII в.) и Батур-Убаши Тюмень (в XIX в.), выразив в них враждебное отношение к джунгарам¹. Версия легенды о происхождении знатного рода Цорос (Чорос) из «Истории элётских князей» в сравнении с другими версиями более подробна и выделяется тем, что в ней прослеживается связь между предками ойратских племен и одним из родоначальников монголов — Дува-Сохором.

В этом сочинении новых и интересных данных мало. К числу таковых, отсутствующих в других источниках, можно отнести сообщения об обстоятельствах переименования горы *Эрээн Хабирга* в *Богд Эрээн Хабирга* («священная Эрээн Хабирга»), об имени Хара-Хула и некоторые другие. Поэтому вслед за Ц. Цэрэндорж это сочинение можно назвать «компиляцией или несамостоятельным произведением» (*компиляци буюу нийлбэр зохиол*)².

---

¹ Сказание о дербен-ойратах... С. 18; *Габан Шараб*. Сказание об ойратах... 143.

² Өөлдийн ноёдын уг эх [түүх]... С. 23.

VI.2. Русский перевод

Поклоняюсь учителю Манджугоши. При написании в форме истории, откуда ведут происхождение князья элётов, многие комментарии и исторические жизнеописания, составленные многими мудрыми ламами во главе с достигшим предела знания Его Святейшеством Саджа-пандитой, и прежние исторические сочинения элётов, торгутов, дэрбэтов, хошутов, а также Халхи и других монгольских земель, религиозные трактаты из сборников сочинений ойратских главных лам, хотя и в значительной степени согласуются друг с другом, но содержат немало недостатков и противоречий. Поскольку трудно основываться на них, то я опишу, сведя воедино обстоятельства и причины, кратко и правдиво все, что слышал и видел, то, что совпадает с содержанием исторических сочинений многих земель, добавив [сюда] [данные] из составленных по императорскому указу родословных и биографий. Поклоняюсь благоговейно с позиций беспорочной истины всем хранителям алмазной веры — Очирдара-ламе, являющемуся воплощением истинной сущности пространства беспорочных Трех Драгоценностей, гениям-покровителям, сонму богатырей и дагини. Пусть растут и умножаются, подобно цветущему лесу на Хангае, все потомки хана, рожденные от любимой дочери владыки Хормусты-тэнгрия. Увы, встарь сначала сформировался неорганический мир (неживая природа, *сав ертөнц*. – В. С.), образовались одушевленные существа (*шим ертөнц*), лишь люди Четырех материков, будучи перерожденцами тэнгриев, жили бесчисленное множество лет. При жизни они почитали вселенную. При ходьбе они, не касаясь ногами земли, летали, паря в небе. В питании не употребляли нечистую земную пищу, а вкушали исключительно чистую «пищу созерцания» (*самадхи*). Рождались не от плотской любви между мужчиной и женщиной, а благодаря четырем чудесным превращениям. Ходили, когда не было (еще) солнца и луны, видя [все] при свете собственных тел. Затем однажды некоторые из людей, охваченные страстью, нашли и поели пищу, имевшую название

«земляное масло» (*газрын тос*). От того, что все поели его, прежняя «пища созерцания» исчезла, способность летать разом ослабла, при ходьбе по земле тела перестали светиться, отчего наступила крошечная тьма и впервые появился грех невежества (*мунхаг нисванис*). После этого в результате деяний верховных живых существ на небе возникли солнце, луна, звезды и стали освещать [все] днем и ночью. Затем опять в одно время некоторые люди, охваченные страстью, нашли и вкусили пищу, называвшуюся *ногооны ой* (букв. «лес зелени». – В. С.). Когда все стали постоянно употреблять эту нечистую земную пищу, то у них появились отличительные приметы мужчины и женщины. Из-за того, что они воспылали страстью друг к другу и стали рожать мальчиков и девочек, появился грех вожделения (*тачангуй нисванис*). После того опять в одно время, как только некоторые люди нашли и поели выросший сам по себе (т. е. несеянный. – В. С.) рис, называвшийся *салу* и возбуждавший страсть, прежняя их еда исчезла. Когда все стали есть только этот рис, а некоторые ленивые и хитрые люди брали и употребляли (букв. «ставили». – В. С.) сегодня еду, предназначенную на завтра, то и эта прежняя еда тоже исчезла, и поэтому появился грех зависти (*найдангуй нисванис*). Поскольку стали сеять и есть этот рис, то те, кто, полагаясь на эту нечистую земную пищу нижнего мира, употреблял ее в большом количестве, обрели дурную наружность, а те, кто ел мало, обрели красивую наружность. Сделавшись красивыми и некрасивыми, сильными и бесильными, они вступили в борьбу друг с другом за овладение рисовыми полями. Тогда начались раздоры, и они стали убивать друг друга, отчего возник грех гнева (*урины нисванис*). Затем те, кто забрал себе много риса, стали есть его, скрываясь от тех людей, которые взяли его мало. От этого возник грех жадности (*ховдог хармын нисванис*). Таким образом, лишившись замечательной пищи созерцания в то время, когда созрела основа «пяти зол» и начались раздоры, неожиданно появился искренний и прямодушный, с чрезвычайно ясным и здоровым умом, одаренный

образцовыми признаками, несравненный (не имеющий себе подобных) человек. Из ранее взявших рис он правых пожаловал, а виновных наказал, разделил между ними равными долями [рисовые] поля и беспристрастно имел попечение о каждом. Тогда все люди сочли это правильным и, договорившись беспрекословно следовать его милосердным распоряжениям, всем миром возвели его в нойоны. После этого он, будучи наречен по-индийски Махасамади-раджа, по-тибетски Манбуи пурба жалбуу, в переводе на монгольский язык «Многими возведенный хан», стал знаменит как царь Чакравартин, вращающий золотое колесо [Учения], [владыка] Четырех материков. Его сын Узэсгэлэн гэрэлт хан (букв. «красивый, светлый хан». – В. С.), его сын Буянт хан (букв. «добродетельный хан». – В. С.), его младший брат Дээд буянт хан (букв. «самый добродетельный хан». – В. С.), его сын Оройгоос үлэмж тэтгэн асрагч хан (букв. «От макушки [своей] самый заботливый и милосердный хан». – В. С.), его сын по имени Намэ (правильно Намаи. – В. С.) хөх хан. Начиная с Намаи хөх хана по прошествии *асанги* и семидесяти тысяч поколений в неразрушимой алмазной стране Магада в Индии [родились] у хана Арслан ухаант (букв. «обладающий разумом льва». – В. С.) четыре сына — Ариун идээт (букв. «вкушающий чистую пищу». – В. С.), Цагаан идээт (букв. «вкушающий белую пищу» [*цагаан идээ* «молочные продукты»]). – В. С.), Тансаг идээт (букв. «вкушающий восхитительную пищу». – В. С.), Рашаан идээт (букв. «вкушающий волшебный напиток аршан». – В. С.). Среди чрезвычайно умножившихся потомков сына (царя) Ариун идээт (Шуддходаны. – В. С.) в 22-й день месяца *асувани* (9-й месяц. – В. С.) года *бин-барса* совершил перерождение из [бодисаттвы] Дамба дуунхара и с неба Тушита спустился в страну Магада в образе царя Арачиварада (*санскр.* «белый слон». – В. С.) святой царевич по имени Хамаг тусыг бүтээгч (букв. «всю помощь оказавший», *санскр.* Сиддхарта. – В. С.). В ночь полнолуния месяца *бүрвасад* (*санскр.* бурвасадха, 6-й месяц. – В. С.) года *дэн-зайца* в городе Ранзагараг (Раджагриха) он вошел в

чрево царицы Маха Майи, супруги царя Судадани (Шуддходаны), и в 15-й день полнолуния месяца *ударабэлгуни* года *уудракона* при восходе солнца в саду Лумбини воплотился в высшего хубилгана. В возрасте 7 лет он в совершенстве обучился мужским занятиям. В возрасте 16 лет взял в жены дочь царя Гарта бялуут (*санскр.* Данаданати, букв. «Держащий в руке булаву». – *В. С.*) по имени Бумикэ. Освятив царскую власть [авторитетом] религиозного закона, он прошел обряд очищения в возрасте 29 лет перед субурганом Магад арилсан (букв. «Надежно очищенный». – *В. С.*) и стал монахом. На берегу реки Найранза в течение шести лет он (добровольно) принимал на себя страдания. В возрасте 35 лет в 8-й день новой фазы месяца *шошог* (4-й месяц. – *В. С.*) у подножия дерева бодхи он занимался медитацией семь дней, ночью 14-го дня он одолел злых демонов-шимнусов в городе Ранзагараг и утром следующего 15-го дня, во время восхода солнца, на алмазном троне Магады он обрел святость Победителя, Таким образом пришедшего, Одолевшего внутренних врагов (т. е. страсти. – *В. С.*), Действительно совершенного, Владыки мудрецов Будды Шакьямуни. После этого в возрасте 36 лет, начиная с первого дня первой декады *мэг* года *гуй-зайца*, он явился перед царями и до полнолуния 15-го дня совершил в саду Миджид и других местах множество волшебных превращений. Усмирив и уничтожив шестерых наставников еретических учений, он с 4-го дня первой декады месяца *сага* вращал колесо трех учений (т. е. проповедовал. – *В. С.*), наставлял и просвещал тенгриев, людей и другие одушевленные существа трех тысяч больших миров. Вместе с божественным Владыкой мудрецов (*Богд Чадагчийн эрхт*, т. е. Буддой Гаутамой. – *В. С.*) в четырех великих странах родились четыре великих властелина — распространителя Учения среди тех, кто проявлял достоинства Будды и покровительствовал религии. У сына [царя] Хязгаалалгуй (букв. «Безграничный, Беспредельный». – *В. С.*), которого звали Маш гэгээн (букв. «очень яркий». – *В. С.*) в стране Бадсала (*санскр.* Padsala) родился маль-

чик с такими отличительными признаками совершенства: с бирюзовыми от природы волосами, с зубами цвета морской раковины, с руками и ногами, пальцы на которых срослись и стали похожи на гусиные лапки, его глаза закрывались при моргании, как у птиц, снизу вверх. Когда вызвали предсказателей-брахманов и показали им [младенца], то они сказали: «Этот мальчик будет враждебен своему отцу. Нужно от него избавиться». Тогда царь-отец приказал своим сановникам немедленно от него избавиться. Те, каким бы холодным оружием не рубили его, не могли выполнить этот приказ. Они положили [младенца] в медный ящик и бросили его на дно реки Ганг. Когда этот ящик не утонул, а поплыл [по воде], некий старик-крестьянин из города Вайсали увидел, как что-то блеснуло близ берега реки. Он достал [ящик] из воды и, открыв его, увидел, что в нем находится мальчик красивой наружности. Так как у старика не было детей, то он решил вырастить его [у себя]. Скрыв [находку] от царя, он кормил его, положив его под деревом. Разные птицы ему приносили чистые фрукты, все хищные звери – свежее мясо, вместе [с ним] они вскормили [младенца]. Как только тот мальчик научился разговаривать, он стал спрашивать у старика: «Чей я сын? Кто я?». Когда старик рассказал ему обо всех его прежних обстоятельствах, то мальчик, вроде бы испугавшись, взлетел и отправился на восток в Страну снегов (речь идет о Тибете. – В. С.). Достигнув вершины *Өндөр хүрээт тэнгэр уул* (букв. «Небесная гора с высокими рубежами». – В. С.), он спустился оттуда вниз по девяти ступенькам святости. Добравшись до субургана с четырьмя воротами в долине Жирлинг (Ярлун. – В. С.), он встретил глав сект Небесная мирная бомбо и Земная великая бомбо. Когда те спросили его: «Ты откуда пришел? Кто ты?», то он молча показал указательным пальцем правой руки наверх, на небо. Тогда они сказали: «Да ты, наверное, сын тэнгрия [по имени] Маха. Вот почему у тебя другое, чем у простого человека обличье». Он ответил: «Я сын Неба. Мой дед был из золотого рода, многими возведенными царя-чакравартина Древней

Индии» и рассказал им обо всех своих обстоятельствах. Те поговорили друг с другом [и пришли к выводу о том], что поскольку он прежде не погиб ни от меча, ни от воды и его вскормили разные птицы, дикие звери и человек, то он, несомненно, сын тэнгрия. Они посадили его [в паланкин из] сандалового дерева, водрузили себе на плечи (*букв.* «на шеи». – *В. С.*) и подняли на снежную гору Самбу. Все договорились и объявили его нойоном, а в том же году уу-мышы возвели на ханский трон. Он стал известен как совершенный правитель Сээр сандалт хаан (*букв.* «царь, имеющий трон на грудной части позвоночника». – *В. С.*). Выйдя из Индии, [когда он] стал первым правителем 880 тысяч тибетцев Страны снегов, царский род распространился там. Его сын Хун ширээт хан (*букв.* «царь, имеющий человеческий трон». – *В. С.*), его сын Шувуун ширээт хан (*букв.* «царь, имеющий птичий трон». – *В. С.*), его сын Арвай ширээт хан (*букв.* «царь, имеющий трон на овсе». – *В. С.*), его сын Гал болор ширээт хан (*букв.* царь, имеющий хрустальный трон». – *В. С.*), его сын Морин ширээт хан (*букв.* «царь имеющий трон на коне». – *В. С.*), его сын Алтан ширээт хан (*букв.* «царь, имеющий золотой трон». – *В. С.*). Когда эти ханы переселялись [в другой мир], то [души их] поднимались от ног вверх, выходили через темя и отправлялись на небо путем света, называвшимся [пятицветной] веревкой святости в виде радуги, тела же их задерживались в царстве тэнгриев. Поэтому они называются семью царями, имеющими трон тэнгриев. Последнего из них — Алтан ширээт хана — хитростью погубил его коварный сановник (*түшмэл*) Лонхом. Когда тот сановник занял царский трон, то трое сыновей Алтан ширээт хана — Шувууч, Бугач и Бөртөн чоно — бежали в чужие края. Бөртөн чоно прибыл в страну *Рэгүванбу*. Прожив там короткое время, он женился на Гоо марал. [Затем] отправившись в путь на восток, он переправился через озеро Тэнгис и добрался до окрестностей горы Бурхан Халдун. [Там] он встретился с людьми [из народа] Бидэ. Когда те люди спросили его об [его] обстоятельствах, то он ответил, ссылаясь [на свое родство] с

древними людьми от тибетского Сээр сандалт хана, наследовавшего [власть] от индийского Многими возведенными [царя]. Тогда люди Бидэ, посовещавшись всем народом, из-за того, что он был знатного происхождения, провозгласили его своим ной-оном и стали повиноваться его приказам. У Бөртөн чоно [было] два сына — Батсанаан и Батцагаан, сын Батсанаана — Тамчуг, его сын — Хоричар мэргэн, его сын — Уужим буурал, его сын — Сали галзуу, его сын — Нэг нудэн, его сын — Самсоочи, его сын — Кали карчу, его сын — Борджигидай-мэргэн, у него было два сына — Дува Сохор и Добу Мэргэн, рожденных от дочери Хоргоджил баяна и Баргуджин гоо хатан. Дува-Сохора звали так (*сохор* значит «слепой», а также «одноглазый». — В. С.), потому что он имел глаз посередине лба, но мог видеть на расстоянии трех кочевков. Когда оба брата поднялись на гору Бурхан Халдун, Дува-Сохор сказал: «За лесным хребтом, вниз по течению речки Тунгэлик, на расстоянии одной кочевки в повозке сидит девушка красивой наружности. Давай-ка, брат, я посмотрю на нее и сосватаю ее тебе в жены». Отправились они вдвоем и, расспросив, [узнали, что] она дочь хори-тумэтского Хоридай-мэргэна по имени Алун гоо, рожденная от его жены Баргуджин гоо. Они ее сосватали, и она стала женой младшего брата Добу-мэргэна. Беря начало от Добу-мэргэна, возрождавшись в образе Чингисхана, развивался род Халхи. Беря начало от Дува-Сохора, род князей ойратов-элетов развивался так. У Дува-Сохора было два сына — Доной догшин и Эмнэг эрх. У последнего — сын Бөө хан (*букв.* «хан-шаман». — В. С.). Его звали так потому, что в то время религия еще не распространилась, а знающих, обладающих предчувствием (т. е. обладающих экстрасенсорными способностями. — В. С.) людей называли «бөө» («шаманами»). Ставший известным как Бөө хан, он, подобно овладевшему мужскими занятиями и достигшему зрелости доброму молодцу, постоянно носил на плечах золотое белое *ормоо*, ездил верхом на сине-сером, как облако, коне, оставлял [свою] казну на вершине горы *Эрээн Хабирга*, а сам в одиночку охотился в лесу. Между тем на

вершине той горы было одно заповедное озеро (*ариун нуур*), на которое в восьмой либо в пятнадцатый день в начале каждого месяца садился 501 лебедь. Когда среди них Бöö хан увидел одного отличающегося от других своим видом лебедя с красной головой, то он насторожился. Он расставил вокруг озера ловушки и в них попали все лебеди, прилетевшие, чтобы поклевать [приманку]. Он всех их отпустил, оставив при себе только одного красноглавого лебедя. Когда он собрался убить его, то лебедь сказала: «Я была любимой дочерью владыки Хормусты-тэнгрия. Вместе с пятьюстами [людьми], отданными мне в приданое, я иногда прилетала сюда, чтобы искупаться в этом одиноко расположенном заповедном озере с целебной водой. Не лишай меня жизни». В ответ на эту просьбу [Бöö хан] сказал: «Если ты будешь жить со мной, став моей женой, то я не убью тебя. Если же нет, то я обязательно тебя убью». Она сказала тогда: «Для меня лучше быть живой, чем убитой. Раз так, то жить в уединении и покое в окрестностях этого заповедного озера с целебной водой, не соприкасаясь с худшими из людей, наверное, это и есть предназначенная мне судьба». Бöö хан одобрил ее [слова] и не стал ее убивать. Тут из клетки для птиц вышла девушка невиданной красоты, от которой исходил чрезвычайно яркий свет. Она сделала так, что сам собой появился большой белый дворец-кибитка без веревки для крепления, слуги, и они, блаженствуя, стали жить в нем. Бöö хан раньше, когда охотился, проводил на охоте двое–трое суток и возвращался [домой]. Теперь же, когда он стал возвращаться через десять–двадцать суток, а то и через месяц с лишним, его прежняя жена, заподозрив [неладное], к хвосту сине-сивого, как облако, коня, на котором он ездил, привязала мешочек для пороха из прозрачной хлопчатобумажной ткани, насыпав туда красную краску. Когда Бöö хан поутру, в предраусветных сумерках, встал и отправился [из дома на гору], [эта] жена стала выслеживать его, идя там, где капала краска. Заметив, что на берегу озера возле белого дворца-кибитки стоит оседланный сивый, как облако, конь, она подкралась

[туда] и, заглянув в дверь с правой стороны, увидела, что [во дворце-кибитке] сидит и расчесывает свои волосы женщина несравненной красоты. Когда вне себя от гнева она ворвалась [во дворец], крича: «Почему ты, негодная женщина, ведя себя нескромно, обманщица, пользуясь хитростью, живешь [здесь] с моим мужем?», то та женщина внезапно испугалась и вылетела через верхнее круглое отверстие [дворца-кибитки]. В сердцах она произнесла: «Пусть лопнет куполообразная голова (букв. «голова-барабан». – В. С.). Пусть умрет Бöö хан». От этого гора Эрээн Хабирга задрожала, Бöö хан испугался и стал молиться, произнося «Богд, богд», тогда гора перестала трястись. Начиная с этого времени ее стали называть Богд Эрээн Хабирга (букв. «Священная Эрээн Хабирга». – В. С.). Так как тот дворец-кибитка вместе со слугами тут же исчез подобно радуге, то Бöö хан возвратился со своей первой женой обратно домой в свою кибитку и вскоре умер, а его народ в течение некоторого времени оставался без хана. Та небесная дева, собравшаяся вернуться в свою страну, была беременной, поэтому она не смогла этого сделать. Она жила там, питаясь плодами, а по истечении срока родила мальчика. Она завернула его в чистые небесные мягкие шелка (*хив торгоор*), положила его в колыбель из сандалового дерева. Для вскармливания [младенца] она поместила ее так, чтобы капли целебного дождя-рашаана, скопившиеся на листьях дерева, попадали в рот [младенцу]. На верхушку дерева она посадила маленькую сову (*ууль шовуу*), чтобы та нянчила его, а рядом, наполнив водой, поставила толстую чашу с суживающимся кверху отверстием. Сама же мать улетела на небо, в свою страну. В то время два человека по имени Хүчүгүд и Заамуд, охотясь на той горе, услышали в лесу изредка [доносившиеся] приятные голоса какой-то птицы и ребенка. Подкравшись, они увидели, что как только лежащий под деревом ребенок начинает плакать, то сидящая на вершине дерева сова подает голос, и ребенок перестает плакать. Увидев, что он пьет попадающую ему в рот дождевую воду, они [подумали:] «Этот особенный

чудесный ребенок определенно является небесным мальчиком, рожденным от сожительства небесной девы и нашего Бёё хана. Давай-ка унесем его [отсюда], обмоем, накормим и воспитаем». Сказав так, они унесли его и вдвоем любовно вырастили его. Уже к восьми своим годам мальчик обучился мужским занятиям и различным искусным способам и премудростям. Он сделался столь совершенным, что когда [люди] смотрели на него, то видели, что он красив, обладает добрыми приметамы (*бэлгэ чанар*) и воспринимается как человек со светлым, здравым и пронизательным умом. Хүчүгүд и Заамуд каждый со своей стороны дали ему в жены [девушку]. После этого они все собрались вместе и договорились: «Мы одинаково низкого происхождения, кого поставим над собой в нойоны? Кто будет албату? Ведь он некто иной, как небесный мальчик, рожденный от связи небесной девы с нашим Бёё ханом». Они провозгласили его повелителем – нойоном над всеми, а так как его нянчила сова (*ууль шувуу*), то прозвали его Улиндай-Бадан-тайши. Поскольку чаша с суживающимся кверху отверстием была полна воды, то все единодушно сошлись во мнении, что он из рода Цорос и стали величать его «Сыном неба из рода *Цорос*, ханом Улиндай-Бадан-тайши». Некоторые еще называли его Ховор шар или Бодон-хан. Когда он был еще ребенком, то Хүчүгүд постоянно развлекал его, сажая себе на плечи, [а] Заамуд, когда видел его, говорил: «А вот и он [мой родной]». Так они нежно ласкали его и заботливо воспитывали.

Поскольку он с любовью относился к ним, говоря: «Мой Хүчүгүд, наделивший меня силой. Мой Заамуд, передавший мне свой характер», то Хүчүгүд и Заамуд оба принадлежали к одному с ним роду. У хана Улиндая-Бадан-тайши четверо сыновей: Эрхэчүд, Бүгжилдү, Халмин-тайджи и Маннуг-тайджи. У Халмин-тайджи сын Хуухуй Даюу, у него сын Батулан чинсан, у него сын Эсэн-хан, у него двое [сыновей] — Бор нагал и Эсэмүн дархан нойон. Бор нагал — родоначальник (*уг язгуур*) дэрбэтских князей. У Эсэмүн дархан ноёна сын Хамуга-тайши, его

сын Онгорхой, его сын Онгучин, его сын Болай-тайши, его сын Хутагайд Хархул по прозвищу *Догшин нойон* (букв. «грозный, свирепый князь». – В. С.). Его назвали Хутагайд Хархул потому, что в 9-летнем возрасте, когда он играл в лесу вместе с другими детьми, на них, издавая громкий рев и повалив туда-сюда тонкие деревья, напало какое-то похожее на человека (букв. «похожее на нас». – В. С.) (*намшиг биетэй*) черное животное. Подскакив к ханскому сыну по имени Догшин нойон, оно схватило его и обратилось в бегство. Как только те дети прибежали домой и рассказали об этом, за ним сразу же отправили в погоню множество воинов. Те только явно увидели, что следы из леса ведут вперед. Они несколько суток шли по следам и, настигнув, обнаружили, что животное, называвшееся *хархул*, лежит, засунув морду и голову в пещеру в скале, а Догшин нойон сидит на нем верхом. Когда они [настигли его], то увидели, что тот своим ножом убил [зверя], нанеся ему несколько ударов. Они обрадовались и, привезя его домой, назвали Хутагайд Хархул Догшин нойон. Его старший сын — Баатар хунтайж. Он — родоначальник Кукунорских элётов. Он также является родоначальником нынешнего *бэйсэ* Цэдэвдоржа, предка Ончона и Данжилы. Второй сын Хархула — Чой Мэргэн дайчин, его старший сын — Данзан по прозвищу *Гарма дуурьсах дайчин хошууч*. Говорят, что это был добрый молодец, известный как Дуурьсах дайчин хошууч, у которого был конь, при ржании широко раскрывающий рот, и громкоголосый пес, подобный мангусу. Второй сын Ахай, его сын Цэрэн-дондов, на его сыне по имени Дашдаваа род пресекался. Третий сын Цөхур Убаши, его потомки есть среди Алашаньских элётов. Старший сын Данзана по прозвищу *Гарма дуурьсах дайчин хошууч* — Гүмбү баатар, второй сын Дугар. Старший сын Дугара — Цэрэн, второй сын Дадуху, третий сын Ханд, четвертый сын Данзанравдан, пятый сын Дамиран. Третий сын Ханд в 37-м году правления Энгкэ Амугулана (*кит.* Цяньлун, т. е. 1698 г. – В. С.) впервые принял [китайское] подданство, и на аудиенции ему было сказано [императором]: «То, что ты прибыл

принять подданство, достойно одобрения. Поскольку твой отец уже давно нес службу, то я жалую тебя в тайджи». Затем его причислили к Чахарскому корпусу, состоявшему под желтым знаменем с каймой, и поселили там, назначив сверхштатным чиновником (*сула сайд*) третьей степени. Старший сын Ханда также сверхштатный чиновник третьей степени Соном, второй сын — телохранитель (*хиа*) Аравжир, который лично посещал дворец Цянь-чин-мэнь (*букв.* «Небесные прозрачные ворота». – В. С.) [для поздравления императора].

Сыновья Аравжира — Өлзийт, Эрэнчин и другие — потомства не имеют. Старший сын Сонома — телохранитель Гэндэнжав, его сын Ишгэлдэй не оставил потомства.

Второй сын Сонома Пунцаг был усыновлен цзюнь-ваном Сэвдэнванбу. Третий сын — тот самый сверхштатный чиновник третьей степени Цэвэгжав, его сын — сановник третьей степени Намжил. Родной сын. Намжил усыновил сановника четвертой степени Чагдаржала, бывшего у бэйсэ Доржбала. Четвертый сын Дугара Данзанравдан вместе с 700 с лишним кибиток своих подданных людей в 41-м году правления императора Энгкэ Амугулана (*кит.* Канси, т. е. 1702 г. – В. С.) впервые прибыл и добровольно (*үнэн сүжгээр*) принял подданство. Когда он прислал известие об этом с почтенным зайсангом Гонгором, то ему были пожалованы парадные головной убор и одежда. Затем, когда сам Данзанравдан прибыл, чтобы самому лично на аудиенции представиться и поклониться императору, то его пригласили во Дворец вечного согласия, и император объявил: «Элёты издавна прибывали в наше государство, чтобы принять подданство, но столько людей, сколько ты привел с собой, еще не приводили. То, что ты с чистым сердцем прибыл принять подданство, достойно всяческого одобрения. Четки из камня бифэн-ши, которыми я пользуюсь, весьма хороши при болезнях, вызванных ветром (*салхин өвчинд*). Ныне я жалую их тебе». Еще [император] пожаловал ему княжеское достоинство *цзюнь-вана*, соболью шубу, лошадь под седлом, наградил серебром и шелком.

В 42-м году он произвел его в *засаки*. Вслед за этим вступивший на место Данзанравдана его старший сын Цэрэнванбу женился на принцессе императорской крови (*төррийн гэгэ*) и стал зятем императора. В том же 42-м году правления Энгкэ Амугулана он дополнительно наследовал титул *засаг төррийн цзюнь-вана*. В 4-м году правления Найралту Тöv (1726) по указу императора сверхштатный чиновник Бэ сухэ и другие были посланы провести ревизию Алтайской окраины, затем оттуда отправиться в район реки *Туйн-гол* и обсудить вопрос о создании хошунов и анги у элэтов. Когда они представили доклад о том, что для управления необходимо сформировать четыре сомона из подданных людей Цэрэнванбу, Сэвдэнванбу и Муухай'а, то по указу императора им всем были пожалованы печати владетельных князей-засаков. У элэтов всего шесть хошунов. [Они принадлежат] *засаг төррийн цзюнь-вану* Цэрэнванбу, *засаг төррийн бэйлэ* Сэвдэнванбу, *засаг хошууны бэйсэ* Доржсэвдэну, алашаньскому *бэйлэ* Абуу, хойтскому *улсад туслагч гуну* Бажи. Их отдали в подчинение Цэрэнванбу и назначили его председателем сейма (*чуулганы дарга*). В то время Августейший император, сказал, что урянхайцы (*урианхай ард*), живущие вперемешку на территории Танну Ула (*Тагна уул*), а также Хэм Хэмчига, издавна являлись подданными джунгаров и повелел отдать их в подчинение Цэрэнванбу. После того как ежегодно стали брать налог по пять соболей с каждого мужчины, источник существования урянхайцев истощился. По этой причине приказано было сократить [налог] вдвое и взимать его с них, позволив им содержать домашний скот. Второму сыну Данзанравдана Сэвдэнванбу отдали в жены принцессу (*төррийн гэгэ*), и он сделался императорским зятем (*төррийн эфу*). В 1-м году правления Найралту Тöv (*кит.* Юнчжэн, т. е. в 1723. – В. С.) ему было пожаловано достоинство *төррийн бэйлэ*. В 4-м году правления (1726) ему вручили печать *засака*. В 6-м году (1728) умер *засаг төррийн цзюнь-ван* Цэрэнванбу, после его смерти в 7-м (1729) году Сэвдэнванбу унаследовал достоинство *засаг төррийн цзюнь-вана* и был назначен председателем сейма. В 9-м году

(1731 г.), когда Муухай, Цэрэн и другие склонили подданных людей Сэвдэнванбу к измене, то он [сам] доложил следующее: «С тех пор как мой, Вашего холопа, отец Данзанравдан прибыл принять подданство, он последовательно служил (*букв.* «брал на себя ответственность»). – В. С.) благополучию государства. Недавно, когда джунгарские бандиты вторглись на китайскую территорию, и пока еще, посовещавшись с Муухаем, Цэрэном и другими, только предполагали переселиться вместе на китайскую территорию, двоих людей из моего, Вашего подданного, хошуна *захирагч занги* Банди, сомонного *занги* Шотэна с их подчиненными аратами обманным путем склонили к измене, и те, изменив, отправились, чтобы присоединиться к войску Галдана. Я, Ваш холоп, сохраняя верность [Вашей] власти, мобилизовав зайсангов и [рядовых] воинов, жду Вашего приказа». На это последовал императорский указ: «Я с давних пор оказываю снисхождение Сэвдэнванбу. Ныне он, веря в мое милостивое [к нему] отношение, не стал, по мере возможности опекая аратов своего подданного нутука, понапрасну двигать их [с места], а испросил нашего распоряжения. Это заслуживает одобрения и похвалы. Поручить Ведомству по управлению делами Внешней Монголии послать человека и, смотря по обстоятельствам, рассмотреть самые лучшие (*бат сайн*) земли и поселить на них [людей Сэвдэнванбу]». В 10-м году (1732 г.) был издан следующий указ: «То, что зайсанги по доброй воле последовали за своим владетелем, заслуживает большого одобрения. Сэвдэнванбу, веря в мое милостивое [к нему] отношение, не поддавался на уговоры джунгарских бандитов, а, применяя силу, преследовал и уничтожал тех, кто бежал к ним, поэтому, удостоив милости, пожаловать Сэвдэнванбу одну тысячу ланов серебра, зайсангам — по 100 ланов серебра каждому, простолюдинам — по 10 ланов серебра каждому». В 1-м году правления Тэнгэрийн тэтгэсэн (кит. Цяньлун, т. е. в 1736 г. – В. С.) императорским указом он был назначен в свиту императора, ему были пожалованы темно-красные вожжи. В 13-м году *цзюнь-ван* императорский зять (*эфу*) Сэвдэнванбу умер. В

том же году по указу императора ему наследовал с понижением звания до *засаг хошууны бэйсэ* его приемный сын Пунцаг, сын его близкого родственника по отцу, внештатного сановника (*сул сайд*) третьей степени Сонома.

Затем его провели через ворота Цянь-цин-мэнь и пожаловали двуглазым пером и желтым тюфяком для сидения. Хошун Пунцага перекочевал из района реки Халхин-гол в район реки Туйн-гол и поселился там. В 20-м году (1755 г.), когда императорская армия воевала с Дабачи, Пунцаг преподнес [в дар] 200 лошадей, за что был награжден четырьмя степенями отличия. В 26-м году правления Тэнгэрийн тэтгэсэн (*кит.* Цяньлун, т. е. в 1761 г. – В. С.) по указу императора сановник (*сайд*) Номхон, председатель сейма Сэцэн-хан Манибабатар и др. были выведены [из подчинения прежних административных единиц] и на освободившихся территориях двух аймаков — Тушэту-хановского и Сайн-нойон-хановского — проведена инспекция. Хошуну Пунцага отвели кочевья в местности Олон усны газар на реке Орхон, включили в состав Сайн-нойон-хановского аймака и подчинили председателю сейма Цэцэрлэг.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ

Габан Шараб. Сказание об ойратах // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе / Сост. А. В. Бадмаев. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. – С. 140–158.

Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. Ойратский текст. Транслитерация сводного текста, реконструиров. монг. текст и его транслитерация / Пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова. – М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1981. – 148 с.

Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе / Сост. А. В. Бадмаев. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. – 204 с.

Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание») / Пер. с монг., введ., коммент. и прил. Н. П. Шастиной. – М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1973. – 440 с.

Материалы по истории русско-монгольских отношений 1654–1685: Сб. документов / Сост. Г. И. Слесарчук. М.: Вост. лит., 1996. 560 с.

Монгольские источники о Даян-хане / Введ., вступит. часть, коммент. Г. С. Гороховой. – М.: Наука, ГРВЛ, 1986. – 117 с.

Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях / Пер. с кит. П. С. Попова. – СПб., 1895. – 482+92+VIII с.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I. Ч. 2. – М.-Л.: Изд-во АН ССР, 1952. – 375 с.

Сказание о дербен-ойратах, составленное нойоном Батур-Убуши Тюменем // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе / Сост. А. В. Бадмаев. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. – С. 13–48.

Сумба-Хамбо. История Кукунора, называемая «Прекрасные ноты из песни Брахмы» / Пер. с тибет., введ. и прим. Б. Д. Дандарона. – М.: Наука, 1972. – 260 с.

Шара Туджи. Монгольская летопись XVII века / свод. текст, пер., введ. и примеч. Н. П. Шастиной. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – 199 с.

Oyirad teüke-yin durasqal-ud. – Ürümçi: Šinjiyang-un arad-un keblel-ün qoriya, 1992. – 498 с.

Oyirad teüken surbulji bičig. – Kökeqota: Öbör Mongyol-un soyol-un keblel-ün qoriya, 1985. – 442 с.

Oyirad tüükiyin surbulji bičig. – Ürümçi: Šinjiyang-giyin aradiyin kebleliyin хорō, 1987. – 452 с.

Ойрад Монголын түүхэнд холбогдох сурвалж бичгүүд – I / Эмхтгэж, тод болон худам монгол бичгээс кирил бичигт буулган, тайлбар хийсэн На. Сухбаатар. – Улаанбаатар: Монгол улсын их сургууль, 2001. – 242 с.

Ойрад Монголын түүхэнд холбогдох сурвалж бичгүүд. II / Эмхтгэж, тод болон худам монгол бичгээс кирил бичигт буулган, тайлбар хийсэн На. Сухбаатар. – Улаанбаатар: Монгол улсын их сургууль, 2001. – 167 с.

Ойрад Монголын түүхэнд холбогдох сурвалж бичгүүд – III / Эмхтгэж, тод болон худам монгол бичгээс кирил бичигт буулган, тайлбар хийсэн На. Сухбаатар. – Улаанбаатар: Монгол улсын их сургууль, 2002. – 211 с.

Өөлдийн ноёдын уг эх [түүх]. Монгол бичгээс хөрвүүлж, тайлбар, галиг, үгийн хэлхээ хийсэн Ц. Цэрэндорж. – Улаанбаатар: Тод номын гэрэл төв, 2010. – 149 с.

Тод үсгийн дурсгалууд / Ред. проф. А. Лувсандэндэв; ботийн ред. Х. Лувсанбалдан. – Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн Хэвлэл, 1976. – 434 с.

Хо-Өрлөгийн түүх // Ойрад Монголын түүхэнд холбогдох сурвалж бичгүүд –II. – Уланбаатар: Монгол улсын их сургууль, 2001. С. 155–166.

Хошууд нойн Баатр Увш Түмнэ туурвсн «Дөрвн өөрдин түүк» // Вестник Калм. НИИЯЛИ, № 12 (серия филологии). – Элиста, 1975. – С. 32–49.

Эмч навн Шарв. «Дөрвн өөрдин түүк оршва» // Вестник Калм. НИИЯЛИ, № 12 (серия филологии). – Элиста, 1975. – С. 15–31.

Šine qayučin Torγud-un qayad noyad-un uy ündüsüten-ü ilelkel šastir. Čoyidandar qarγuyulun bayulyaju tayilburilaba. – Begejing: Ündüsüten-ü keblel-ün qoriya, 1991. – С. 148.

ЛИТЕРАТУРА

Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа (середина IX – 1 четверть XVIII вв.). – М.-Элиста: ИНИОН РАН, 1994. – 248 с.

Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгутского, и поступков их ханов и владельцев. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. – 153 с.

Баранов А. Словарь монгольских терминов. А–Н. – Харбин, 1907. – 145 с.

Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках: события, люди, быт. – Элиста, 1993. – 381 с.

Батмаев М. М. Калмыцкое ханство в период правления Аюки-хана // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Т. 1. Элиста, 2009. С. 344–384.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. – 128 с.

Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // Исторические записки. № 5. – М., 1939. – С. 48–102.

Большой академический монгольско-русский словарь. Т. IV. – М.: Academia, 2002. – 532 с.

Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Индия в древности. – М.: Наука, 1985. – 758 с.

Бурдуков А. В. Предание о происхождении дэрбэтских князей кости Цорос // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества. Т. XIV, вып. 1–2 (1911). – С. 54–59.

Владимирцов Б. Я. Монгольские сказания об Амурсане // Восточные записки. Т. 1. – Л., 1927. – С. 271–283.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. – Л.: Изд-во АН СССР, 1934. – 223 с.

Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов / сост. Г.И. Слесарчук. М.: Вост. лит., 2002. – 557 с.

Внешняя политика государства Цин в XVII веке. – М.: Наука, ГРВЛ, 1987. – 386 с.

Жуковская Н. Л. Введение // Калмыки. – М.: Наука, 2010. – С. 7–11.

Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). – М.: Наука, 1964. – 483 с.

Златкин И. Я. Русские архивные материалы об Амурсане // Филология и история монгольских народов. М., 1958. – С. 289–313.

История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В трех томах. Т. 1. – Элиста: ГУ Издат. дом «Герел», 2009. – 847 с.

История татар с древнейших времен. В семи томах. – Т. III. Улус Джучи (Золотая орда). XIII – середина XV века. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – 1056 с.

Кичиков М. Л. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. – 151 с.

Козин С. А. Ойратская историческая песнь о разгроме халхасского Шолой-Убаши-хунтайджи в 1587 году // Советское востоковедение. Т. 4. – М.-Л., 1947. – С. 91–104.

Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. 1. Введ. в изучение памятника / пер., тексты, глоссарии. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 619 с.

Колесник В. И. Последнее великое кочевье. – М.: Восточная литература РАН, 2003. – 286 с.

Корнеев В. И. Будда // Буддизм: Словарь. – М.: Республика, 1992. – С. 49–51.

Краткий энциклопедический словарь исторических топонимов Казахстана / Сост. И. В. Ерофеева. – Алматы, 2014. – 528 с.

Кычанов Е. И. Повествование об ойратском Галдане Бошукту-хане. 2-е изд., испр. и доп. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. – 208 с.

Лыткин Ю. Материалы для истории ойратов // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. – С. 81–131.

Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). – Алма-Ата: Гылым, 1991. – 236 с.

Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке (Очерк внешнеполитических отношений). – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. – 174 с.

Навеки вместе. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984. – 239 с.

Норбо Ш. Зая-пандита (Материалы к биографии). – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. – 336 с.

Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. II. XVIII век. – Астрахань, 1927. – 231 с.

Позднеев А. М. Калмыцкая хрестоматия. Изд-е 2-е, испр. и доп. – СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1907. – 195 с.

Покотилов Д. Д. История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 (по китайским источникам). – СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1893. – 230 с.

Почакаев Р. Ю. Чингизидское правовое наследие в ойратских ханствах // *Mongolica–XIV*: Сб. ст. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2015. – С. 12–18.

Санчиоров В. П. «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. – М.: Наука, ГРВЛ, 1990. – 137 с.

Санчиоров В. П. «Калмаки» в «Истории» турецкого автора XVI в. Сейфи Челеби // Малоисследованные источники по истории дореволюционной Калмыкии. – Элиста: Калм. НИИИФЭ, 1987. – С. 6–18.

Санчиоров В. П. К вопросу о Дурбэн-ойратском союзе // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2013. – № 2. – С. 7–12.

Санчи́ров В. П. К изучению топонимики ойратов и калмыков (XVII–XVIII вв.) // Новый исторический вестник. – 2011. – № 3 (29). – С. 67–73.

Санчи́ров, В. П. Начало вхождения калмыков в состав Русского государства // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. – Т. 1. – Элиста: Герел, 2009. – С. 245–310.

Санчи́ров В. П. Об этимологии главных ойратских этнонимов // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие: Материалы Международной научной конференции (20–23 сентября 2011 г.). Ч. 2. – Элиста: КИГИ РАН, 2011. – С. 110–116.

Санчи́ров В. П. Ойрато-китайские отношения после «Тумуской катастрофы» 1449 г. // Восток (Oriens). – 2009. – № 1. – С. 133–139.

Санчи́ров В. П. Ойраты в составе единого монголо-ойратского государства в послеюаньский период (XV–XVI вв.) // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. – Т. 1. – Элиста: Герел, 2009. – С. 166–244.

Санчи́ров В. П. Ойраты в эпоху монгольских завоеваний // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. – Т. 1. – Элиста: Герел, 2009. – С. 136–166.

Санчи́ров В. П. О происхождении этнонима *торгут* и народа, носившего это название // Монголо-бурятские этнонимы. Сб. ст. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. – С. 31–50.

Санчи́ров В. П. Приволжские калмыки в составе Цинской империи в конце XVIII века // Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. – С. 60–73.

Санчи́ров В. П. Теократия в Тибете и роль Гуши-хана в ее окончательном утверждении // Ламаизм в Калмыкии. – Элиста, 1977. С. 14–25.

Тепкеев В. Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века: проблемы политических взаимоотношений. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2014. – 448 с.

Убушаев Н. Н. К проблеме этногенеза хойтов // Проблема этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Сборник научных трудов. Вып. 2. – Элиста: Калм. ГУ, 2008. – С. 102–106.

Цендина А. Д. Монгольские летописи XVI–XIX веков: повествовательные традиции. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 272 с.

Чимитдоржиев Ш. Б. Антиманьчжурская освободительная борьба монгольского народа (XVII–XVIII вв.). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 91 с.

Шевченко Т. Избранные произведения. – Л.: Лениздат, 1952. – 680 с.

Шевченко Т. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 4. – Киев, 1949.

Юдин В. П. О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахами и соседними народами // Юдин В. П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы: Дайк-Пресс, 2001.

Altanorgil. Todo üsüg degere jökiyaуdaysan Mongyol teüke-yin surbulji biçig-üd-ün tanilçaxulya // *Öbör Mongyol-un baуši-yin yeke suryaуuli-yin erdem šinjilgen-ü sedgöl.* Nemelte sedgöl, 1987. – С. 137–176.

Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын түүх. Дэд боть, 1604–1917. – Улаанбаатар, 1968. – 621 с.

Монгол улсын түүх. Дөтгөөр боть. – Улаанбаатар, 2003. – 421 с.

Erdenibayatur, Šoytu. Oyirad teüke-yin šine negelte – Todo üsüg-ün surbulji biçig // *Öbör Mongyol-un baуši-yin yeke suryaуuli-yin erdem šinjilgen-ü sedgöl.* Neyigem-un šinjilekü uqaуan-u keblel-ün Oyirad teüke-yin tusyai duуar. Nemeltü sedgöl, 1987. – С. 176–181.

Mo Ulân. Arban dolôduуar zuuni Oyiradiyin teükiyin sudulul. – Ürümçi: Šinjiyang-giyin aradiyin kebleliyin хорō, 2000. – 206 с.

Пэрлээ Х. Увш хун тайжийн туужид гарах түүхэн хүн, он цагийг судалсан тухай // *Studia Mongolica.* Т. 6 (14). Fasc. 1-18.

Sayang Sečen. Erdeni-yin tobči. – Ulan-bator, 1958. – 347 с.

Eminent Chinese of Ch'ing Period (1644–1912). Edited by Arthur W. Hummer. Vol. 1. A–O. – Washington: United States Government Printing Office, 1943. – 604 p.

Haslund-Chriestensen H. Men and Gods in Mongolia. Zayagan. London, 1935. – N. Y. (Dutton), 1935.

Krueger Jonn R. New Materials on Oirat Law and History. Part Two: «The Origins of the Torgouts» // Central Asiatic Journal. Vol. XVIII. № 1. – Wiesbaden, 1974.

Miyawaki Junko. The Qalqa Mongols and the Oyirad in the 17th century // Journal of Asian History. Vol. 18. № 2. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1984. – С. 136–173.

Miyawaki Junko. A Volga-Kalmyk family tree in the Ramstedt collection // Journal de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 83. – Helsinki, 1991. – С. 203–234.

Okada Hidehiro. Haslund's «Toregut Rarelro» rediscovered // Writing in the Altaic World. Studia Orientalia. 87. – Helsinki, 1997. – P. 187–194.

Okada Hidehiro. Miyawaki-Okada Junko. Haslund's Toregut Rarelro in the Parallel Text in Ulaanbaatar // Mongolian Studies. Journal of the Mongolia Society. Vol. XXIX. (2007).

Pallas, P. S. Sammlungen historicher Nachrichten über die Mongolischen Völkerschafteno. I-er Theil. – SPb., 1776. – 222 с.

Rossabi, Morris. Esen // Dictionary of Ming biography. Vol. I. – New-York: Columbia University Press, 1976. – С. 416–420.

Serruys, H. Рецензия на кн: Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635-1758). М., 1964 // Journal of the American Oriental Society. Vol. 85 (2). New Haven (Conn.), 1965. – С. 224–227.

Санчиров Владимир Петрович

**Письменные памятники
по истории ойратов XVII–XVIII веков**

Редактор Т. А. Михалева
Верстка Д. В. Татнинов

Подписано в печать 10.04.2016.
Формат 60x90/16. Гарнитура Таймс.
Усл.печ.л. 16,9. Тираж 300 экз. Заказ 03-16.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Калмыцкий институт гуманитарных исследований
Российской академии наук
358000 г. Элиста, ул. им. Илишкина, 8